

9(47) 63.3(2)
И 32

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ ПЕРМСКОГО (ПРОМЫШЛЕННОГО) ОБЛИСПОЛКОМА

ИЗ ИСТОРИИ КРАЯ

Пермь
1964

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ ПЕРМСКОГО (ПРОМЫШЛЕННОГО) ОБЛИСПОЛКОМА
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ № 108

ИЗ ИСТОРИИ КРАЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПЕРМЬ * 1964

W

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор исторических наук, профессор Ф. С. Горовой (главный редактор), кандидат исторических наук, доцент К. С. Маханек, П. С. Налепов, Л. П. Вакатова (секретарь).

63.3.(2)
И-32

Часть первая

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей «Из истории края» подготовлен архивным отделом Пермского (промышленного) облисполкома и Пермским государственным университетом им. А. М. Горького. В его подготовке также принимали участие сотрудники Государственного архива Пермской области. В сборник включены статьи по различным вопросам дореволюционного и советского периодов истории Урала. Большинство документов, положенных в основу статей, вводятся в научный оборот впервые.

Вопросам пореформенной экономики края посвящена статья профессора Ф. С. Горового. Статьи В. В. Мухина, С. М. Томсинского, Л. А. Трефиловой, К. С. Маханек, П. И. Хитрова, М. И. Черныша, Л. П. Вакатовой затрагивают различные вопросы землевладения и землепользования на Урале, сравнительно мало изученные в нашей исторической науке. К ним же относится обзор фондов Государственного архива Пермской области по истории землевладения и землепользования рабочих частных вотчинных заводов Пермской губернии пореформенного периода (1861—1917 гг.), составленный Н. Д. Аленчиковой.

Статьи Л. М. Гантмана, Е. Н. Лукьяновой, В. Г. Черемных касаются вопросов истории борьбы за победу и упрочение советской власти и проведения социалистической индустриализации на Урале.

Настоящий сборник рассчитан на научных работников, студентов вузов, учителей школ и читателей, интересующихся историей Урала.

П. С. Налепов,
заведующий архивным отделом
Пермского (промышленного) облисполкома.

Ф. С. Горовой.

РАЗВИТИЕ НЕГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ГОРОДОВ И ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ПРЕДРЕФОРМЕННОЙ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Изучение формирования товарно-капиталистических отношений в России накануне отмены крепостного права — одна из важнейших задач исторической науки. Особое значение эта проблема приобретает в отношении Урала, где ее разрешение ошибочно связывается с состоянием лишь горнозаводской промышленности. Имеющаяся по данному вопросу как дореволюционная, так и советская литература посвящена, главным образом, развитию городов и лишь отчасти касается торгово-экономических связей¹.

Восполняя, хотя бы частично, этот пробел, мы ставим перед собой задачу, не касаясь горнозаводской промышленности, рассмотреть ряд вопросов экономической стороны развития капитализма в предреформенной Пермской губернии.

В отчете за 1860 год пермский губернатор сообщал, что, кроме 115 горных заводов, в губернии насчитывалось еще 1609 «других фабрик и заводов», вырабатывавших изделий на 9.430.524 р. Это была негорнозаводская промышленность, Стоимость выпускаемой ею продукции равнялась 38% общегубернской².

---

¹ А. Дмитриев. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889; Верхоланцев. Город Пермь в прошлом и настоящем, Пермь, 1913; Город Пермь. Сборник очерков по истории, культуре и экономике города, Пермь, 1926; Пермь, сборник статей, Пермь, 1957; Д. Н. Мамин-Сибиряк. Город Екатеринбург. В сборнике «Статьи и очерки», Свердловск, 1947; Горловский. Горный город Екатеринбург-Свердловск 1948; Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска, Свердловск, 1947; Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска, Свердловск, 1950; Свердловск. Справочник, Свердловск, 1956; Л. Е. Иофа. Города Урала, М, 1951; Н. Эйгер, Сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и о развитии на ней торговли, «Пермский сборник», кн. 2, отд. III, М, 1860; А. Хитров. К истории города Ирбита, Ирбит, 1872; Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России, Пермская губерния, ч. I-II, СПб, 1864.

² Центральный государственный исторический архив (в дальнейшем ЦГИА), ф. 1284, оп. 6 (697), 1860 г., д. 50, л. 108.

Негорнозаводская промышленность следующим образом распределялась по городам и уездам губернии¹.

У е з д ы	В уездных городах		На т				всего
	количество предприятий	стоимость вырабатываемых изделий	количество предприятий	стоимость вырабатываемых изделий	количество предприятий		стоимость вырабатываемых изделий
		руб. коп.		руб. коп.			руб. коп.
Екатеринбургский	30	1.603.648—74	257	816.652—20	287		2.420.300—94
Пермский	21	396.412—30	263	144.492—74	284		540.905—04
Камышловский	6	17.285—00	228	139.527—85	234		156.812—85
Шадринский	25	864.831—00	206	325.357—00	231		1.190.188—00
Соликамский	8	47.547—30	207	2476.126—55	215		2.523.673—85
Верхотурский	1	2.000—00	147	616.238—76	148		618.238—76
Кунгурский	94	1.093.446—50	32	57.325—00	126		1.150.771—50
Ирбитский	13	35.405—00	20	79.882—23	33		115.287—23
Красноуфимский	11	17.247—00	10	153.041—53	21		170.288—53
Осинский	8	13.245—00	6	504.097—00	14		517.342—00
Чердынский	6	8.927—00	8	2.990—00	14		11.917—00
Оханский		—	2	14.798—68	2		14.798—68
Итого:	223	4.099.994—84	1386	5.330.529—54	1609		9.430.524—38

Общеизвестно, что в последние 20 лет перед реформой горнозаводская промышленность Урала переживала кризис, между тем, как показывает исследование источников, негорнозаводская промышленность, наоборот, быстро развивалась. Х. Мозель, приводя несколько другие данные о негорнозаводской промышленности, чем пермский губернатор, подчеркивал, что за период с 1843 по 1860 год число предприятий негорнозаводской промышленности возросло с 510 до 1220, а ценность выпускаемой продукции — с 1.421.327 р. до 2.059.550 рублей серебром. «Таким образом,—заключает Мозель,— в 18 лет число фабрик и заводов увеличилось в два с половиной раза, а ценность производства их в 14 раз»².

Из приведенной нами таблицы видно, что все промышленные предприятия Пермской губернии (исключая горнозаводскую промышленность) делились на две группы. Одни из них были расположены в городах, и продукция их определялась характером развития городов, а другие находились в сельской местности и, следовательно, обеспечивали главным образом потребности сельского населения.

Х. Мозель сообщает интересные данные о предприятиях Пермской губернии, не принадлежащих казне и дворянам. В городах в 1860 году имелось 254 предприятия. Они вырабатывали продукции

¹ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, лл. 102—108.

² Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния, часть II, СПб, 1864 г., стр. 113.

на 4.199.882 рубля. В сельской местности насчитывалось 1675 предприятий, выпускавших продукции лишь на 2.050.026 рублей¹. Владельцами промышленных предприятий в городах в основном были купцы и мещане, а в сельских местностях — зажиточная верхушка крестьян и горнозаводского населения.

Следует отметить еще одну сторону рассматриваемого вопроса. Несмотря на то, что в деревне промышленных предприятий было почти в 7 раз больше, чем в городах, они вырабатывали только около половины той продукции, которую выпускали все предприятия. Следовательно, многочисленные предприятия деревни были более мелкими, значительно более технически отсталыми, чем городские.

Рассмотрим конкретнее, что представляли собой города как центры ремесла и торговли, и как происходило развитие крестьянских промыслов на территории губернии.

«Основой всякого развитого разделения труда, осуществляемого путем обмена товаров,— писал К. Маркс в «Капитале»,— является отделение города от деревни»².

История России первой половины XIX века — это история разложения и кризиса феодально-крепостнической системы, история быстрого развития капитализма и отделения города от деревни. Количество городского населения с каждым десятилетием XIX века увеличивалось. Динамика роста населения городов России (в тысячах человек) видна из таблицы³:

Г о д ы	Количество город- ского населения
1811	2850
1825	3521
1840	4906
1858	6097

Следовательно, за сорок семь лет XIX века городское население России увеличилось более чем в два раза.

Такой же процесс роста и расширения городов происходил и в Пермской губернии. При этом мы должны оговориться, что вначале будем вести речь о городах — административных центрах уездов, оставляя временно в стороне крупные населенные пункты, возникшие при горных заводах.

Рост населения городов Пермской губернии с 1832 по 1860 год представлен в таблице⁴:

¹ Х. Мозель. Указ. соч., часть II, стр. 119.

² К. Маркс. Капитал, том I, изд. 1949 г., стр. 360.

³ И. Я. Горлов. Обзорение экономической статистики России, СПб, 1849 г., стр. 45; «Статистические таблицы Российской империи за 1858 год», СПб, 1863 г., стр. 3—26.

⁴ Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года. Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией, выпуск III, Пермь, 1891 г., стр. 8—10; Х. Мозель. Указ. соч., т. II, стр. 690—731.

рые в 1848 г. было привезено товаров на сумму 45.865 р., а продано на 19.851 руб.¹

В Перми (без Мотовилихи) в 1860 году было 12.439 жителей. Это население подразделялось на 4 группы: дворянство, духовенство — 1362 чел. (10,9%), военные — 2988 чел. (24,02%), мастеровые, крестьяне и другие близкие к ним группы — 3.316 человек (26,65%) и городские сословия (почетные граждане, купцы, мещане и т. д.) — 4.773 (38,37%)². Отсюда видно, что собственно буржуазные элементы города составляли около одной третьей части жителей. К ним примыкали выходцы из крестьян и мастеровых, — в той или иной степени пополнявшие ряды укреплявшихся капиталистических классов.

Вторым крупным экономическим пунктом Пермской губернии, расположенным по соседству с Пермью, был г. Кунгур. В 1860 году в нем имелось 94 предприятия негорнозаводской промышленности с 735 рабочими. Эти предприятия вырабатывали продукции на 1.093.446 рублей³.

Основная промышленность Кунгура была занята обработкой животноводческой продукции. Важное место в занятии городского населения занимал пошив обуви и других кожевенных изделий. По сведениям С. П. Бувеского, в 1854 году в городе кожевенным производством было занято от 2 до 2,5 тыс. человек. Они ежегодно обрабатывали до 30.000 кож⁴. Касаясь реализации продукции кожевенных предприятий Кунгура, пермский губернатор отмечал, что сбыт ее «производится частью внутри губернии, частью на Нижегородской и Ирбитской ярмарках»⁵.

В 1859 году в Кунгуре был построен механический завод для строительства пароходов и пароходных машин. На заводе работало 150—200 человек. Уже в год постройки завод выпустил два железных парохода стоимостью в 100 тыс. рублей⁶.

Кроме того, в 1860 году в Кунгуре было шесть мыловаренных предприятий, четыре меднодетальных, по три — свечесальных, кирпичных и пряничных, по два — салотопенных, клейных и мукомольных и по одному — паточных, канатных, свечевосковых, гончарных, экипажных и маслобойных. Сбыт их изделий производился не только в городах Пермской губернии и Урала, но и в губерниях Поволжья, Сибири и в Петербурге⁷.

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, л. 139.

² Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 326.

³ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 104 об. — 105.

Х. Мозель включил в число предприятий находящиеся вблизи Кунгура ⁴ лесопилки, что неверно.

С. П. Бувеский. Описание заводов в г. Кунгуре, по сведениям от промышленников, собранным в конце 1854 года. «Пермские губернские ведомости» № 42, 43, 44, 45 за 1855 год и № 18 за 1857 г.

⁵ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697). 1860 г., д. 50, л. 104 об.

⁶ Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 328.

⁷ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697). 1860 г., д. 50, лл. 104 об. — 105.

Ежегодно в Кунгуре происходило три ярмарки, на которые в 1848 году было привезено товаров на 36.300 рублей, а продано на 28.958 рублей¹. Хотя привоз товаров в 1848 году на кунгурские ярмарки был несколько меньшим, чем на пермские, но продавалось товаров в Кунгуре больше, чем в Перми.

Для развития экономики города большое значение имела торговля чаем, инициатором которой был кунгурский купец А. С. Губкин — один из крупнейших торговцев России. Благодаря своему удачному географическому расположению на Сибирском тракте и наличию в городе крупных купцов Кунгур был заметным распределителем чая не только на Урале, но и во всей России².

Среди населения Кунгура было меньше, чем в Перми, дворян, духовенства и военных. Из общего количества 9.459 жителей (1860 г.) дворян было 113 человек, духовенства — 87 чел. и военных — 829 человек, всего же 1029 чел., или 11% жителей. Основное население Кунгура составляли «городские сословия» — более 80% всех жителей³. Таким образом, накануне реформы 1861 года Кунгур был более буржуазным городом и шел быстрее по пути капиталистического развития, чем губернский город Пермь.

Особое место в экономическом развитии Пермской губернии в первой половине XIX века занимал г. Екатеринбург. По количеству населения, объему торговли и развитию промышленности Екатеринбург занимал первое место среди городов Урала. В отличие от других городов развитие Екатеринбурга в первой половине XIX века всецело зависело от горной администрации. После превращения в 1807 году Екатеринбурга в горный город, на протяжении 45 лет (с 1807 по 1851 год) власть в нем фактически была сосредоточена в руках горного начальника Екатеринбургского округа казенных заводов. По царскому указу от 19 ноября 1851 года Екатеринбург окончательно подчинялся «надзору главного начальника по первому департаменту Уральского горного правления»⁴.

Введение горных городов и подчинение их интересам горного ведомства имели целью затормозить развитие капиталистических отношений в горнозаводском деле и законсервировать сложившиеся там на протяжении длительного периода времени военно-крепостнические порядки.

Регламентация горных властей привела к тому, что Екатеринбург развивался не как промышленно-капиталистический город, а скорее как торгово-обслуживающий пункт горного ведомства. В 1860 году в нем было 27 предприятий негорнозаводской промышленности, на которых работало 497 человек. Они вырабатывали изделий на 1,603.076 руб.⁵ Для сравнения укажем, что в 1847 году в Екате-

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, л. 139.

² Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 328—329.

³ Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 708—709.

⁴ Государственный архив Свердловской области (в дальнейшем ГАСО) ф. 133, оп. 1, д. 4373, л. 22.

⁵ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 107 об.

Название пункта	Число жителей в 1832 году	Число жителей в 1860 году	Процент роста населения с 1832 года по 1860 год
Екатеринбург	11.278	19.832	75,84
Пермь	9.938	12.432	25,09
Кунгур	7.859	9.459	20,36
Шадринск	1.551	5.745	270,40
Чердынь	3.094	3.425	10,69
Ирбит	2.900	4.408	17,51
Верхотурье	2.332	3.158	35,39
Соликамск	2.434	2.838	16,59
Красноуфимск	1.925	2.645	37,40
Оса	1.279	2.546	99,04
Камышлов	1.366	2.166	58,56
Оханск	832	1.056	28,31
Итого:	46.979	68.710	46,25

Из этих данных видно, что за период с 1832 по 1860 год население городов Пермской области увеличилось на 46,25%. Быстрый рост населения наблюдается в Осе, Камышлове, Екатеринбурге и особенно (на 270,4%) в Шадринске.

Однако общее увеличение населения еще не характеризует картину роста в городах капиталистических элементов. Большее отражение интересующей нас стороны вопроса дает таблица роста мещан и купечества в уездных городах Пермской губернии за время с 1829 по 1860 год¹.

Г о р о д а	Мещан (душ)		Купцов (душ)	
	1829 г.	1860 г.	1829 г.	1860 г.
Пермь	1.220	2.187	28	137
Екатеринбург	1.879	1.632	146	261
Кунгур	2.480	3.399	70	266
Шадринск	635	1.528	37	376
Чердынь	985	1.194	36	71
Верхотурье	749	996	19	160
Соликамск	783	984	25	85
Ирбит	888	958	28	61
Красноуфимск	533	906	11	6
Камышлов	272	441	12	101
Оса	95	371	7	73
Оханск	34	48	4	25
Итого:	10.553	14.644	423	1.641

¹ Государственный архив Пермской области (в дальнейшем ГАПО), ф. 297, оп. I, д. 52, лл. 51 — 143
Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 351. 352, 354,

Таким образом, за последние 30 лет до реформы количество мешан в уездных городах Пермской губернии возросло примерно на 40%, а купцов — почти в 4 раза. Здесь же заметим, что за это же время удельный вес мешан и купцов в общем количестве жителей городов губернии увеличился с 23 до 51%¹.

Рассмотрим несколько детальнее специфику развития и роста ряда городов губернии, чтобы подробнее охарактеризовать их хозяйственно-экономическое положение.

Важным административно-политическим, экономическим и культурным центром был губернский город Пермь. В 1860 году в нем насчитывалось 21 мелкое предприятие негорнозаводской промышленности, на которых работало 407 рабочих. Стоимость годовой продукции этих предприятий достигала 396.412 р. 30 к.

К наиболее крупным предприятиям Перми относился построенный в 1858 году механический завод. На нем было 133 рабочих; годовая продукция выражалась в 25.000 рублей. На заводе велось строительство пароходов; им была создана значительная часть старого камского парового флота. Другим важным предприятием Перми, возникшим в 50-х годах XIX века, была фарфоро-фаянсовая фабрика, где работало 75 рабочих. Она вырабатывала чайную и столовую посуду на 35.000 рублей в год.

В 1860 году в Перми также имелись следующие предприятия: кожевенных — 4, мыловаренных, свечесальных и кирпичных — по 3, канатных — 2, водочных, пивоваренных и клейных — по 1².

Указывая на места сбыта продукции предприятий города Перми, губернатор писал: «Сбыт изделий большею частью производится в г. Перми и уездах Пермской губернии, в Зауральских городах, на Нижнегородской и Ирбитской ярмарках»³.

Экономический подъем Перми особенно чувствовался после возникновения в 1846 году пароходства на реке Каме. С этой поры город развивается как крупный транзитный пункт и перевалочная база товаров, проходящих через Пермскую губернию из Европы в Азию и наоборот. В последние годы перед реформой, как отмечала местная печать, в Перми грузилось товаров на сумму от 12 до 17 млн. рублей серебром⁴.

Первостепенными речными грузами, шедшими через Пермь, были металлы и металлические изделия, чай, жиры, соль, свечи, мыло и нефть. Такие же товары, как кожа, посуда, кедровые орехи, сушена, воск, клей, шерсть, пух, точильный камень, рогожи и краски, имели сравнительно меньшее значение в грузообороте Пермской пристани. Ежегодно в Перми устраивалось три ярмарки, на кото-

¹ Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года. Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губернией, выпуск III. Пермь, 1891, стр. 8—10; ГАПО, ф. 297 (88), оп. 1, д. 52, лл. 51—143.

² ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 102.

³ Там же.

⁴ «Пермские губернские ведомости», № 47 от 24 ноября 1861 года.

рые в 1848 г. было привезено товаров на сумму 45.865 р., а продано на 19.851 руб.¹

В Перми (без Мотовилихи) в 1860 году было 12.439 жителей. Это население подразделялось на 4 группы: дворянство, духовенство — 1362 чел. (10,9%), военные—2988 чел. (24,02%), мастеровые, крестьяне и другие близкие к ним группы — 3.316 человек (26,65%) и городские сословия (почетные граждане, купцы, мещане и т. д.) — 4.773 (38,37%)². Отсюда видно, что собственно буржуазные элементы города составляли около одной третьей части жителей. К ним примыкали выходцы из крестьян, и мастеровых,—в той или иной степени пополнявшие ряды укреплявшихся капиталистических классов.

Вторым крупным экономическим пунктом Пермской губернии, расположенным по соседству с Пермью, был г. Кунгур. В 1860 году в нем имелось 94 предприятия негорнозаводской промышленности с 735 рабочими. Эти предприятия вырабатывали продукции на 1.093.446 рублей³.

Основная промышленность Кунгура была занята обработкой животноводческой продукции. Важное место в занятии городского населения занимал пошив обуви и других кожаных изделий. По сведениям С. П. Бувеского, в 1854 году в городе кожаным производством было занято от 2 до 2,5 тыс. человек. Они ежегодно обрабатывали до 30.000 кож⁴. Касаясь реализации продукции кожаных предприятий Кунгура, пермский губернатор отмечал, что сбыт ее «производится частью внутри губернии, частью на Нижегородской и Ирбитской ярмарках»⁵.

В 1859 году в Кунгуре был построен механический завод для строительства пароходов и паровых машин. На заводе работало 150—200 человек. Уже в год постройки завод выпустил два железных парохода стоимостью в 100 тыс. рублей⁶.

Кроме того, в 1860 году в Кунгуре было шесть мыловаренных предприятий, четыре меднодетальных, по три—свечесальных, кирпичных и пряничных, по два—салотопенных, клейных и мукомольных и по одному — паточных, канатных, свечевосковых, гончарных, экипажных и маслосточных. Сбыт их изделий производился не только в городах Пермской губернии и Урала, но и в губерниях Поволжья, Сибири и в Петербурге⁷.

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, л. 139.

² Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 326.

³ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 104 об.—105.

Х. Мозель включил в число предприятий находящиеся вблизи Кунгура 4 лесопилки, что неверно.

⁴ С. П. Бувеский. Описание заводов в г. Кунгуре, по сведениям от промышленников, собранным в конце 1854 года. «Пермские губернские ведомости» № 42, 43, 44, 45 за 1855 год и № 18 за 1857 г.

⁵ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 104 об.

⁶ Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 328.

⁷ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, лл. 104 об.—105.

Ежегодно в Кунгуре происходило три ярмарки, на которые в 1848 году было привезено товаров на 36.300 рублей, а продано на 28.958 рублей¹. Хотя привоз товаров в 1848 году на кунгурские ярмарки был несколько меньшим, чем на пермские, но продавалось товаров в Кунгуре больше, чем в Перми.

Для развития экономики города большое значение имела торговля чаем, инициатором которой был кунгурский купец А. С. Губкин — один из крупнейших торговцев России. Благодаря своему удачному географическому расположению на Сибирском тракте и наличию в городе крупных купцов Кунгур был заметным распределителем чая не только на Урале, но и во всей России².

Среди населения Кунгура было меньше, чем в Перми, дворян, духовенства и военных. Из общего количества 9.459 жителей (1860 г.) дворян было 113 человек, духовенства — 87 чел. и военных — 829 человек, всего же 1029 чел., или 11% жителей. Основное население Кунгура составляли «городские сословия» — более 80% всех жителей³. Таким образом, накануне реформы 1861 года Кунгур был более буржуазным городом и шел быстрее по пути капиталистического развития, чем губернский город Пермь.

Особое место в экономическом развитии Пермской губернии в первой половине XIX века занимал г. Екатеринбург. По количеству населения, объему торговли и развитию промышленности Екатеринбург занимал первое место среди городов Урала. В отличие от других городов развитие Екатеринбурга в первой половине XIX века всецело зависело от горной администрации. После превращения в 1807 году Екатеринбурга в горный город, на протяжении 45 лет (с 1807 по 1851 год) власть в нем фактически была сосредоточена в руках горного начальника Екатеринбургского округа казенных заводов. По царскому указу от 19 ноября 1851 года Екатеринбург окончательно подчинялся «надзору главного начальника по первому департаменту Уральского горного правления»⁴.

Введение горных городов и подчинение их интересам горного ведомства имели целью затормозить развитие капиталистических отношений в горнозаводском деле и законсервировать сложившиеся там на протяжении длительного периода времени военно-крепостнические порядки.

Регламентация горных властей привела к тому, что Екатеринбург развивался не как промышленно-капиталистический город, а скорее как торгово-обслуживающий пункт горного ведомства. В 1860 году в нем было 27 предприятий негорнозаводской промышленности, на которых работало 497 человек. Они вырабатывали изделий на 1,603.076 руб.⁵ Для сравнения укажем, что в 1847 году в Екате-

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, л. 139.

² Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 328—329.

³ Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 708—709.

⁴ Государственный архив Свердловской области (в дальнейшем ГАСО), ф. 133, оп. 1, д. 4373, л. 22.

⁵ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 107 об.

ринбурге было 21 предприятие с 405 рабочими, и выпускали они годовой продукции на 400.486 руб.¹

На протяжении всей второй четверти XIX века основными отраслями негорнозаводской промышленности Екатеринбурга были салотопенное и свечесальное производство. За 13 предреформенных лет продукция салотопенных и свечесальных предприятий по своей ценности выросла в 7 раз и составляла более половины всей продукции промышленных предприятий города². Если свечесальные предприятия сбывали свою продукцию внутри губернии, то салотопенные вывозили ее также в Петербургский порт, а оттуда за границу.

Для негорнозаводской промышленности Урала немаловажное значение имели екатеринбургские инструментальный и механический заводы. Их продукция сбывалась на казенные и частные заводы и сибирские золотые промыслы³.

По количеству занятых рабочих, размерам вырабатываемой продукции и их роли в удовлетворении спроса населения Екатеринбурга некоторое значение имели стеариновый, водочный, свечевосковой, канатный заводы и писчебумажная фабрика. Их изделия целиком поглощались Екатеринбургом и только в самом незначительном количестве выходили за его пределы.

В Екатеринбурге ежегодно собиралось две ярмарки. По своим оборотам они занимали третье место в губернии, после Ирбитской и Ивановской. Торговля велась салом, железом, текстильными и бакалейными товарами, сахаром, чаем, мукой, говяжьим и бараниным мясом, рыбой, кожами, одеждой и вином⁴.

В 1860 году в Екатеринбурге числилось 19.832 человека. Более 10,5% населения составляли дворяне и духовенство, 16,4% — личный состав воинских частей горного ведомства, 46,3% — крестьяне и мастеровые, работающие на казенных заводах, и только 22,8% — «городские сословия»⁵. Отсюда видно, что среди жителей Екатеринбурга накануне реформы буржуазных элементов было меньше, чем в Перми и Кунгуре. Жесткая регламентация горных властей, консервирующая освященные традиционные порядки горнозаводской промышленности Урала, мешала их развитию.

По уровню развития промышленности и торговли в 50-х годах XIX века в Пермской губернии видное место занимал город Шадринск. В 1860 году в нем было 25 предприятий с 226 рабочими, вырабатывавших продукции на 864.831 рубль⁶. На фоне других городов губернии Шадринск, вслед за Екатеринбургом, выделялся своей специализацией по обработке животноводческого сырья. К этой

---

¹ Горловский М. А. Указ. соч., стр. 37.

² ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 107.

³ Там же, л. 107 об.

⁴ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, л. 140.

⁵ Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 727—728.

⁶ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 107.

отрасли промышленности относились две трети всех предприятий города, в которых было занято $\frac{3}{4}$ общего числа рабочих, вырабатывавших 98% общегородской продукции. Остальные заводы—пять пряничных, паточный, токарный, маслобойный — занимали незначительное место в экономике города¹.

Шадринск также развивался как важнейший торговый и переплаточный пункт. Из Оренбургской и Сибирских губерний сюда на ежегодно собиравшиеся три ярмарки привозились хлеб, продукты животноводства, пушнина, пригонялся скот. Привозимая продукция, и особенно сало и коровье масло, а также сельскохозяйственное сырье из прилегающего к Шадринску района, перерабатывалась в городе и отправлялась в Екатеринбург, Нижний Новгород, Москву, Петербург, Архангельск, Таганрог. Закупленный местными купцами на ярмарках и торжках хлеб (около 2 млн. пудов) поставлялся по контрактам на уральские горные заводы, соляные и золотые промыслы².

По составу населения Шадринск накануне реформы относится к быстрорастущим буржуазно-купеческим городам. Из общего количества 5.745 жителей города в 1860 году «городские сословия» (купцы, мещане) составляли 4.117 чел., или около 72%³.

Что же касается других уездных городов Пермской губернии — Верхотурья, Камышлова, Красноуфимска, Осы, Соликамска, Чердыни, — то все они развивались как центры обработки животноводческого сырья. В них были сосредоточены кожевенные, салотопенные, мыловаренные и свечесальные предприятия.

К этой же категории городов относился и Ирбит, с той только разницей, что он был местом крупнейшей ярмарки. Из общего профиля негорнозаводской промышленности исключение составляли полотняное, паточное и кирпичное предприятия в Камышлове, воскобелительное и сургучеделательное — в Красноуфимске, кирпичные (2), кулевоe, спичечное — в Осе и солеваренные (2) — в Соликамске⁴.

Своеобразная специализация значительного количества уездных городов губернии объяснялась тем, что горнозаводчики запрещали развитие предприятий, основанных на «огненном действии». Но общее развитие уральских городов указывает на усиливающиеся с каждым годом товарно-денежные отношения в негорнозаводской промышленности Пермской губернии, составлявшие необходимые условия для развития капитализма.

До сих пор мы рассматривали положение уездных городов. Но на территории Пермской губернии было значительное количество городов — центров горнозаводских вотчин, которые также, хотя и

---

¹ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 107.

² Экономическое состояние городских поселений в 1861—1862 годах, ч. 1-й, СПб, 1863 г., стр. 31,

³ Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 724.

⁴ ЦГИА, ф. 1264, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, лл. 102 об—104 об.

очень медленно, развивались по капиталистическому пути. Таких городов, насчитывавших свыше 450 дворов каждый, по данным Л. Е. Иофа, в Пермской губернии в 1850 году было около 70¹. За первую половину XIX века 23 города Пермской губернии этой категории выросли по числу населения более чем в 2,5 раза. Среди них — крупнейшие центры казенной и частной горнозаводской промышленности: Нижнетагильский, Кушвинский, Верхне-Кыштымский, Мотовилихинский, Нижне-Исетский, Юговской и Нижне-Верхне-Сергинские и другие заводы².

Обследовавший в 40-х годах XIX века Пермскую губернию штабс-капитан Макшеев дал следующую характеристику городам-заводам: «Заводы скорее походили на города, нежели деревни. Почти каждый из них имеет по несколько тысяч душ и превосходит многие уездные города не только по населению, но и по наружной обстройке, довольству жителей и развитию в некоторой степени промышленности»³.

Быстрый рост населенных пунктов вокруг заводов принуждал губернские власти ставить вопрос о преобразовании некоторых из них (Нижний Тагил, Невьянск, Кушва) в города. Но уральские горнозаводчики, желавшие безраздельно господствовать над своими рабами-рабочими, не соглашались с учреждением городов и, следовательно, с передачей их под управление гражданских властей. Такой линии придерживалась и казна в отношении казенных заводов-городов⁴. Так города-заводы Урала вошли в капиталистическую формацию России после 1861 года без официального признания их городами.

Как развивалось ремесло и как в города-заводы проникали торгово-денежные отношения? Рассмотрим это на примере Нижнего Тагила — центра демидовской горнозаводской вотчины. В первой половине XIX века он становится городом. Один из путешественников характеризовал Нижний Тагил этого периода, как «целый мир», где «есть все, что в наилучшее устроенных больших городах»⁵.

На Нижнетагильском заводе в 1860 году работало 9.546 крепостных рабочих, всего же населения в Нижнем Тагиле в это время было около 25 тыс. человек⁶. Скопление на Нижнетагильских заводах большого количества рабочей силы делало часть ее излишней в связи с некоторым техническим прогрессом. Но в условиях крепостного труда отлив рабочей силы был затруднен, и Демидо-

---

¹ Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 305—306.

² Там же, стр. 307.

³ Макшеев. Военностатистическое обозрение Пермской губернии, СПб, 1852 г., стр. 36.

⁴ ЦГИА, ф. 47, оп. 1, д. 37, лл. 2—3; ф. 1291, оп. 52, 1862 г., д. 169, л. 15.

⁵ С. А. Юрьевич. Дорожные письма во время путешествия по России с покойным государем Александром Николаевичем в 1837 году. «Русский архив», ч. 4, 1887 г., стр. 459.

⁶ Н. Тагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 1, 1861 г., д. 501, л. 50 об,

вы начали способствовать развитию среди рабочих кустарных промыслов.

По признанию самого Нижнетагильского заводоуправления, в связи с тем, что часть рабочих «занимается торговлею и промышленностью», заводоуправление «исправляет за них наймом работы по угольной поставке и прочие»¹. С другой стороны, нищенская заработная плата приводила рабочих к большой задолженности заводу и заставляла их искать дополнительные источники существования. Таким вспомогательным источником для части рабочих было занятие ремеслом и наем в «работники» к ремесленникам. Рабочие-ремесленники, используя свой заводской опыт, занимались обработкой металлов, покупая их со складов «своих» же заводов.

Давая характеристику негорнозаводской промышленности Нижнего Тагила, развивающейся по капиталистическому пути, один из современников той эпохи писал в 1859 году: «Вольная промышленность тагильских крестьян очень обширна и разнообразна. Многие из крестьян, поставляя заводскую работу наймом государственных крестьян из окрестных селений, сами занимаются торговлею или ремесленною промышленностью, имеют свои более или менее обширные заведения, мастерские для металлических изделий, живописные и малярные, экипажные, столярные, кожевенные, салотопенные, свечесальные, мыловаренные и проч., в которых не только сами занимаются, но и нанимают по несколько вольных мастеров»².

Особенно широко были развиты сундучный и подносный промыслы. Изготавливались также столики, самовары, посуда. Нижнетагильские и невьянские сундуки, обитые чеканным железом или медью, пользовались успехом не только на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, но и за пределами России. Как указывал И. Ф. Штукенберг, часть изготовленных в Пермской губернии сундуков «переходит в Среднюю Азию и даже в Индию. Через Астрахань, Оренбург, Троицк и Петропавловский порт вывозилось, как полагают, до 200.000 таких сундуков ежегодно в Азию»³.

Большую популярность приобрели тагильские ремесленники, изготавливавшие подносы, шкатулки и посуду. Подносы покрывались особым «тагильским» лаком, изготовление которого хранилось в секрете, и расписывались замечательной живописью. В 1860 году при Нижнетагильских заводах было 12 подносных заведений, на которых работало 155 человек. Их продукция оценивалась в 43,3 тыс. рублей⁴.

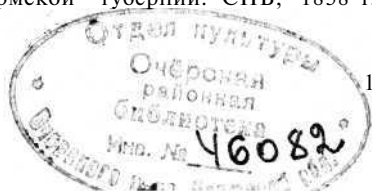
Важной отраслью тагильских ремесленников было шитье кожаной обуви: бахил, сапог, башмаков, котов, ботинок. Всего было за-

¹ Н.-Тагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп., 3, 1852 г., д. 053, л. 5 об.

² ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 588, лл. 13 - 13 об.

³ И. Ф. Штукенберг. Описание Пермской губернии. СПб, 1858 г., стр. 33.

⁴ Л. Е. Иофа. Указ. соч., стр. 362.

нято этим видом ремесла в 1860 году 100 рабочих, вырабатывавших продукции на 30.688 рублей¹. Изделия тагильских швальных заведений имели хороший сбыт не только в Пермской, но и в Вятской губерниях.

Таким же был процесс развития и формирования другого крупного уральского города вокруг завода — Невьянска, насчитывавшего в 1859 году около 12 тыс. жителей². Здесь также, как и в Нижнем Тагиле, многие из верхушки горнозаводского населения, по свидетельству документов, «исправляя заводскую работу наймом, занимаются торговлею оптового на значительный капитал (до 1 млн. руб. сер.) или мелочную продажей, или же ремесленным промыслом, имея у себя мастерские и несколько наемных мастеровых. Из ремесленных заведений более других развиты: делание сундуков, обитых жестью, подносов, столов, шкатулок и т. п. вещей из жести, ружей, замков и различных приборов слесарной работы»³.

Обрастание горнозаводских вотчин ремесленными заведениями подобно тому, как это происходило в Нижнем Тагиле и Невьянске, наблюдалось и в других горных заводах-городах Пермской губернии.

Так выглядит экономическое положение городов Пермской губернии перед отменой крепостного права.

* * *

Экономическому развитию города по пути капитализма во многом способствовали крестьянские промыслы, которые иногда служили важным подспорьем существования городских предприятий. Это заставляет нас рассмотреть их развитие в губернии несколько подробнее.

Как известно, закон запрещал негорнозаводчикам развивать промышленность, основанную на «огненном действии». Это наложило свой отпечаток на характер сельских промыслов губернии. Большинство из них в южных и юго-восточных уездах Пермской губернии было основано на обработке продуктов земледелия и животноводства. Только незначительная часть крестьян-ремесленников обрабатывала некоторые ископаемые продукты и материалы. В Шадринском уезде в 1860 году из 206 крестьянских промыслов 201 был связан с обработкой продуктов сельского хозяйства. Среди них было 170 кожаных, 16 масляных, 6 салотопенных, 5 крупчаточных и 4 паточных предприятия⁴. В Камышловском уезде в том же году таких же крестьянских промыслов было 118, Екатеринбургском — 107, Кунгурском — 28, Ирбитском — 20 и т. д.⁵.

Большое значение для этой группы уездов имели кожеобрабатывающие промыслы. По этому поводу пермский губернатор в от-

¹ Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 359.

² ГАСО, ф. 101, он. 1, д. 588, л. 162.

³ Там же, лл. 162 — 162 об.

⁴ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697). 1860 г., д. 50, л. 107.

⁵ Там же, лл. 102 — 105.

чете за 1860 год писал: «В уездах Кунгурском, Шадринском, Пермском и Ирбитском почетнейшее место в промышленности занимает кожевенное производство, которое год от году совершенствуется и считается в настоящее время выше казанского»¹.

В северо-западных уездах Пермской губернии (Соликамском, Чердынском) значительное количество промыслов было связано с обработкой дерева. В Соликамском уезде в 1860 году числилось смоледегтярных промыслов — 43, лесопильных — 3, скипидарных — 1; в Чердынском уезде лесопильных — 4, дегтярных — 2² и т. д.

На северо-востоке губернии (Верхотурский уезд) и в тех местах, где сосредоточивалось значительное число горных заводов, в сельских промыслах широко была развита обработка металлов или изготовление изделий для нужд горнозаводской промышленности. В Екатеринбургском уезде, имевшем на своей территории 30 чугуноплавильных и железоделательных казенных и частных заводов, в 1860 году насчитывались 61 кузница, 18 сундучных, 13 токарных, 5 колесных, механический и колокольный промыслы³.

Некоторые промыслы Екатеринбургского уезда, как например, экипажный, возникли при участии заводоладельцев. В Бобровской волости, на Каслинском и Кыштымском заводах «владельцы крепостных крестьян, — как указывалось в одном из документов, — заставляли этих крестьян делать экипажи для себя, причем требовали изящности городских экипажей и тем заставляли совершенствовать промыслы. Некоторые владельцы отправляли своих крепостных на выучку к московским экипажникам... Экипажники работали на владельцев и их управляющих, а в свободное время брали и частные заказы»*.

В 1860 году в Верхотурском уезде насчитывалось 10 кузниц, 12 подносных, 8 сундучных и 4 красильных промысла⁵. В них велась главным образом обработка металлов, получаемых на частных и казенных заводах. Только Нижнетагильский завод продал для этих промыслов металла в 30-х годах XIX века на 200 тыс. рублей ассигнациями, а в 40-х годах на 500 тыс. рублей⁶. Камышловский уезд имел на своей территории 170 крестьянских промыслов, не связанных с обработкой продуктов сельского хозяйства. Среди них было 84 кузницы, 85 кирпичных и один оружейный промысел. Все они выпускали ежегодно изделий на 9.669 руб.⁷. Такого же характера промыслы мы видим и в Соликамском уезде, где в 1860 году было

¹ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 106.

² Там же.

³ Там же, лл. 108 — 108 об.

⁴ Промыслы Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Собрано и обработано под редакцией Зверева. Екатеринбург, 1889 г., стр. 42.

⁵ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 103.

⁶ В. Д. Белов. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, СПб, 1887 г., стр. 13 — 14.

⁷ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 103 об.

74 кузницы, 17 кирпичных и 1 стекольный промысел, с годовой продукцией 18.004 руб.¹.

На примере Соликамского уезда можно убедиться, что кустарные промыслы в значительных размерах обеспечивали нужды горнозаводской, в частности, солеваренной промышленности. Мастеровые Дедюхинских казенных соляных промыслов Павел Окулов и Степан Проскуряков 11 ноября 1860 года заключили с Усольским правлением соляных промыслов Строгановых условие на поставку «корыт варничных 600 штук по 65 пудов... и грабель солеподнимательных — 600 штук по 20 пудов в сотне»². В условии указывалось, что эти изделия мастеровые «должны изготовить из своего железа, приобретенного покупкою со свидетельствами, а в случае надобности и при избытке — отпускать от усольского запаса за наличные деньги»³. Аналогичное соглашение было заключено в 1860 году мастерами Максимом и Василием Юдиными и Дмитрием Поповым на поставку Строгановым «гвоздей 12-ти вершковых — 4.000 штук, 10-ти вершковых — 4.500, 8-ми вершковых — 25.000, 7-ми вершковых — 8.000, 6-ти вершковых — 9.000, 5-ти вершковых — 20.000, 4-х вершковых — 30.000, 3-х вершковых — 20.000 и 2-х вершковых — 15.000»⁴. Кустари также изготавливали необходимые для заводов, помещичьих имений и соляных промыслов топоры, молотки, багры, скобы, подковы, точила, смолу, деготь, рогожу и т. д.

Факты показывают, что администрация значительного большинства горных заводов Пермской губернии накануне реформы разрешала снабжать заводы инструментом «не иначе как по договору с кустарями»⁵.

Внимательное изучение документов убеждает нас, что, например, в Соликамском уезде еще в далекую пору среди крепостных крестьян Строгановых широко были развиты различные виды крестьянских ремесел, которые, конечно, не учитывались официальной статистикой.

Достаточно сказать, что в конце 50-х годов XIX века в Иньвенском округе граф. Строгановой из 7.207 годных работников, которые должны были выполнять повинности на помещиков, 924 человека были крестьяне-ремесленники⁶.

По сведениям окружного правления в этом же округе в 1860 году насчитывалось: пилорезов — 298, плотников — 217, кузнецов — 119, шерстобитов — 99, портных — 53, скорняжников — 44, столя-

---

¹ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 106.

² Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем ЦГАДА), ф. 1278, оп. 13, д. 8, л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 5.

⁵ В. Д. Белов. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом, стр. 15.

⁶ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 13, д. 8319, лл. 81 и 160 об. — 161.

ров — 24, делающих сита и решета — 22, синильников — 14, кадочников — 12, каменщиков — 9, седельщиков — 6, сапожников — 4, гончаров — 3 и др.¹ Это были крестьяне-ремесленники, не порвавшие еще связи с сельским хозяйством.

С такими же явлениями мы встречаемся и в Шадринском уезде. «Между крестьянами,— писал Т. Успенский о крестьянах Шадринского уезда,— есть хорошие мастера: кожевники, кузнецы, портные, чеботари, плотники, овчинники, гончары и проч.

Но редкие из них исключительно занимаются одним своим ремеслом: большая часть из них остаются хлебопашцами в большом или меньшем размере»².

В сообщении из Песчанского сельского общества. Верхтеченской волости, того же уезда указывалось, что там «домашним образом производится выделка холста из конопляной и льняной пряжи и сукна из овечьей шерсти. Холст употребляется для рубашек, штанов и сарафанов, из сукна шьют зипуны. Первого выделяется в год до 50.000 аршин, а второго — до 5.000»³.

Говоря о круге потребителей крестьянских изделий, Успенский должен был признать, что «изделия ремесленников расходятся только в кругу своего общества и по ближайшим селениям, но не далее»⁴. Следовательно, и здесь мы имеем дело с крестьянами-ремесленниками, не оторвавшимися еще от своего хозяйства и имевшими ограниченный круг сбыта своих изделий.

Одним из важных очагов сосредоточения негорнозаводской промышленности в губернии был Пермский уезд. На его территории в 1860 году находилось 248 различных промыслов. Их годовая производительность в денежном выражении составляла 119.756 р. 94 коп.⁵ В уезде было 26 кирпичных заводов с 75 рабочими, 26 кожевенных с 45 рабочими, свечесальные, паточные и другие промыслы⁶. Сбыт их изделий, по свидетельству губернатора, происходил «внутри губернии»⁷.

Развитие крестьянских промыслов в вотчинных имениях Пермского уезда рассмотрим на примере Ильинского и Кривецкого ведомств, входивших в строгановские имения. В Ильинском ведомстве значительное развитие среди крепостных крестьян получило кожевенное ремесло. Как сообщал А. Г. Серебренников, «из выделяемых здесь кож, черная юфть и подошвенные кожи употребляются на обувь... Обувь эта продается на торжах в здешнем селе и

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 13, д. 8319, л. 81.

² Т. Успенский. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда. «Пермский сборник», кн. 1, М. 1859 г., IV, стр. 25.

³ П. Кыштымов. Этнографические сведения о жителях Пермской губернии Шадринского уезда Песчанского сельского общества Верхтеченской волости. «Пермские губернские ведомости», № 49, 8 декабря 1861 г.

⁴ Т. Успенский. Указ. соч., стр. 25.

⁵ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 102 об.

⁶ Х. Мозель, Указ. соч., ч. II, стр. 141, 144, 147, 158, 392 и другие.

⁷ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 102 об.

окрестных местах. Сыромятные кожи поставляются ремесленниками на горные владельческие заводы для разных употреблений и, кроме того, идут на крестьянские потребности, конскую сбрую, ремни и проч.»¹. Если вытканые крестьянами холст, сукна и выделанные овчины шли «для домашнего употребления», то свечи и мыло «продавались на торжках», а веревки и канаты, наряду с домашним потреблением, шли «для караванов»². На происходивших еженедельных торжках крепостные крестьяне села Ильинского, кроме своих сельскохозяйственных продуктов, продавали еще сделанную ими «каменную и деревянную посуду, сита, решета и прочее»³.

В Кривецком ведомстве, как видно из донесения члена главного правления строгановского имения Конюхова С. Г. Строганову, в 1849 году 85 домохозяев занимались перепродажей хлеба, усольской и дедюхинской соли, 55 домохозяев — шитьем одежды, битьем шерсти и катанием войлока, 13 домохозяев — извозом и 11 домохозяев — продажей квартирных дров⁴.

Таким образом, 164 домохозяева, или около 1/3 домохозяев ведомства, были в той или иной степени втянуты в товарно-денежные отношения.

Среди крестьян имелись «овчинники, кожевники, ситники, кузнецы и каменщики»⁵. Их изделия частично употреблялись самими крестьянами, а частично сбывались на местных базарах и торжках, откуда шли на Ирбитскую ярмарку.

Характеристика дореформенной негорнозаводской промышленности Пермской губернии будет неполной, если не осветить хотя бы кратко состояние кредита. Нет необходимости доказывать значение этого вопроса для развития по капиталистическому пути того или иного географического района.

В предреформенной Пермской губернии банковский кредит был развит слабо. Это давало повод кое-кому утверждать о «совершенном отсутствии» на Урале «какого бы то ни было кредита»⁵. Подобное мнение является неправильным, ошибочным.

В последние десятилетия перед реформой в некоторых уездных городах Пермской губернии возникает ряд банков, финансирующих мелких торговцев и ремесленников. Они создавались главным образом на основе капиталов, пожертвованных для усиления развития ремесла и торговли, кем-нибудь из местных меценатов. В 1833 году коммерции советник Попов пожертвовал 50 тыс. рублей ассигнациями (около 14.300 рублей серебром) «на учреждение заемного

---

¹ А. Г. Серебренников. Очерк жителей Ильинского села в этнографическом и частью статистическом отношениях». «Пермские губернские ведомости» № 11 от 17 марта 1861 г., стр. 172.

² Там же.

³ Там же, стр. 173.

⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп 10, ч. I, д. 1472, л. 11—12.

⁵ Там же, л. 7 об.

⁶ «Пермский сборник», кн. 2, М. 1860 г., отд. V, стр. 33.

банка для граждан верхотурских»¹. Через десять лет капитал верхотурского банка возрос до 20 тыс. руб. сер. Такое возрастание его капитала продолжалось вплоть до отмены крепостного права. Банк выдавал ссуды верхотурским купцам и мещанам, желающим принимать участие в развитии городского ремесла и торговли.

Аналогичную роль играл созданный на основе «Положения о городских общественных банках» от 10 июня 1857 года Соликамский городской банк Черкасова. Он был образован на базе 15-тысячного капитала, завещанного для этой цели крупнейшим купцом П. И. Черкасовым. Соликамский банк, согласно его уставу, был создан для того, «чтобы развить мелкую промышленность и облегчить оборот незначительных капиталов для тех из обывателей г. Соликамска, которым государственные кредитные установления не доступны»². Уставом оговаривалось, что ссудами могут пользоваться только «промышленники и торговцы» г. Соликамска в размере не более 3 тыс. рублей в одни руки при уплате 6% годовых. Лишь после того, как капитал банка вырастет до 100 тыс. руб., ссуды могли «распространяться на все сословия»³.

Операции по выдаче денежных ссуд осуществлялись также банками в Кунгуре, Екатеринбурге, Шадринске.

Интересным явлением, наряду с организацией банковского кредита, было наличие в предреформенной Пермской губернии ростовщического капитала купцов и зажиточных крестьян. Они отдавали деньги в ссуду мелким торговцам и крестьянам, занимающимся торговлей и промыслами.

О размерах процентов, уплачиваемых за полученные у ростовщиков ссуды, местная печать писала: «Обыкновенные тарифы на денежный капитал — 12% с рубля в год. Бывают они и более, когда капитал берется на краткое время и в особенности только на одни зимние месяцы: октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль и март. В эти месяцы преимущественно производится торговля и тогда проценты доходят до 2 коп. сер. с рубля в месяц»⁴.

Следовательно, в предреформенной Пермской губернии параллельно с существовавшей системой кредита через банки господствовали и «примитивные формы торгового и ростовщического капитала»⁵.

Таковы конкретные данные о развитии различных форм негорнозаводской промышленности в Пермской губернии на протяжении примерно 30 последних лет перед реформой; так выглядела в этот период система организации кредита.

Сопоставляя все приведенные факты, можно сделать вывод, что в негорнозаводской промышленности Пермской губернии перед ре-

---

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. 1, д. 963, л. 34 Об.

² «Пермский сборник», кн. 2, М. 1860 г., IV, стр. 33—34.

³ Там же.

⁴ «Пермские губернские ведомости», № 11, 17 марта 1961 г.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 3. стр. 333.

формой шел процесс развития товарно-капиталистических отношений. Преобладающая масса негородских периферийных предприятий представляла собой мелкие крестьянские промыслы, и только незначительная их часть являлась предприятиями мануфактурного типа, выросшими из сельских промыслов. В городах и крупных заводских пунктах промышленные предприятия в основном находились в стадии мануфактуры с постепенным рождением заводов и фабрик, перераставших затем в крупную фабричную индустрию.

* * *

В тесной связи с развитием капиталистических отношений в Пермской губернии в предреформенный период находились увеличение торгового обращения, развитие ярмарочной торговли и рост купечества. «Торговое обращение,—учит К. Маркс,—есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками его возникновения являются товарное производство и товарное обращение, торговля»¹. Товарному обращению предшествует товарное производство, и составляет одно из условий его возникновения.

За 30 последних предреформенных лет в Пермской губернии шел быстрый рост купечества, не только ведшего торговлю, но и владевшего предприятиями. В 1832 году в губернии насчитывалось всего 415 купцов, в том числе первой гильдии — 7, второй — 5, остальные третьей гильдии². С 1838 по 1860 год число купцов в Пермской губернии увеличилось более чем в 5 $\frac{1}{2}$ раза, в том числе купцов первой гильдии — в 5 раз (35), второй — более чем в 38 раз (192) и третьей — более чем в 4 раза (1915)³.

Основная масса купечества сосредоточивалась в городах, расширяя сферу своей деятельности в зависимости от материальных ресурсов. В 1860 году из 2.130 душ купеческого сословия в городах находилось 1861 душа. Больше всего было купцов в Шадринске—376, Кунгуре — 266, Екатеринбурге — 261, Верхотурье—160, Перми — 137, Камышлове — 101 и т. д.⁴

Купечество, жирея и обогащаясь за счет народа, скапливало в своих руках значительные материальные и денежные ресурсы. В 1860 году купцами Пермской губернии было объявлено капиталов на 2.199.000 рублей серебром. Только три купца губернии располагали капиталом в 175.000 рублей⁵.

Торговлей в Пермской губернии занимались не только купцы трех гильдий, объявившие свои капиталы. Существовала значительная прослойка т. н. «торгующих крестьян», которая занималась

---

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, изд. 1949 г., стр. 153.

² Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года. Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Выпуск III, Пермь, 1891 г., стр. 7.

³ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), д. 50, л. 6 об.; Х. Мозель, Указ, соч., 1, стр. 353.

⁴ Х. Мозель. Указ, соч. ч. 1, стр. 351—352.

⁵ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 6 об.

торговлей, не объявляя капиталов и не причисляя себя к купечеству в силу своего крепостного положения. В имении Бутеро-Родали, например, таких торгующих крестьян в 1858 году было 170¹. В Кривецком ведомстве имения Строгановых из 85 домохозяйств крестьянской верхушки, по сведениям Конюхова, 35 торговали солью и 9 — железом².

Торговладельцы были и среди зажиточной части горнозаводского населения. На имя главноуправляющего Нижнетагильскими заводами Рашета было подано «покорнейшее прошение», в котором податели просили принять от них «единовременно деньги», а им с семьями «выдать узаконенное увольнение». Заявление с просьбой об освобождении от горнозаводских работ подписали 20 «торгующих крестьян»³.

Торгующие крестьяне располагали капиталами, размеры которых определить очень трудно. Иногда они были довольно значительны. Так, в местной газете было помещено сообщение о том, что 17 января 1861 года «из амбара торгующего крестьянина деревни Тюриковой (Шадринский уезд) Ильи Хабарова, через взлом замка, украдено щетины, конского волоса и звериных шкур на 3.285 рублей»⁴. Если даже считать, что у Хабарова не было других товаров (что мало вероятно), то и такой капитал для торгующего крестьянина был довольно значительным.

Сам факт появления рынка, как категории товарного хозяйства, говорил о том, что натуральное хозяйство уральских помещиков-горнозаводчиков эволюционировало в своем развитии в сторону капитализма. Выражением прогрессирующего развития товарно-денежных отношений в Пермской губернии первой половины XIX века было систематическое увеличение с каждым годом числа ярмарок и торжков. Подтверждая это положение, укажем на следующие факты.

В 1848 году в Пермской губернии имелось 92 ярмарки и торжка. На них было привезено различного рода товаров на 33.309.881 рубль, а продано — на 27.451.621 рубль серебром⁵. Через 12 лет в губернии уже существовало 129 ярмарок и торжков (из них 20 в городах, а 109 в уездах), на которые привезено было товаров на 55.276.628 руб., а продано — на 48.809.317 руб. серебром⁶. Канун падения крепостного права ознаменовывался в губернии ежегодным открытием нескольких ярмарок. Только в 1859 году здесь было учреждено 5 ярмарок⁷.

Рост торговых пунктов и увеличение объема привозимых на них

¹ «Пермские губернские ведомости» № 39, за 1860 год.

² ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. 1, д. 1472, л. 7 об.

³ Н-Тагильский филиал ГАСО, ф. 10, оп. 4, д. 1518, л. 167 об.

⁴ «Пермские губернские ведомости» № 11 от 17 марта 1861 года.

⁵ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, лл. 42—44, 138—145.

⁶ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, лл. 9 и 99 об. Данные Х. Мозеля о наличии в Пермской губернии в 1860 г. 198 ярмарок и 95 торжков мы считаем преувеличенными.

⁷ Там же, л. 11 об.

товаров объяснялись, разумеется, не только фискальной политикой правительства, учреждавшей их. В этом находило выражение усиливающегося торгового обмена в связи со все развивавшимися капиталистическими отношениями, навстречу которым вынуждено было делать свои шаги царское самодержавие.

Какими же важнейшими товарами торговали на ярмарках и торжках Пермской губернии?

Отвечая на этот вопрос, пермский губернатор в 1860 году писал: «Главный предмет торговли на ярмарках составляли товары: шерстяные, шелковые, бумажные, коженные, чай, сахар, сало, рыба, воск, мед, лен, пенька, фарфоровая и фаянсовая посуда, холст, сукна, канаты, разные металлические изделия и, наконец, покупка и продажа скота»¹. Подразделяя товары на сбываемые внутри губернии и вывозимые за ее пределы, губернатор приходил к выводу, что для сбыта вне пределов губернии приобретаются сало, воск, мед, лен, пенька, кожи и канаты, а остальные сбываются большей частью внутри губернии².

На рост торгового обращения значительное влияние оказывала Ирбитская ярмарка, расположенная в Пермской губернии. За время с 1848 по 1860 год удельный вес товаров Ирбитской ярмарки все время держался на уровне 90% в области привоза и 96% в области сбыта по отношению к общей сумме стоимости товаров всех ярмарок губернии³.

Зарождение Ирбитской ярмарки относится к XVII веку, когда в основанную в 1633 году Ирбитскую слободу начали съезжаться окрестные жители для мелочной торговли сельскохозяйственными продуктами. С 30-х годов XIX века для Ирбита, как отмечает Н. Эйгер, начинается «блестящий период ярмарочного развития»⁴. Все попытки перевести ярмарку из Ирбита в Тюмень или Екатеринбург потерпели неудачу⁵. Ирбитская ярмарка проявила большую устойчивость и приобрела общероссийское значение.

Увеличение товарооборота на Ирбитской ярмарке в серебряной валюте за последние 20 лет перед падением крепостного права видно из следующих данных⁶.

Г о д ы	Привезено товаров на сумму (руб.)	Продано товаров на сумму (руб.)	Остаток на сумму (руб.)
1840	12.232.286	7.782.000	4.550.286
1845	20.222.326	17.426.355	2.795.971
1850	35.395.211	25.331.270	10.561.941
1854	37.296.577	29.164.689	8.061.988
1860	49.502.400	45.928.000	3.574.400

¹ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, лл. 99 об. — 100.

² Там же.

³ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, лл. 42—44, 138—145; ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, лл. 9 об. и 99 об.

⁴ Н. Эйгер. Указ. соч., стр. 12.

⁵ А. Хитров. К истории г. Ирбита, Ирбит, 1872 г., стр. 5—73.

⁶ Н. Эйгер. Указ. соч., стр. 13; Х, Мозель, Указ. соч., ч. II, стр. 390—391.

Из таблицы следует, что с 1840 по 1860 год привоз товаров на Ирбитскую ярмарку увеличился более чем в 4 раза, а продажа их более чем в 6 раз. Ярмарка окончательно превратилась в важнейший составной узел общероссийской ярмарочной торговли, занимая особо важное положение в торговых сношениях между Азией и Европой. По своему товарообороту Ирбитская ярмарка в середине XIX века стояла на втором месте в России после Нижегородской.

На Ирбитской ярмарке в больших размерах можно было встретить сибирские меха и уральские металлы, европейский сахар и среднеазиатские мерлушки, центральнорусские ткани и китайский чай. Вся эта масса товаров, благодаря установившимся и согласованным срокам (до 1848 г. Ирбитская ярмарка происходила с 15 февраля по 15 марта, а после — с 1 февраля по 1 марта), и вырабатывавшемуся ассортименту, направлялась в Нижний Новгород, далее по всей России и в Западную Европу. В свою очередь, обратный поток товаров шел из Западной Европы и Центральной России через Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки в Сибирь, Среднюю Азию и Китай.

Все привозимые на Ирбитскую ярмарку товары можно разделить на две группы: русские и иностранные. В свою очередь иностранные товары состояли из европейских, китайских и бухарских или среднеазиатских. В 1848 году среди русских товаров преобладали шубы, меха, мягкая рухлядь (4,5 млн. руб.), бумажные ткани (3,3 млн. руб.), шерстяные ткани (3,2 млн. руб.), вина и водки (2,3 млн. руб.), различные съестные припасы: хлеб, соль, мясо, рыба, икра и другие (2,1 млн. руб.), крупчатая мука (1,0 млн. руб.), сафьян и кожа и изделия из них (0,8 млн. руб.), посуда фарфоровая, фаянсовая, стеклянная (0,8 млн. руб.) и другие¹. В том же году из иностранных товаров больше всего привозилось китайского чая (3,4 млн. руб.), европейского сахара (1,1 млн. руб.) и бухарской пряденой бумаги (0,14 млн. руб.)².

Спустя 12 лет, в 1860 году, ассортимент преобладающих товаров на Ирбитской ярмарке несколько изменился. Среди русских товаров по-прежнему важное место занимали шубы, меха, мягкая рухлядь (5,3 млн. руб.). Далее шли кожи сырые и юфтевые (4,6 млн. руб.), сафьяновые и коженые изделия (2,4 млн. руб.). Из съестных припасов больше всего привезено было коровьего масла (0,8 млн. руб.). Привоз посуды остался примерно на прежнем уровне (0,7 млн. руб.), а бумажные и шерстяные ткани, вина и водки отеснились на задний план. В европейских и колониальных товарах в 1860 году первостепенную роль начали играть бумажные изделия и бумага пряденая (9,6 млн. руб.), шерстяные изделия и шерсть пряденая (3,7 млн. руб.), сахар (3,1 млн. руб.), шелковые ткани (2,4 млн. руб.). Азиатские товары, как и в 1848 году, были

---

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, лл. 41—42.

² Там же, л. 44.

представлены китайским чаем (4,6 млн. руб.), бухарской пряженой и бумажной материями и халатами (0,3 млн. руб.)¹.

Из краткого перечисления основных товаров Ирбитской ярмарки видно, что перед падением крепостного права в России русские ткани на Ирбитской ярмарке были в значительной степени вытеснены западноевропейскими и колониальными. Вникая детальнее в сущность несколько изменившегося ассортимента товаров, мы ясно видим резкое увеличение западноевропейских товаров в общей массе их привоза на Ирбитскую ярмарку. Об этом говорят следующие данные. Если в 1848 году на Ирбитскую ярмарку западноевропейских товаров привозилось на сумму 2.758.645 рублей, что составляло 8,8% общего количества привозимых товаров, то в 1860 году западноевропейские товары уже оценивались в 19.865.000 рублей, а их удельный вес доходил до 40,13% всех товаров Ирбитской ярмарки². Это увеличение западноевропейских товаров шло за счет падения удельного веса русских с 78,5% в 1848 году, до 49,7% в 1860 году³. Передовой по тому времени европейский капитализм стремился поставить в зависимость от себя и затормозить развитие капитализма в России.

Важно отметить, что среди товаров Ирбитской ярмарки с каждым годом все большее место занимали уральские товары, т. е. главным образом товары Пермской губернии. Их размеры увеличивались как по отношению к общей массе товаров, так и по отношению к количеству поступавших на Ирбитскую ярмарку русских товаров. В 1860 году уральские товары составляли 11,9% общего количества и 15,4% к привезенным русским товарам. К 1860 году удельный вес местных товаров соответственно увеличился до 28 и 54,5%. Рост в первом случае в $2\frac{1}{2}$, а во втором — более чем в $3\frac{1}{2}$ раза⁴. Это также был один из показателей успехов развития капитализма на предреформенном Урале.

Для большого развития коммерческих оборотов и облегчения заключения оптовых сделок в Ирбите создаются банковские учреждения. С 1848 года в Ирбите создается местный, т. н. общественный банк. На время ярмарки здесь также учреждалось временное, отделение Екатеринбургской конторы коммерческого банка⁵.

Таким образом, Ирбитская ярмарка, поглощая уральские товары, втягивала и выводила Пермскую губернию кануна отмены крепостного права не только на общероссийский, но и на международный рынок.

На других местных ярмарках и торжках Пермской губернии продавались главным образом товары и изделия, вырабатываемые

---

¹ Х. Мозель. Указ. соч., ч., II., стр. 392—396.

² ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, л. 44; Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 897.

³ Там же.

⁴ Подсчет сделан на основе данных: Макшеев. Указ. соч., стр. 170—173; Х. Мозель. Указ. соч., ч. II, стр. 392—396.

⁵ Н. Эйгер. Указ. соч., стр. 12.

в том или ином географическом районе. Так, на торжке в с. Ордынском Осинского уезда из изделий, вырабатываемых на месте, продавались кожи, сало, хлеб, рыба, льняные и пеньковые ткани, железо, медь, медная и каменная посуда, фрукты. Кроме того, на этом торжке сбывались привезенные из Центральной России шерстяные, шелковые и полупелюшковые ткани. Сюда проникли из Азии китайский чай и кофе¹. Такое положение было типичным для многих мелких торжков Осинского, Оханского и Красноуфимского уездов.

В с. Березовском Кунгурского уезда из местных изделий продавались хлеб, мясо, рыба, мед, воск, масло коровье и конопляное, сальные свечи, самовары, сермяжное сукно, кушаки, перчатки, чулки, холст, сафьян, башмаки, сапоги, конская упряжь, посуда, белизны и заячьи шкуры, железные и чугунные изделия. Из Центральной России сюда привозили высококачественные сукна, фланель, шелковые и бумажные ткани, миткаль, коленкор, бумагу, книги, табак, чубуки и музыкальные инструменты. Западноевропейские товары были представлены сахаром, сандалом, ладаном и другими бакалейными товарами, а азиатские — китайским чаем, бухарской пряженой бумагой, халатами, верблюжьей шерстью и азиями². Такие торжки, как, типичные, функционировали в Кунгурском, Пермском, Соликамском и других уездах Пермской губернии.

Уместно отметить, что процент сбыта товаров по отношению к массе привезенных на торжках и ярмарках предреформенной Пермской губернии был очень низким. В большинстве случаев он равнялся 45% и только на некоторых ярмарках (Ивановская) доходил до 63%³. Здесь мы имеем дело с узостью внутреннего рынка Урала, который не успел еще расширить для себя развивавшиеся капиталистические отношения. В основном это была та стадия в развитии товарного производства на территории Пермской губернии, когда мелкий производитель ограничивался сбытом изделий на мелком местном рынке, или иногда — сбытом непосредственно в руки потребителя. Но все, даже небольшие торжки отдаленных деревень, имели между собой связь, а в целом они были в какой-то степени вовлечены в колоссальный товарооборот Ирбитской ярмарки и этим самым разрывали рамки феодальных вотчин, способствуя развитию в крае капитализма.

В первой половине XIX века Пермская губерния имела обширные экономические и торговые связи не только с важнейшими экономическими районами Центральной России и Сибирью, но также с Китаем, среднеазиатскими государствами, ближневосточными странами и Западной Европой. Развитию этих связей способствовали не только естественные богатства края, но и наличие водного пути по Каме и другим судоходным и сплавным рекам Пермской губернии.

---

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 66, л. 45

² Там же, л. 71—76.

³ ЦГИЛ, ф. 1284. оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 9 об.

Определяя роль речной системы в экономической жизни губернии, пермский губернатор писал: «В губернии находятся две судоходные реки: Кама и Колва и две сплавные: Чусовая и Сылта. Река Кама, как судоходная на всем своем протяжении и впадающая в Волгу, составляет единственное водяное сообщение, по которому вывозятся из губернии металлы, соль, хлеб и прочие местные произведения и, наоборот, доставляются товары с Нижегородской ярмарки»¹.

Судоходство в Пермской губернии развивалось вместе с развитием солеварения и горнозаводской промышленности на Урале.

До 40-х годов XIX века судоходство на Каме имело в известной степени сезонный характер. Оно было активным весной, когда осуществлялся весенний караванный сплав металлов, соли и других грузов. Позднее же на протяжении всего навигационного периода на Каме постоянного курсирования не было или почти не было.

Однако быстрое развитие капитализма в России вообще и в Пермской губернии, в частности, усиление экономических и торговых связей между Центральной Россией и Сибирью в первой половине XIX века не могло уже удовлетвориться прежним уровнем развития судоходства на Каме. Кама в системе волжского бассейна приобретает всероссийское значение, а главный ее порт город Пермь становится известным «как пункт, в котором идущие из Сибири сухопутные товары грузятся на суда и пароходы для отправления во внутренние губернии или, наоборот, доставленные водяным путем товары из Нижегородской ярмарки следуют далее в Сибирь уже на лошадах в транспортах и обозах»².

Сезонность транспортных перевозок по Каме необходимо было заменить постоянным сообщением на протяжении всей навигации, а главное увеличить грузооборот. Такому шагу способствовали и технические предпосылки. Первый в России пароход был построен в 1815 году в Петербурге Карлом Бердом. Летом этого года он проходил испытание сначала на Таврическом пруду, а затем на Неве, совершил несколько плаваний между Петербургом и Кронштадтом. Но уже в следующем 1816 году появился пароход и на Каме. Владелец Пожевского завода В. А. Всеволожский еще в 1815 году пригласил талантливого молодого инженера (впоследствии члена-корреспондента Академии наук) П. Г. Соболевского, под руководством которого при участии замечательных уральских механиков Казанцева и Истомина в Пожевском заводе был построен и опробован «паровой бот», который ходил по рекам Поже и Каме.

Летом следующего 1817 г. на этом заводе тем же коллективом специалистов были построены еще два парохода, один маленький, другой большой, на которых Всеволожский отправился в плавание до Казани. Но на обратном пути пароходы вынуждены были зазимовать на Нижней Каме около села Тихие Горы. Во время зимовки

---

¹ ЦГИА, ф. 1284, оп. 6(697), 1860 г., д. 50, л. 8 об.

² Там же.

суда примерзли ко дну реки и были залиты внешней водой, корпуса их оказались повреждены. Летом 1818 года с них были сняты паровые машины¹.

Неудачное начало не смутило Всеволожского. Он закладывал новые суда. Берд, получивший в 1817 году привилегию на 10 лет на заведение парового судоходства, вынужден был в 1820 г. заключить с Всеволожским «условие», по которому он предоставлял последнему «построить два парохода такой величины, какой по удобности он заблагорассудит для собственного его употребления в водоходстве по Каме и Волжской системе вверх до каналов Мариинского и Вышневолоцкого, а вниз до Каспийского моря по оному»². Летом 1821 года построенный на Пожевском заводе пароход «Всеволод» мощностью в 32 лошадиных силы, отправившись с устья Пожвы, дошел до Рыбинска³.

До начала 40-х годов XIX века привилегии на пароходство в значительной степени сдерживали его развитие. Лишь после ликвидации этих привилегий в 1843 году (по указу от 2 июля 1843 г.)⁴ водный транспорт получает широкое распространение на основных водных магистралях страны, в том числе в Волжском бассейне и в Сибири.

В этот период судоходство по рекам Пермской губернии Каме, Чусовой, Белой, как писал в 1832 году один из современников, «по многочисленности разного рода тяжестей, как отселе отправляемых, так и привозимых через здешнюю губернию, может быть причислено к одному из важнейших в целом государстве»⁵. В этой оценке нет преувеличения. Достаточно сказать, что в 1843 году по всем рекам Пермской губернии плавало 673 судна, их обслуживало 17594 рабочих. Общая ценность перевезенных грузов равнялась 10.476.406 рублям. Из них на реку Каму приходилось 243 судна, на которых было занято 8.905 рабочих, перевезено грузов на 4.795.868 рублей⁶.

В таких условиях зародилось и создалось регулярное пароходство на р. Каме.

В 1846 году чиновники казенной палаты В. В. Паркачев и Н. Н. Ильин вместе с подрядчиком О. Л. Цветковым создали первую частную пароходную компанию на Каме под названием «Пермское пароходное общество». Общество начало строить деревянный буксирный пароход «Пермь» в 60 л. сил и объявило об открытии регу-

---

¹ С. Б. Даниличев. Начало первого судоходства на Каме, Сб. «На Западном Урале», Пермь, 1956, стр. 81—90.

² Там же.

³ ЦГИА, ф. 652, он. 1, д. 1095, л. 143.

⁴ Там же, д. 1096, л. 234.

⁵ Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией, Пермь. 1891 г., стр. 18.

⁶ Х. Мозель. Указ. соч., ч. I, стр. 217—218.

лярного пароходного движения по Каме¹. Однако, в связи с неудачной постройкой парохода «Пермь» «Пермское пароходное общество» смогло начать свою деятельность только с 1848 года.

В 1847 году на Каме возникла еще одна пароходная компания — «Гакс и Тет». Она построила на Пермской пристани буксирный деревянный пароход «Два брата» в 40 л. сил. В связи со слабой мощностью парохода «Два брата» его действия в 1847 году были незначительными².

Регулярное же пароходное сообщение по Каме и Волге, организованное пароходными компаниями, фактически началось только с навигации 1848 года. Поэтому этот год и нужно считать датой фактического создания Камского пароходства. В дальнейшем наблюдается быстрый рост числа пароходных компаний на Каме и увеличение количества курсирующих буксирных и пассажирских пароходов.

В 1851 году на Каме распространило свои действия «Камско-Волжское пароходное общество», располагавшее пятью буксирными пароходами. К этому времени на Каме уже курсировало 11 пароходов.

В 1856 году возникла компания Ильина и Севастьянова; в 1858 году пароходная фирма «Кавказ и Меркурий» установила пассажирское сообщение между Нижним Новгородом и Пермью; в 1859 году учреждаются компании «Соваж и Миронов» и «Дружина»; в этом же году открыло почтово-пассажирское сообщение по Каме крупное волжское пароходное товарищество «Самолет»; в 1860 году на Каме начали курсировать 4 парохода новой компании «Польза». Всего в навигацию 1861 года пароходство по Каме располагало 43 пароходами, из них 12 пассажирскими, 6 буксирно-пассажирскими и 25 буксирными³.

Деятельность пароходных компаний на Каме и их связи с центрально-русским рынком можно проследить на примере товарищества «Самолет». В 1861 году пермская контора этого товарищества поместила в местной газете объявление, из которого следовало, что «почтовые и пассажирские пароходы общества отправляются из Перми по 2 раза в неделю до Казани, Нижнего Новгорода, Твери, Самары, Саратова, Астрахани и во все попутные города, станции и пристани»⁴. Кроме того, контора сообщила, что на почтовые пароходы этой компании принимаются «негромоздкие, спешные, товарные клади (до 1000 пудов на каждый пароход), для доставки тако-

¹ А. Дмитриев. Очерки из истории губернского города Перми, стр. 244.

² Х. Мозель. Указ. соч., ч. I, стр. 225.

³ Данные о развитии Камского пароходства взяты из следующих источников: А. Дмитриев. Очерки из истории губернского города Перми, стр. 243—258, В. Верхованцев. Город Пермь в прошлом и настоящем, Пермь, 1913 г., стр. 139; Город Пермь, Сборник очерков по истории, культуре, экономике города, Пермь, 1926 г., стр. 53; Н. Дубилет и А. Пак. Указ. соч., стр. 34—35.

⁴ «Пермские губернские ведомости», № 24 от 16. июня 1861 г., стр. 283.

вых как по всем попутным городам и пристаням, находящимся по Волге и Каме, так равно до городов Москвы и Петербурга»¹.

Разъясняя, какими путями компания намерена отправлять грузы в эти крупнейшие города России, Пермская контора «Самолет» писала: «Кладь... доставляется самолетскими почтовыми пароходами до г. Твери, а оттуда тверскою конторою «Самолет» отправляется согласно адресам по Николаевской железной дороге, за провозную плату по тарифу, на той же железной дороге установленному»².

Такие же более или менее обширные связи устанавливала Пермская губерния и через другие пароходные компании Камы.

Нужно подчеркнуть, что пароходное сообщение по Каме укрепляло связь Пермской губернии не только с Центральной Россией и Сибирью, но и с северными районами страны, в частности, с Архангельской и Тобольской губерниями. Этому способствовало установление регулярного пароходного сообщения по притокам Камы, Колве и Чусовой.

В 1858 году был осуществлен первый опыт плавания по реке Чусовой пятнадцатисильного парохода «Тагил», построенного на Нижнетагильских заводах. Спустя 2 года по р. Чусовой начал плавание новый пароход Нижнетагильских заводов «Опыт» в 30 л. сил, чем было положено начало сравнительно регулярному сообщению по этой водной магистрали³. В навигацию 1860 года началось регулярное пароходное сообщение по Каме и Колве между Пермью и Чердыню. Здесь в 1860 году курсировал пароход «Чердынь», принадлежавший Турчанинову и К-о⁴.

По этим путям с юга на северо-запад и северо-восток шел хлеб и точильный камень, добываемые в Печорском крае, а обратно — рыба. Как сообщала местная печать, хлеб из Пермской губернии «значительными партиями шел в Усть-Вочинскую пристань, а оттуда отправлялся к Архангельскому порту. Хлеба туда ежегодно отправлялось до 100.000 пудов»⁵.

В свою очередь в Пермскую губернию, как отмечал губернатор, «мерзлая рыба привозится в большом количестве из Тобольской губернии, а соленая — из Архангельской»⁶.

Учреждение пароходства по Каме составляло важный этап в экономической жизни Пермской губернии. Грузооборот по всей речной системе губернии и по Каме, в частности, по мере приближения реформы увеличивался.

---

¹ «Пермские губернские ведомости», № 24 от 16 июня 1861 г., стр. 283.

² Там же.

³ В. Рашет. Уральская железная дорога. «Пермские губернские ведомости», № 47, от 24 ноября 1861 г.

⁴ А. Дмитриев. Очерки по истории губернского города Перми, стр. 255; Город Пермь, стр. 52.

⁵ «Пермские губернские ведомости», № 10 от 10 марта 1861 г.

⁶ ЦГИА, ф. 1284 оп. 6 (697), 1860 г., д. 50, л. 88.

В 1848 году, т. е. в начале установления регулярного пароходного сообщения по Каме, прошло 237 различных судов. Они перевезли грузов на 5.667.811 рублей. В 1860 году за 407 рейсов судов было перевезено грузов на 11.012.451 рубль. За этот же период количество судов, проходивших в год по всем судоходным рекам Пермской губернии, увеличилось с 726 до 890, а ценность перевозимого ими груза возросла с 10.269.734 руб. до 16.454.558 рублей¹.

Имеющиеся данные показывают, что количество судов и ценность перевезенного груза за последние 12 лет перед реформой

в Пермской губернии увеличились в $1\frac{1}{2}$ —2 раза, что, безусловно, было большим шагом вперед в развитии торгово-экономических отношений, создававших условия для развития капитализма на Урале.

Так выглядел общий процесс развития судоходства в Пермской губернии накануне реформы, такова роль в нем камского пароходства.

---

¹ ЦГИА. ф. 1284, оп 6 (697), 1860., д. 50 лл. 89—91.

В. В. Мухин

СКЛАДЫВАНИЕ УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ВОТЧИНЫ ВСЕВОЛОЖСКИХ

Одной из характерных особенностей дореформенного Урала было наличие здесь огромных горнозаводских имений, включавших в себя крупные, нередко многоотраслевые промышленные комплексы, сотни тысяч десятин земель и лесов, десятки тысяч крепостных крестьян и мастеровых. Эти латифундии, хозяева которых были и помещиками и заводчиками, являлись опорами крепостничества в крае.

Горнозаводские имения возникли различными путями, право собственности на них базировалось на различных юридических основах. Наиболее многочисленной их группой были посессионные хозяйства. К ним принадлежали крупнейшие владения Демидовых, Яковлевых, Турчаниновых и других.

Горнозаводских имений на вотчинном праве имелось сравнительно немного, хотя по своим размерам они были самыми крупными. Подавляющая их часть была сосредоточена в Прикамье.

Из имений этой группы большой интерес представляет вотчина дворян Всеволожских, имевшая ряд особенностей в своем формировании и техническом развитии.

История возникновения и складывания горнозаводских хозяйств Урала, без изучения которой невозможно всестороннее изучение истории горной промышленности одного из важнейших районов страны, неоднократно привлекала внимание советских исследователей. Б. Б. Кафенгауз¹ исследовал процесс складывания промышленного комплекса Демидовых, Н. И. Павленко², дал в своей монографии общий очерк истории возникновения основных горнопромышленных хозяйств России в XVIII в. Вопросы формирования

---

¹ Б. Б. Кафенгауз, История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. 1, М., 1949.

² Н. И. Павленко, История металлургии в России XVII в. Заводы и заводовладельцы, М., 1962.

ряда горнозаводских имений края в той или иной степени затронуты в нескольких, в основном неопубликованных диссертационных работах¹.

История возникновения и складывания горнозаводской вотчины Всеволожских в исторической литературе продолжает оставаться мало изученной. Отдельные данные о ней содержат некоторые работы дореволюционных историков и краеведов, посвященные истории строгановских имений², или истории вотчин Лазаревых³, но они носят чаще всего апологетический характер.

Из советских исследователей некоторое внимание этой теме уделил Н. И. Павленко⁴. Кратко осветив историю возникновения основного костяка вотчины, он безусловно, далеко не исчерпал всего вопроса.

Имение Всеволожских, так же, как и другие крупные владения в бассейне реки Камы (Шуваловых, Голицыных, Лазаревых), отпочковалось от огромной вотчины Строгановых, начало которой было положено еще в середине XVI в.

Благодаря захватам, покупкам и пожалованиям к началу XVIII в. в руках этой династии феодалов сосредоточилась огромная территория в 10 823 447 дес. Пожалования были настолько велики, а границы земельных владений по ним неточны, чем пользовались при дальнейших захватах земель Строгановы, что впоследствии по мере хозяйственного освоения края само государство было вынуждено конфисковать часть земель этих магнатов и даже вести с ними земельные споры. По разным обстоятельствам от Строгановых отошло в казну 3 743 281 дес., во владении их рода осталось около 6 639 065 дес.⁵.

Во второй половине XVIII в. отдельные части строгановского имения переходят к другим владельцам. Так в мае 1773 г. владение С. Н. Строганова, доставшееся после его смерти малолетнему сыну Александру, было продано его матерью и опекунами «для расплаты долгов» В. А. Всеволожскому за 300 тысяч рублей серебром⁶. 13 мая была составлена купчая крепость, в тот же день она была

---

¹ С. М. Байкова. История горнозаводских рабочих заводов Абаменских—Лазаревых в последней четверти XVIII—I половине XIX вв.; И. С. Курицын, Пермские промышленные предприятия Голицыных в XVIII в.; И. Ф. Ушаков, Белорецкое горнозаводское хозяйство дворян Пашковых в I половине XIX в. и др.

² Ф. А. Волегов, Историко-статистические таблицы на Пермские имения г-д Строгановых с 1558 по 1850 гг., «Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г.», Пермь, 1888; А. А. Дмитриев, Материалы к истории рода Строгановых за последние два столетия, Пермь, 1883; А. А. Дмитриев, Ф. А. Волегов как историк Строгановых, «Пермские губернские ведомости», 1886, № 30—38 и др.

³ Н. Н. Новокрещенных, Постройка Кизеловского завода И. Л. Лазарева, Уфа, 1892; Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий, СПб, 1889.

⁴ Н. И. Павленко, указ. соч., стр. 246—247, 400, 405—407.

⁵ Ф. А. Волегов, указ. соч., стр. 7.

⁶ ГАПО, ф. 176, д. 41, л. 14.

зарегистрирована в Петербургской крепостной конторе, а 23 мая зарегистрирована и в Берг-Коллегии¹.

По купчей к Всеволожскому перешла весьма значительная доля (одна девятая) общего строгановского имения на Урале. Купленная вотчина находилась в Кунгурском и Соликамском уездах Пермской (Соликамской) провинции и включала в себя: Чусовские, Ленвенские, Новоусольские, Зырянские и Орловские соляные промыслы «с соляными рассолами, трубами и варницами, особыми и общими с другими господами баронами Строгановыми и их наследниками, и при тех соляных промыслах и варницах со крестьянами, с мастеровыми всякого звания и работными людьми». Пожевской железодельный и медеплавильный завод с железными и медными рудниками с «приписными по разделу доставшимся к тому заводу ... крестьяны и дворовыми людьми и при заводах и промыслах служителями и разного звания мастеровыми и работными людьми». Села: Рождественское, Кизьвенское, Зюкайское, Майкорское с деревнями и починками, деревни Тишково, Белую Пашню, Южакову, Верх-Пожду, Усть-Пожду, Емельяниху, Редижскую, Усть-Косьву, Розим и Вильву, Сепычевские и Городищенские деревни, части сел Чусовских Городков, Орла, Верети, Ленвы, Нового Усолья, деревни Лекмартовской, села Растесского, «да из отдельных Усть-Косьвенского приходу из Усть-Иньвенских деревень целыми дворами»².

Так в числе крупнейших уральских магнатов-помещиков и заводладельцев появилась новая фамилия.

Процесс складывания вотчины В. А. Всеволожского шел медленным темпом и не был при нем закончен. Этот помещик представлял собою классический тип «пенкоснимателя», не знавшего и не хотевшего знать горнозаводское хозяйство, не хотевшего войти в его нужды и вкладывать в него значительные капиталы, но хотевшего получать от него как можно большие прибыли. По характеристике Н. Н. Новокрещенных «он был для заводов каким-то случайным хозяином. Купленное им имение требовало труда и массы забот для того, чтобы поставить его в положение благоустроенного имения. Всеволожский все сводил на одну внешность...»³. В вотчине год от году усиливалась эксплуатация крепостных, за счет интенсификации труда которых помещик старался повысить доходы от имения, не делая в него значительных вложений, не прилагая усилий для реорганизации хозяйства, в которой оно остро нуждалось.

Промышленное строительство в вотчине в этот период велось медленно и ограничивалось, в основном, ремонтом обветшавших и постройкой вместо старых сооружений других. Эти работы велись, главным образом, на Пожевском заводе и Новоусольском и Ленвенском соляных промыслах. Центр вотчины по-прежнему продол-

¹ ГАПО, ф. 176, д. 41, л. 10 об.

² ГАПО, ф. 176, д. 84, л. 11.

³ Н. Н. Новокрещенных, указ. соч., стр. 21.

жал оставаться в Новом Усолье, хотя в 80—90-х годах в ней все большую роль начинает играть Пожевской завод. Мало делалось для обособления этого хозяйственного комплекса из хозяйственного комплекса общих строгановских имений, для определения главной линии или основных отраслей хозяйственного развития вотчины. Зато за имением накапливались долги, вотчина была заложена по частям различным лицам.

Но тем не менее и в это время в ней происходили некоторые значительные территориальные и хозяйственные изменения. Прежде всего был более четко определен профиль Пожевского завода, который к моменту покупки был и железоделательным, и чугуноплавильным, и медеплавильным. Выплавка меди была временным явлением в жизни предприятия и не занимала большого объема в общем производстве продукции — работали только три медеплавильные печи, да и то не на полную мощность. К 1774 г. рентабельные запасы медных руд в заводских рудниках были окончательно исчерпаны. В следующем году медь выплавлялась из руды, доставленной из отдаленных мест (было выплавлено 6 пудов 38 фунтов «чугуна медного»). В 1786—1787 гг. все медеплавильные печи «по ненадобности за совершенным в принадлежащих к заводу рудниках медных руд пресечением», были уничтожены и разобраны¹.

В Пожевском заводе была построена вторая доменная печь (1790 г.), увеличено количество кричных горнов и молотов. В 1794 г. началась постройка второго завода в вотчине Елизавето-Пожевского, расположенного выше Пожевского по речке Пожеве. Этот завод должен был быть передельным—перерабатывать чугун пожевских домен в железо.

Таким образом, были сделаны первые шаги для создания в вотчине комплекса металлургических заводов, специализирующихся на выпуске черного металла, производство меди как незначительное и нерентабельное было прекращено. В это время были сделаны и некоторые территориальные приобретения, главным из которых является Заозерская дача в северной части Урала, площадью по позднейшим измерениям в 238 325 десятин.

В 1780 г. Всеволожский купил у компаньонов М. М. Походяшина рудоискателей П. П. Ентальцева и Г. Н. Посникова рудники на Северном Урале. Походяшин, который должен был построить вместе со своими компаньонами завод, базирующийся на эти рудники, но всячески затягивавший дело, начал жаловаться на их «коварство». Несмотря на то, что Всеволожский гарантировал возмещение всех затрат Походяшина как компаньона, последний, видимо, не пошел на уступки и Берг-коллегия отказалась утвердить эту сделку.²

Но несмотря на неудачу богатство недр этого района продолжало привлекать к себе внимание Всеволожского, который вел

¹ ГАПО, ф. 176, д. 224, л. 16.

² Н. И. Павленко, указ. соч., стр. 246—247.

здесь поиски руд. В марте 1782 г. по указу Главного заводов правления ему был отведен медный рудник, найденный людьми Всеволожского, и находившийся на земле, арендованной у вогулов (манси), расположенный в северной части Верхотурского уезда в верховьях реки Сосьвы¹.

Около рудника, названного Заозерским, возник небольшой поселок крепостных Всеволожского. Рудник начали разрабатывать, но в очень небольших масштабах. В XVIII в. здесь было добыто незначительное количество медной руды, опыты проплавки которой производились на Пожевском заводе², но перевозка ее на расстояние почти 500 верст была экономически крайне невыгодной.

У Всеволожского, видимо, возникла мысль построить медеплавильный завод рядом с самим рудником. С этой целью в районе Заозерского рудника велись разведки на медь, а в феврале 1790 г. по «полюбовному акту» от сыновей заводчика Максима Походяшина Всеволожский приобретает значительную территорию, на которой, как оказалось, находился и Заозерский рудник. Границы территории были определены следующим образом: «в Верхотурском округе, в Сосьвинской волости на речке Конде, которая выпадает устьем в р. Сосьву, оною речкою с устьев и до вершин... леса от оной речки с устья вверх по реке Сосьве в западную сторону до устья речки Шегултана, примерно верст 12 вверх по оному Шегултану, в северную сторону до Лозьвинской дороги, и по оной дороге до речки, называемой Половинной, 20 верст, а от Половинной на восток до речки Лангула (Лангура — В. М.) 15 верст, а от Лангула в полдневную сторону до Стрелебного камня 10 верст, а от Стрелебного камня до показанной Усть-Конды 7 верст»³.

По этому акту к Всеволожским перешла также Расынская пристань на р. Вишере, к которой было приграничено (по позднейшим измерениям) 43602 дес. земель и лесов.

Но завод построен не был, хотя в даче были произведены кое-какие постройки и было поселено несколько семей крепостных.

Были предприняты шаги для уточнения границ имения. По челобитной Всеволожского Вотчинная коллегия в 1780 г. издала указ об отказе его недвижимого имения, купленного у Строгановых. В течение нескольких лет были составлены отказные книги на селения, рудники, леса и земельные дачи, принадлежавшие помещику в единственном владении. Межевание общих с другими владельцами дач, «въезжих дач» и т. п., далеко не было закончено из-за запутанности земельных отношений, многолетних непрекращавшихся споров, колоссальных притязаний всех участников строгановских имений, основанных на немеряных земельных пожалованиях по царским грамотам XVI—XVIII веков. Лишь позднее частично было проведено и межевание этих владений (к 1794 г.).

¹ ГАПО, ф. 176, д. 200, л. 4.

² Там же.

³ ЦГИА, ф. 1341, оп. 26, д. 945, л. 124.

Всеволожский, так же как, и другие участники строгановского имения, стремился на законных и незаконных основаниях захватить как можно больше земель. Крупный земельный спор, тянувшийся в течение ряда лет, завязался у них с правительством из-за земель по Чусовой, выше устья Межевой Утки. Эти земли фактически никогда не были во владении Строгановых, хотя и были им в свое время пожалованы по царским грамотам, а затем находились под заводами и селениями, принадлежавшими казне, Демидовым и др. заводчикам. Всеволожские вместе с Лазаревыми и Шаховскими были наиболее упорными притязателями на них, настаивая на обмене общего строгановского имения в Пермской и Тобольской губерниях по жалованным грамотам¹.

В 1796 году основатель уральской вотчины Всеволожский умер бездетным. Он завещал все свое недвижимое имение племяннику — Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, которому перешло все имение, купленное в 1773 г. у Строгановых, находящееся в Пермском наместничестве. В имении находилось по последней пятой ревизии «мужеска пола дворовых, мастеровых и работных людей и крестьян десять тысяч триста четырнадцать душ с женским полом и со всеми их семействы», земли, леса, деревни и села, соляные промыслы, Пожевской железоделательный и чугуноплавильный завод, строящийся Елизавето-Пожевской завод, рудники и прииски «разных металлов», общие и единственного владения, «конские и рогатого скота заводы, господские дома и прочее по хозяйству заведение», медный рудник и солидный земельный участок в Верхотурском уезде, каменный дом в Нижнем Новгороде с землей, строениями, прядильным заводом и складами, а также пожалованное в 1762 г. имение Буньково в Богородской округе Московской губернии, в котором насчитывалось 1600 душ м. п., и, наконец, московский дом, купленный в 1779 г. у М. Ф. Соймонова².

Таким образом, новый владелец сосредоточил в своих руках огромное состояние, принадлежавшее всей фамилии Всеволожских, которое было приумножено благодаря женитьбе на дочери видного екатерининского вельможи Н. А. Бекетова. Он оказался хозяином земель, поместий, заводов и промыслов, расположенных в 9 уездах 5 губерний (Московской, Петербургской, Пермской, Нижегородской, Астраханской) и Кавказской области. В его имениях были горные заводы, соляные и рыбные промыслы, виноградники и богатейшие пахотные земли.

Полученная им уральская вотчина находилась в очень тяжёлом и запущенном состоянии, имела большие частные и государственные долги. В 1797 г. на ней числилось 1 196 869 рублей основного долга и 123 007 рублей не уплаченных процентов по долгам, т. е. всего 1319 876 рублей³. Она была заложена по частям разным лицам, сроки закладных истекали, а некоторых—уже истекли. От дяди

¹ ГАПО, ф. 176, д. 409л. 145-145 об.

² ГАПО, ф. 176, д. 41, лл. 1—1 об.

³ ГАПО, ф. 176, д. 140, л. 71,

оборотного капитала не осталось ни копейки. Кроме того еще не были разрешены многочисленные поземельные споры, продолжение которых также требовало немалых расходов. Заводское и промышленное хозяйство велось далеко не лучшим образом и требовало также весьма значительных вложений. Крестьянское население вотчины было доведено до крайнего разорения. В декабре 1796 г.—январе 1797 г., когда крестьян стали заставлять давать «подписки» новому помещику, среди них вспыхнуло волнение, подавленное лишь при помощи крупных воинских сил.

В этих условиях наследник решил продать имение в казну и за счет вырученных сумм расплатиться с долгами. Очевидно, что заводо-владелец пришёл к этому решению не без влияния примера наследников М. М. Походяшина, незадолго до этого (в 1791 г.) выгодно продавших государству свои заводы.

В конце 1796 г. В. А. Всеволожский подал прошение на царское имя относительно учреждения опекунов над имением, «состоящего главной частию в железных и медных заводах и соляных варницах по причине лежащих на оном имении долгов по закладным дяди его или же о принятии пермских заводов в казну»¹. 24 декабря последовал манифест Павла I по поводу этой просьбы, в котором сенату предписывалось рассмотреть дело, предварительно, «войдя в запрещение по закладным».

Дело об имении Всеволожского стало предметом длительного разбирательства. Во втором прошении, направленном непосредственно в Сенат, Всеволожский просил назначить вице-канцлера А. Б. Куракина попечителем над имением, а генерал-поручика И. И. Маслова и генерал-майора князя С. Б. Куракина опекунами. Кроме того он просил временно запретить ввод во владение имением заимодавцев по просроченным закладным.

Сенат, «в рассуждении столь немалого количества долгов для порядочного и безобидного удовлетворения кредиторов и для предохранения имения от расстройства, а при всем том к соблюдению казённого с заводов и соляных варниц интереса», решил учредить над вотчиной опеку, утвердив состав опекунов, представленных Всеволожским, которым предписывалось приложить все усилия для ликвидации долгов. Одновременно сенат распорядился, чтобы Берг-коллегия и Главная соляная контора собрали все необходимые сведения о состоянии заводов и соляных варниц Всеволожского и «сделали соображение, чего оные стоят и каких выгод ожидать можно, ежели они взяты будут в казенное управление»².

Таким образом, вопрос о покупке имения в казну не отвергался, напротив, предприняты были шаги для выяснения экономической целесообразности этого мероприятия. Кроме того сенат предписал всем губернским правлениям и палатам гражданского суда временно сделать запрещение на имение «в письме крепостей, закладных и других укреплений».

¹ ГАПО, ф. 297, оп. 1, д. 7, л. 1.

² ГАПО, ф. 297, оп. 1, д. 7, л. 4—6.

Бюрократическая машина царского правительства затянула на годы решение вопроса. Поэтому Всеволожский, видимо, к середине 1798 г. потерял надежду на выгодную продажу имения в казну и вплотную занялся хозяйствованием в своей уральской вотчине.

Начиная с середины 1798 г. Всеволожский осуществляет целый ряд мероприятий, направленных на улучшение хозяйства имения. Прежде всего он проводит реорганизацию управления вотчиной: переносит административный центр имения, по традиции находившийся в Усолье еще со строгановских времён, в Пожевской завод, где теперь стало находиться главное правление вотчины во главе с главноуправляющим В. Воеводиным и приказчиками Я. Ивановым и И. Митяниным, которые должны были решать все дела совместно. Вместо существовавшего вотчинного управления, в ведении которого находились крестьяне, живущие в селах и деревнях, владелец приказал «предписать... всем крестьянам, дабы они по соглашению своему выбрали миром... старост... Старостам же быть погодно, которых по прошествии года считать миром, а если кто окажется неисправным, и прежде года таковых переменять»¹. Одновременно был сокращён управленческий аппарат, непомерно разросшийся при его предшественнике, был назначен специальный приказчик на строящийся Елизавето-Пожевской завод и т. д.

В качестве выхода из тяжёлого финансового положения имения в марте 1798 г. Всеволожский решает для «выплачивания долгов и обеспечения кредиторов» заложить свое пермское имение, на чём неоднократно настаивали опекуны².

После некоторого смягчения финансового положения имения за счет займов, частичной расплаты и обещаний уплатить долги, как только имение будет поставлено на прочную ногу, В. А. Всеволожский пускается в дальнейшее промышленное строительство и совершенствование производства, понимая, что это вернейший путь к поправке дел. В течение весьма короткого времени в вотчине возникла группа промышленных предприятий, центром её стал Пожевской завод, превратившийся из единственного завода вотчины в «головное» предприятие целого горнозаводского комплекса. Пожевской завод снабжал новые заводы оборудованием, с него рекрутировались для них квалифицированные кадры.

Крупное заводское строительство в вотчине Всеволожского в первые десятилетия XIX в., когда общие темпы заводостроения на Урале были очень замедленными, представляло собой заметное явление. Достаточно сказать, что из 27 заводов, построенных в крае с 1797 по 1820 гг. 5 принадлежало В. А. Всеволожскому.

Первым из этих предприятий в строй вошёл Елизавето-Пожевской завод. Его строительство началось ещё в 1794 г., но шло очень медленно, и было окончено лишь осенью 1798 г. В 1804 г. был пущен очень небольшой вспомогательный Марьинский завод на реке

¹ ГАПО, ф. 176, д. 150, лл. 10—12.

² ГАПО, ф. 176, д. 140, л. 71; д. 150, л. 42.

Поже в 2 верстах ниже Пожевского. В 1802 г. началось строительство более крупного Александровского (Лытвенского) завода на р. Лытве, которое затянулось из-за длительного земельного спора с Лазаревыми и было закончено только в 1808 г. Это было крупное промышленное предприятие, имевшее полный металлургический цикл, как доменное так и передельное производство. В 1811 г. было завершено строительство Никитинского (Майкорского) завода. В 1818 г. на р. Вильве, недалеко от Александровского, был построен Всеволодовильвенский завод, тоже передельный, который должен был играть такую же роль для Александровского завода, какую играл Елизавето-Пожевской для Пожевского. Наконец, в эти же годы была сделана попытка построить ещё один завод—медеплавильный—Всеволодоблагодатский, который начал создаваться в наиболее глухом и северном углу вотчины — Заозерской даче. Но он не был пущен в ход, т. к. разрешение частным владельцам разрабатывать золото, сделанное в 1812 г., открытие уральским штейгером Л. И. Брусницыным эффективного способа разработки россыпных месторождений и обнаружение в Заозерской даче богатых россыпей этого благородного металла, создали такие условия, при которых наиболее выгодным видом промышленной деятельности в этом районе стали золотые промыслы, и Всеволожский, не достроив завода, развернул здесь сравнительно большое золотопромышленное дело, центром которого стал Всеволодоблагодатск.

Новое строительство в значительной степени шло на спорных или общих с другими магнатами-заводчиками землях, простиралось иногда за границы имения, было связано с значительными территориальными изменениями.

Значительные по своей важности приобретения были сделаны в восточной части вотчины в бассейнах рек Вильвы, Кизела и Лытвы. Они были, в основном, связаны со строительством Александровского завода. Это был район, богатый полезными ископаемыми, лесом и гидроэнергией. Здесь еще с 60-х годов XVIII в. были известны богатые залежи железных руд, позднее были открыты значительные запасы каменного угля и других полезных ископаемых.

Ещё в 1761 и 1762 гг. строгановские приказчики нашли в долине реки Кизела выходы железных руд и заявили несколько железных рудников, принадлежавших, как оказалось позднее, к крупному Кизеловскому месторождению. В 1763 г. Берг-коллегия по просьбе Н. Г. Строганова разрешила ему строительство на реке Лытве металлургического завода с одной домной, а на реке Большом Кизеле построить «для того завода пильную мельницу... и лесов указанное число отвесть»¹. Но он не успел при жизни осуществить этого намерения. В следующем году Берг-коллегия повторила свое разрешение его сыну Г. Н. Строганову, но он так же не успел начать строительство его имение было продано Лазареву, который решил начать планомерное наступление на Кизеловскую дачу, входившую в общую с другими владельцами дачу Вильвенских деревень. Бла-

¹ ГАПО, ф. 176. д. 142, лл. 1—5.

годаря новым покупателям и размену крестьян и земель с рядом других владельцев, он добился здесь господствующего положения и решил строить завод.

В 1789 г. Кизеловский завод был построен. Но этим не исчерпывались возможности богатой дачи, которая возбуждала интересы Всеволожских. К тому же здесь находился частично принадлежавший им Кизеловский рудник, руду с которого целесообразнее было перерабатывать на месте, а не возить на отдалённый Пожевской завод. Однако попытки Всеволожских оспорить право Лазаревых, предпринимавшиеся в 1788, 1794, 1798 гг., кончились неудачами¹.

Столкновения этих двух хищников, стремившихся к овладению богатым районом, становились все напряженнее. Каждый из них толковал указы в выгодную для себя сторону: Всеволожские считали, что Лазаревым принадлежит только выделенная по указу сената территория вокруг Кизеловского завода, Лазаревы же, в свою очередь, считали, что им принадлежит не только эта территория, а целиком бассейны рек Кизела и Лытвы².

С переходом имения в руки Всеволода Андреевича, энергично начавшего наступление на Кизеловскую дачу, отношения между ним и Лазаревым вылились в настоящую «феодалную войну», в которой каждая сторона стремилась урвать как можно больше, не брезгуя никакими средствами. Первоначально столкновения происходили из-за рубки леса, косьбы сена и добычи горнового камня на землях, которые Лазаревы считали своими, а Всеволожские — общими.

Ещё более обострились отношения, когда Всеволожский получил от Берг-коллегии разрешение на постройку невдалеке на реке Лытве при Аникеевской горе «чугуноплавильные и железоделаемые 2 печи с четырьмя горнами да для обжигания выходящих из тех горнов криц иковки железа на разные заводские потребности вододействуемых 3 молота». В июле 1802 г. строительство завода (Александровского) разрешило и Екатеринбургское горное начальство³. Всеволожский очень тонко подвёл базу под это строительство: ещё в 1799 г. он заключил на 8 лет договор с профессором Страсбургской и Безансонской академий Гиттенбергером, по которому ему разрешалось завести сколько угодно «чугуноплавильных и железоделаемых горнов», изобретенных Гиттенбергером.

Судя по всему, этот бездомный способ получения железа либо не имел промышленного значения, либо вообще принадлежал к числу прожектерских, но Всеволожский ухватился за него и просил разрешить ему на своих землях, «где он найдет за способное» завести нужное количество этих горнов, мотивируя это тем, что «они действовать будут без угля и мехов одними дровами, так по близости рудников от всех сохранится излишнее употребление ле-

¹ ГАПО, ф. 176, д. 142, лл. 1—5.

² Там же, д. 202, л. 117.

³ ГАПО, ф. 176, д. 40, лл. 117—118.

сов и перевозка руд уменьшится». Берг-коллегия тогда же дала на это разрешение при условии дачи технической информации и сохранения прежней выплавки домен до тех пор, пока не выяснится эффективность новых горнов.

Всеволожский, умело используя это обязательство, в мае 1802 г. добился от Берг-коллегии разрешения построить их поблизости от Кизеловского рудника.

Начало строительства завода усилило трения, Лазаревы объявили новый спор. Дело снова дошло до Сената. Тот своим решением от 5 декабря 1802 г. запретил Всеволожскому продолжать строительство завода на Лытве и рубку леса в дачах, впредь до разбирательства между ним и Лазаревыми¹.

Но Всеволожский продолжал хозяйничать в спорных местах. Тем временем не дремали и Лазаревы. Они начали усиленно вырубать леса в тех дачах, которые должны были отойти к строящемуся заводу. Во все инстанции посыпались многочисленные жалобы сторон. В этой борьбе дело доходило до вооружённых столкновений.

Но распри не могли продолжаться долго, т. к. они не только препятствовали хозяйственному освоению Всеволожскими Кизеловско-Александровского района, но и делали это весьма затруднительным для Лазаревых, ибо серьезно мешали нормальному функционированию их промышленных предприятий и, прежде всего Кизеловского завода. Кроме того длительные и упорные тяжбы требовали немалых расходов (судебные издержки, подкуп чиновников и т. п.). Всё это вместе взятое заставило обоих хищников в обоюдных интересах договориться о разделе спорных дач.

В 1804 г. Лазарев и Всеволожский «учинили миролюбивый акт», по которому первый «уступал» к Александровскому заводу 86 тысяч дес. земель и лесов из спорных дач, назначив «пространство их границы»². В число этих земель входили земли «собственного участия Всеволожского на 9 часть» (общего Строгановского имения) — 9555 дес, земли «собственного участия Лазарева на 9 и 7 часть ему принадлежащие» — 13650 дес; земли, уступленные Лазареву княгинями Голицыной и Шаховской в 1788 г. — 24572 дес, и графом А. С. Строгановым в 1791 г. — 7781 дес. Кроме того на 9555 десятин права предъявлял барон Г. А. Строганов, а 20884 дес. составляли спорные земли, на которые притязали другие «участники» строгановского имения³.

Между Лазаревыми и Всеволожскими был разделён и Кизеловский железный рудник, являвшийся основной рудной базой как для Пожевского и Александровского, так и для Кизеловского заводов (его разделили на 10 делянок-паев, из которых четные достались Всеволожским, а нечетные — Лазаревым).

Таким образом, длительная и упорная борьба между Всеволожскими и Лазаревыми за использование природных богатств Кизе-

¹ ГАПО, ф. 176, д. 202, л. 473.

² ЦГИА, ф. 880, оп. 1, д. 974, л. 195—196.

³ ГАПО, ф. 176, д. 30, л. 31.

ловско-Александровского района закончилась разделом «сфер влияния». Причём этот раздел в значительной степени был проведен за счёт ущемления интересов других магнатов-«участников» общего строгановского владения. Это не могло не вызвать в дальнейшем новых споров и притязаний на земли, приобретенные Всеволожскими.

Нужно отметить и тот факт, что договорный акт 1804 г., а затем дополнительный — 1810 года, не решали полностью всех споров между Всеволожскими и Лазаревыми. Лишь соглашение, заключенное между ними в марте 1828 г., прекратило наиболее крупные земельные споры между этими крупнейшими земельными магнатами Урала, часто продолжавшиеся по несколько десятков лет¹.

Как и следовало ожидать, Александровская дача, обмежеванная в 1804 г., немедленно оказалась в паутине новых поземельных тяжб. Уже в 1806 г. и 1807 г. на неё были заявлены претензии от «прочих частей» строгановского имения. Но по решению сената спорщикам было отказано до разбирательства в межевых учреждениях. В 1807 г. Всеволожский договорился с А. С. Строгановым и взаимные требования были прекращены².

Но более сложным для Всеволожских был спор с Г. А. Строгановым, ибо права последнего на эти земли были наиболее основательными.

Ликвидация этого спора связана со значительными изменениями в промышленной структуре вотчины. К тому времени в её состав входили, как и в состав всех других имений, возникших на базе строгановского, металлургические заводы, соляные промыслы, причем последние были сосредоточены в это время в Новом Усолье и Ленве. Здесь на сравнительно небольшой территории было сконцентрировано значительное количество варниц и других промышленных сооружений, принадлежавших многим хозяевам, тут же жили их крепостные люди. Многочисленные взаимные претензии, наличие совместного владения, большая теснота не создавали удобных условий для такого владельца, как Всеволожский, которому «по промыслам» принадлежала лишь $\frac{1}{9}$ часть бывшего единого мощного строгановского владения.

В. А. Всеволожский решает отказаться от традиционной для прикамских магнатов промышленной деятельности по выварке соли, сосредоточив все ресурсы своей вотчины на металлургическом производстве, и ценою уступки своих промысловых прав, укрепить за собой Александровскую дачу и Усьвенские рудники. В июне 1819 года он, «главнейше в видах упрочения по крайней мере рудничных имений за собою»³, продал Г. А. Строганову свои Новоусольские и Ленвенские промыслы и Огурдинский лесопильный завод с 561 душой мужского пола дворовых, «ремесленников» и крестьян, вместе с «участием» в промысловых землях и лесах за 1600

---

¹ ГАПО, ф. 176, д. 30, лл. 36—38.

² Там же, лл. 32—33.

³ ГАПО, ф. 176, д. 1150, л. 18.

тыс. руб. ассигнациями. По этой сделке Строганов отказался от всех своих прав на Александровскую дачу и дачу Усвенских рудников¹.

Но и после этого конфликты продолжались. Например, с 1816 и до начала 30-х годов тянулся спор с Голицыными, Строгановыми и другими из-за Всеволодовильвенского завода, расположенного так же в Александровской даче. Лишь указом сената от 9 марта 1831 г. все притязания по Александровской даче вообще были прекращены как несостоятельные².

Таким образом, расширение своей вотчины на восток, включение в её состав богатого горно-рудного Александровского района, Всеволожским удалось осуществить только путем длительных судебных разбирательств с другими магнатами-совладельцами долевых частей, в своё время нераздробленного строгановского имения.

Другим направлением притязаний Всеволожских был пустынный район в горах Северного Урала, так называемая Заозерская дача, в юридическом отношении являвшаяся также во многом спорной территорией.

Всеволожский, решив в свою пользу вопрос о присоединении Александровской дачи, захотел утвердить своё право владения и на северные земли. Он, видимо, намеревался в будущем все-таки построить здесь медеплавильный завод. Непосредственное значение в этом имело и открытие богатых золотых месторождений на северной границе соседнего казенного Богословского горного округа, что давало возможность надеяться и на золотоносность земель Всеволожских. В 1817 и 1821 гг. было проведено обмежевание «окружной» межей дачи к предполагаемому заводу, в результате чего к Всеволожскому отошли также земли и леса по левую сторону реки Сосьвы.

Но администрация Богословских заводов, не желавшая упустить из своих рук огромную земельную площадь, богатую лесами, медной рудой, а, возможно, и золотом, объявила в 1817 г. спор на все северные земли Всеволожских. Поверенный Григорий Мальков предлагает помещику ряд мероприятий, направленных на «усиление владения» Заозерскими землями: «отысканные вновь прииски открыть возможно, в разработке... чем оправдать в случае свидетельства нашу невиновность и возвратить вековечное наше владение в его силе», переселить на рудник определённое число работников и открыть вновь существовавшую некогда там владельческую контору «единственно по усиливанию нашего водворения», и, наконец, организовать в широких масштабах подкуп местных чиновников. «Где требовать польза ваша будет, — писал Мальков Всеволожскому, — и финанцы, позволять, ... мне их употреблять, бескоих силы наши слабы и разум маломоществен»³. План получил одобрение владельца и начал приводиться в исполнение.

¹ ЦГИА, ф. 652, д. 943, лл. 79—80, 81—83а.

² ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 4456, л. 145—145 об.

³ ГАПО, ф. 176, д. 200, л. 8—9.

Уже в 1817 г. тот же Мальков поселил в Заозерске небольшую группу крепостных и вольнонаемных работников и открыл там вновь помещичью контору. Начались подготовительные работы по расширению Заозерского рудника и сооружению медеплавильного завода. Хотя выполнялись они очень медленно, т. к. велись исключительно в целях «укрепления владения» (нужно было оправдать приграничение земель и лесов к заявленному заводу и окончательно закрепить их за собой). Вполне понятно также и то, что Всеволожский не мог рисковать построить завод на земле, спорной с казной.

В 1824 г. помещик переселяет в свои верхотурские владения большую группу крепостных с Прикамских заводов и развёртывает широкие поисковые работы на золото; одновременно продолжают-ся и работы на медном руднике, где была установлена для водоотлива небольшая паровая машина.

В дальнейшем внимание заводовладельца в Заозерской даче было сосредоточено исключительно на золоте. Именно для разработки его сюда переводятся из Прикамья все новые и новые группы крепостных, а в связи с этим в даче вырастают новые селения— Истоцкое на р. Конде и др., рубится лес, ведётся строительство. Ещё весной 1825 г. приказчики Всеволожского подают заявку на найденные золотые россыпи в Пермское горное правление и просят разрешения их разрабатывать¹. Хотя такое разрешение не было получено, фактически уже с 1825 г. началась промышленная добыча золота в Заозерской даче².

Медеплавильный завод, получивший даже название Всеволодоблагodatского, так и не был сооружён из-за отдалённости и трудности путей сообщения, нехватки рабочей силы (её полностью поглощали золотые промыслы), продолжавшихся земельных споров и других причин, хотя к этому вопросу заводовладельцы неоднократно возвращались в конце 20-х—30-х годов XIX в. Да, собственно, и сооружение его по-настоящему и не началось, т. к. все произведенные работы ограничивались частичной реконструкцией рудника и завозом некоторого оборудования для медеплавильного производства (детали и механизмы для медеплавильных печей), которое ещё долгое время хранилось на складах Всеволодоблагodatского «золотосодержащего» завода, как стал официально именоваться поселок Заозерского рудника.

Спор с казной окончился только в апреле 1827 г., когда он был разрешен в пользу Всеволожского специальным указом Сената. Заозерская дача была признана собственностью Всеволожского, которому официально предоставлялось право добычи золота в ней³.

Но возник новый спор со стороны «участников» в общем строга-новском владении князей Голицыных, княгини Бутеро и др., кото-рые, основываясь на царской жалованной грамоте 1574 г. Строга-

¹ Серовский филиал ГАСО, ф. 12, оп. 5, д. 1, лл. 16—16об.

² Там же, оп. 2, д. 2, л. 76.

³ ЦГИА, ф. 1152, оп. 1, д. 54, лл. 80 об.

новым на земли по Тоболу, Оби и их притокам, претендовали на права в этой даче. Дело тянулось очень долго и было решено уже после смерти В. А. Всеволожского, в 1838 г., когда специальным «мнением» государственного совета, утвержденным царём, было решено Заозерскую дачу оставить во владении «одних их Всеволожских, а графам Строгановым и участникам их на совместное владение сею землею отказать»¹.

Это было последним крупным территориальным приращением к уральской вотчине Всеволожских. С тех пор уже не расширялись её границы. Заведение золотых промыслов было последним актом процесса складывания промышленного комплекса этого горнозаводского имения, одного из крупнейших в крае.

Так завершилось складывание одной из крупных в крае уральской горнозаводской вотчины Всеволожских. В последующие годы, после смерти В. А. Всеволожского (1836 г.) она не имела больше значительных территориальных приобретений, в ней не строилось больше новых горнозаводских предприятий, не возникало новых отраслей горного производства, почти не основывалось значительных населенных пунктов. Дальнейшее развитие вотчины шло в уже сложившихся границах.

Попытаемся подвести некоторые итоги.

Начало уральской вотчины дворян Всеволожских было положено в 1773 г., когда сенатор В. А. Всеволожский купил часть имений рода Строгановых. Покупка эта произошла при обстоятельствах, дающих возможность предположить в этом акте спекулятивные цели. В результате этого было приобретено большое количество земель и лесов, предприятий (соляные промысла и Пожевской завод), рудники и крепостное население, способное с избытком покрыть потребность в рабочей силе для этих предприятий.

Крайняя запутанность поземельных отношений между «участниками» общего строгановского владения и между ними и казной создавала благоприятные условия для земельных захватов.

Новые владельцы части строгановского имения — Всеволожские воспользовались этим. Они так же, как и Лазаревы, повели наступление на богатые природными ресурсами соседние земли. Выискивая малейшие зацепки, затеявая судебные споры во всех инстанциях, тянувшиеся иногда не одно десятилетие, широко используя своё влияние, связи, подкупы, не останавливаясь и перед прямым применением силы, они расширяли границы своей вотчины. Их деятельность была направлена, в основном, в районы, природные богатства которых представляли интерес с точки зрения возможностей развития горнозаводского дела (Кизеловско-Александровский район, Заозерская дача и др.) В течение полувека их уральские имения увеличились в три раза.

С приобретением Александровской дачи наряду с другими по

---

¹ ЦГИА, ф. 1152, оп. 1, д. 44, л. 194.

«уступкам» от Лазарева и других участников, у Всеволожских оказалось 615478 дес. бывших строгановских земель.¹ Окончательное приобретение ими права собственности на Заозерскую дачу и дачу Расынской пристани, а также и на Усьвенскую лесную дачу значительно увеличило их земельную собственность. Согласно «Раздельному расписанию» между Александром и Никитой Всеволожскими, составленному в 1845 г., им принадлежало 1109962 дес. земель и лесов в Пермском, Оханском, Соликамском и Верхотурском уездах Пермской губернии².

Процесс складывания вотчины распадается на 2 этапа. Первый из них охватывает 1773—1790 гг., когда происходило формирование основного массива вотчины, шёл, так сказать, её количественный рост. Во второй (1794—30-е годы XIX в.) шёл её качественный рост: делались сравнительно небольшие, но крайне важные территориальные приращения, окончательно закреплялись дачи, владение которыми до этого было спорным, возникали новые промышленные предприятия, окончательно формировался горнопромышленный комплекс имения, уточнялись и стабилизировались его границы.

Последний этап характерен также тем, что в это время происходил процесс своеобразной «внутренней колонизации» — хозяйственного освоения восточной и северной части имения. В момент возникновения уральской вотчины Всеволожских и в последующие десятилетия наиболее обжитой её частью была прикамская, где находились старые промышленные очаги и крупные населённые пункты, возникнувшие вдоль традиционного камского пути; где в многочисленных сёлах и деревнях, разбросанных в плодородных долинах Обвы и Иньвы и вдоль самой Камы, жила подавляющая часть крепостного крестьянского населения новых уральских помещиков.

Наоборот, лесистая восточная, а затем и северная части вотчины, расположенные на склонах Уральского хребта, с гораздо худшими условиями для сельского хозяйства, были населены очень слабо и почти совершенно не освоены. Зато здесь были сосредоточены основные ископаемые богатства вотчины Всеволожских, имелся комплекс условий, необходимых для развития горнозаводской промышленности: леса, гидроэнергия, руды, довольно удобные пути сообщения и т. д. Естественно, что Всеволожские начинают осваивать эти районы. К третьему десятилетию XIX в. восточный Кизеловско-Александровский и северный Заозерский районы представляли собою, особенно первый, уже довольно населённые и освоенные в промышленном отношении части вотчины. Горные реки Вильву и Лытву перегородили плотины, задымилась тру-

---

¹ ГАПО, ф. 297, оп. 3, л. 324, л. 18.

² Там же, ф. 176, д. 1150, л. 1 об.—2. Всего же у Всеволожских в это время было в Пермской, Астраханской, Петербургской, Московской, Нижегородской губерниях и Кавказской области 3315795 дес. земель и морских вод,

бы заводов, вековую тишину северной тайги нарушил шум золотопромывальных машин.

Базой для такого развития послужила прикамская часть вотчины, за счёт резервов и ресурсов которой и происходил, в основном, этот процесс. Старые предприятия (особенно большую роль тут играл Пожевской завод) снабжали возникающие промышленные очаги металлом, оборудованием, технической информацией и, наконец, квалифицированными кадрами.

Надо сказать, что имение Всеволожских было одним из немногих горнозаводских хозяйств Урала, которые при своём расширении, как территориальном, так и промышленном, не имели или почти не имели притока населения извне.

Все земельные приобретения Всеволожских на Урале после 1773 г. делались за счёт ненаселенных земель. Покупок крепостных для своих уральских заводов они вообще не практиковали, перевод из других имений в уральское касался только единиц, да и он с лихвой перекрывался обратным течением, когда уральские крепостные, преимущественно, мастеровые-специалисты, переводились в Московскую, Петербургскую и Астраханскую вотчины. Таким образом, промышленное строительство и освоение новых районов происходило исключительно за счёт крепостного населения, имевшегося в вотчине в момент складывания её основного ядра, которое было весьма значительным. В 1762—1763 гг. в части С. Н. Строганова насчитывалось крестьян, мастеровых, дворовых и промысловых работников 6710 душ м. п., все они были проданы Всеволожским. К 1796 г. количество крепостных у них возросло до 10314 душ м. п., в 1834 г., несмотря на значительную продажу крепостных вместе с соляными промыслами Г. А. Строганову, в уральской вотчине Всеволожских насчитывалось уже 13232 души м. п., а всего крепостного населения 29044 человека, к 1842 г. количество душ м. п. выросло до 14874, а всего населения — до 32415 чел¹.

Формирование рабочего населения новых предприятий происходило не только за счет избытка мастеровых на более старых предприятиях, но и за счёт крестьянского населения вотчины. Именно наличие в ней в первое время её существования значительной категории населения, не занятого или мало занятого в заводском производстве, позволило не только спекулировать крепостными душами, как это делал первый владелец вотчины, но и использовать их как резерв рабочей силы при расширении промышленного комплекса имения.

Громадные ресурсы уральской вотчины, огромные пространства земель и лесных площадей, промышленные запасы многих полезных ископаемых, гидроэнергии и т. д., наконец, наличие большого количества крепостной рабочей силы, часть которой издавна была связана с заводами и промысловым делом, придава-

¹ Ф. А. Волегов, указ. соч., стр. 36—37; ГАПО, ф. 176, д. 41, л. 1—1 об; там же, д. 666, лл. 72—73—74, 136—136 об. Подсчёты автора.

ли уральской вотчине Всеволожских известную устойчивость, несмотря на далеко не лучший способ ведения хозяйства: эти условия позволили вести довольно широкое промышленное строительство даже в тот период, когда горнозаводчики, не располагавшие такими ресурсами, его вести уже не могли. Но, разумеется, в условиях назревавшего кризиса феодальных отношений в стране, в условиях безудержного выжимания доходов из хозяйства вотчины, т. е. из пота и крови её крепостного населения, даже эти громадные ресурсы не могли удержать её долго на высоте.

В 1849 г. все огромные владения Всеволожских, в том числе и уральские, были разделены между сыновьями В. А. Всеволожского: Александром и Никитой. Раздел производился по принципу дробления всех видов имений, дач и промышленных предприятий на 2 равные части. В результате этого А. В. Всеволожский оказался хозяином Пожевского, Елизавето-Пожевского, Марьинского и Всеволодовильевского заводов, четвёртой части (2,5 пая) Кизеловского рудника, половины отвода Губахинского рудника, южной половины золотоносной Заозерской дачи, половины огромной лесной дачи на р. Усьве и сёл Кизьвенского и Рождественского с деревнями. Его брату достались Александровский и Никитинский заводы, четвёртая часть Кизеловского рудника, половина Губахинского рудничного отвода, южная часть Заозерской и половина Усьвенской дач, сёла Зюкайское, Бубинское и Сивинское с деревнями¹.

В результате этого уравнительного раздела горнопромышленный комплекс вотчины оказался раздробленным, нарушены давно установившиеся связи между отдельными предприятиями комплекса, некоторые из этих предприятий (например, Кизеловский рудник, золотые промысла) сами оказались разорванными на две части.

Нужно отметить, что на протяжении всей первой половины XIX в., несмотря на продолжавшийся процесс роста, вотчина всё время находилась в сложном финансовом положении. Вместе с огромными богатствами братья Всеволожские получили и огромные долги. Только в 1843 г. один долг сохранной казне составлял 3500000 рублей серебром², кроме того было много частных долгов, которые трудно было даже учесть.

Разумеется, что в условиях упадка горнозаводской промышленности Урала и начавшегося в конце 50-х годов XIX века её острейшего кризиса, бывшего отражением кризиса всей феодальной системы России в целом, хозяевам вотчины, «прославившим имя Всеволожских своей безудержной расточительностью»³, не удалось поправить свои финансовые дела. Долги катастрофически росли, вотчины почти не выходили из опеки, имения неоднократно (в

---

¹ ГАПО, ф. 176, д. 1150, лл. 3—3 об.

² ГАПО, ф. 176, д. 1150, л. 20 об.

³ Краткая история Всеволожских и история их разорения, ГАПО, ф. 297, оп. 3, д. 314, Л. 2.

1852, 1859 и др. годах) брались в казённое управление, сдавались в аренду различным лицам и компаниям, не один раз находились под угрозой продажи с молотка.

Отмена крепостного права тяжело ударила по Всеволожским, хозяйство которых, в основном, базировалось на труде тысяч крепостных мастеровых и крестьян. Новые условия требовали новых методов хозяйствования, к которым Всеволожские не могли приспособиться, а также более крупных оборотных капиталов, которых у них не было.

Продолжалось дальнейшее дробление уральской вотчины. Александр и Никита, умершие в 60-х годах, оставили после себя многочисленных наследников, каждый из которых стремился урвать свою долю. В результате новых разделов горные заводы каждой части оказались в совместном владении старших наследников Александра и Никиты Всеволожских, младшие наследники получили во владения золотые промысла и земельные дачи, главным образом в западной части вотчины.

В 80—90 годах XIX в. подавляющая часть бывшей уральской вотчины Всеволожских, в том числе все горные заводы, переходит в другие руки. В 1873 г. наследники Н. Всеволожского сдают в долгосрочную аренду Уральскому горнозаводскому товариществу, главными акционерами которого были кн. К. Э. Белосельский-Белозерский и кн. П. П. Демидов, Александровский и Никитинский заводы, Кизеловский рудник, угленосные площади и леса по Усьве и Луньве. В 1883 г. все это было куплено П. П. Демидовым.

Через некоторое время расстаются со своими горными заводами и наследники Александра Всеволожского: Всеволодовильвенский завод вместе с лесной дачей оказывается в руках С. Т. Морозова, Пожевской завод вместе с округом в 1899 г. переходит к кн. К. С. Львову. Уходят от Всеволожских и золотоносные дачи. Так, например, Южно-Заозерская дача оказывается в руках Зауральского горнопромышленного общества, созданного в 1896 г. специально для эксплуатации её богатств.

В условиях спада и кризиса горнозаводской промышленности Урала и, тем более, в условиях пореформенного развития страны дворяне Всеволожские не хотели, да и не могли рентабельно вести горнозаводское хозяйство, не могли сохранить за собой свои некогда огромные владения.

С. М. Томсинский

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ВОЛНЕНИИ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ЮГОВСКИХ ЗАВОДОВ И. Г. ЧЕРНЫШЕВА В 1762 ГОДУ.

Известный уральский краевед Н. К. Чупин о положении приписных к Юговским заводам писал: «Юговские заводы, Верхний и Нижний, расположенные в полуверстном один от другого расстоянии на реке Юге... были во владении Чернышева. Приписанные к ним крестьяне жили вблизи от заводов и потому не тяготились особенно требуемыми от них работами, да к тому же успели достаточно привыкнуть к этим работам. Поэтому с их стороны не было случаев невыполнения и отказов от работы»¹.

В. И. Семевский, считая Чупина авторитетом по истории Урала, лишь мимоходом упоминает о волнении приписных к Юговским заводам Чернышева². По его словам, поводом к этому послужил слух о том, что Кунгурский воевода Кушников «сказал одному крестьянину, что у него есть указ, в котором велено приписных крестьян отрешить от заводов, но соглашался объявить его лишь в том случае, когда дадут ему 800 рублей»².

Точку зрения Н. К. Чупина на положение приписных к Юговским заводам повторил А. Берс³. В последующей исторической литературе мы не найдем новых данных по этому вопросу⁴.

Однако, документы, обнаруженные нами в Государственном архиве Пермской области и в Центральном государственном архиве древних актов, по-другому рисуют положение приписных на

---

¹ Н. Чупин. Член Екатеринбургской горной канцелярии М. И. Башмаков и действия его во время пугачевщины. Сборник статей, касающихся Пермской губернии, т. 1, Пермь, 1858, стр. 9.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, СПб, 1901, т. II, стр. 346.

³ А. Берс. Пугачевщина. Издательство Уралкнига. Екатеринбург, 1924, стр. 27.

⁴ Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII века. Издательство Академии наук СССР. М., 1956. В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Издательство Ленинградского университета, 1961.

Юговских заводах Чернышева, и дают возможность пересмотреть взгляды, высказанные по этому вопросу в исторической литературе.

Новые документы убедительно говорят о том, что приписные крестьяне не мирились с крепостническими порядками и так же, как и в других местах России, вступали в борьбу с крепостниками.

В Государственном архиве Пермской области (в дальнейшем ГАПО) о крупном волнении приписных крестьян на Юговских заводах И. Г. Чернышева в 1762 году нами обнаружены следующие документы: предписания «Пермского горного начальства» сотнику деревень Калпашниковы и Плущков Григорию Павлову от 10 октября 1762 года¹, 16 октября 1762 года², 23 октября 1762 года³.

В центральном государственном архиве древних актов (в дальнейшем ЦГАДА) по изучаемому вопросу выявлены следующие документы: донесение в «Пермское горное начальство» сотников Ивана Васенкова и Александра Занина от 6 сентября 1762 года⁴, донесение в «Государственную бергколлегию из Пермского горного начальства» от 12 ноября 1762 года⁵ и документы от 6/XI, рисующие общее положение на заводах Урала в 1762 году⁶.

Материалы Государственного архива Пермской области отличаются конкретностью и дают возможность восстановить картину борьбы крестьян, приписанных к Юговским заводам, в октябре 1762 года.

Важное значение имеют документы ЦГАДА. Они носят более обобщенный характер и весьма существенно дополняют документы Пермского облгосархива, в частности, о развитии событий в августе. В совокупности источники дают возможность проследить борьбу приписных крестьян с августа по октябрь 1762 года.

В августе 1762 года обстановка на Юговских заводах была уже достаточно напряженная. Об этом мы узнаём из донесения-жалобы в «Пермское горное начальство» сотников Васенкова, Ланского и Занина (села Троицкого, деревень Ямского Поля и Грязнухи), написанной вместе «с мирскими людьми». В этом документе говорится, что 7 августа 1762 года поверенный графа И. Г. Чернышева гитен-мейстер Степан Чернов приезжал «во многолюдстве» в село Троицкое «с командою и за каким случаем того он нам не объявил и с ним был же приказщик Прокопий Лихотин и с собою оне привозили огненного ружья довольное число»⁷.

Из жалобы видно, что в селе Троицком ещё до 7 августа произошли волнения среди приписных крестьян. На их стороне были

¹ ГАПО, ф. 653, оп. 1, д. 1, лл. 44—50, 53, 53 об., 54, 54 об.

² Там же, лл. 57—66.

³ Там же, лл. 67, 67 об.

⁴ ЦГАДА, ф. 271, кн. 2254, лл. 318—320.

⁵ Там же, лл. 311—317.

⁶ Там же, лл. 339—340.

⁷ Там же, л. 318.

сотник Васенков и «пищик» Ф. Яковлев. Вооружённый отряд нагрянул в село с карательными целями. Вот что произошло дальше.

В день прибытия в село Троицкое вооружённого отряда в нём не оказалось сотника И. Васенкова и «пищика» Ф. Яковлева, т. к. они были «в отлучность... по разным деревням за мирским делом»¹.

Тогда ярость и бесчинства отряда Чернова обрушились на родных и единомышленников Васенкова. Издевательствам подвергалась жена сотника Васенкова: «... у меня сотника по велению того приказщика Лихотина служителем их на пакость жену мою Настасью Федорову в толчки толкали, а прикащик Лихотин зубами скрежетал и бранил жену мою сотника Васенкова всяческою скверною матерное неподобною бранью и обзывал..., а наипаче страшал всякими различными страстями»².

Из документа выясняется, что отряд Чернова бесчинствовал не только в доме сотника Васенкова. Группа карателей, во главе которой Чернов и Лихотин поставили служителя Данило Чуркина, была направлена в деревню Сухая Речка. Здесь они ворвались в дом крестьянина Назара Бердникова, схватили его, «били бесчеловечно», толкали с крыльца, затем связали «назад руки» и увезли в деревню Колпашниковы. В этой деревне Бердникова держали под караулом три дня. Затем отпустили его «на поруки в дом свой».

Другая группа, возглавленная десятником Петром Копыловым, во время нахождения Бердникова под караулом, была послана «на поле по жену его Бердникова Матрёну Антоновну дочь»³. Далее рассказывается, что посланный «хотел беззаконный грех сотворить, которая не далася пришед мирским людям объявила»⁴.

Волнения приписных крестьян в селе Троицком и окрестных деревнях были типичным явлением того времени. Летом и осенью 1762 года на уральских заводах усилилась борьба приписных крестьян против гнёта, произвола заводоладельцев. Горнозаводские власти ответили на это карательными мерами. Они пытались усмирить неповинующих «через военные команды», пресечь беспорядки «строгостью» и «кнутём». Об этом с циничной откровенностью сказано в донесении от 25 июня 1762 года в бергколлегию «Канцелярии главного заводов правления». В нём говорится, что «Приписные к казённым и партикулярным разных персон к заводам крестьяне в упорстве состоят и со многих заводов насильно ушли... тако де по мнению оной канцелярии тех крестьян ничем иным как строгостью через военные команды усмирить и в совершенное послушание привести их никак невозможно и пущих от них возмутителей пересечь кнутём»⁵.

---

¹ ЦГАДА, ф. 271, кн. 2254, л. 318.

² Там же.

³ Там же, л. 318 об,

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 339.

В донесении от 17 августа канцелярия «повторяет вышеупомянутое от 25 июня»¹.

Обрушив на работных людей военную силу, творя бесчинства и насилия, администрация заводов Урала не добилась поставленных целей, не привела приписных крестьян к рабоподобности. Наоборот, репрессивные меры властей против «бунтовщиков», подобные тем, какие были применены в августе 1762 года в селе Троицком и деревне Сухая Речка, вызывали возмущение народных масс, обострение классовой борьбы.

Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Арестованного крестьянина Назара Бердникова после зверского избиения властью вскоре освободили «на поруки». Из этого факта следует вывод о солидарности крестьян, до которой они могли подняться только на определённой стадии развития борьбы с эксплуататорами. Приписные крестьяне и, возможно, работные люди Юговских заводов взяли на поруки Бердникова и добились его освобождения из-под ареста. Они же заступились за жену сотника Васенкова. Освобождение Бердникова следует рассматривать как уступку администрации Юговских заводов приписным крестьянам, с которыми она вынуждена была считаться. Факт взятия на поруки арестованного Бердникова определённо свидетельствует об общественной активности приписных крестьян ряда деревень.

В «доношении Пермского горного начальства в государственную бергколлегию» от 10 октября 1762 года о нарастании борьбы крестьян села Троицкого и прилегающих деревень мы находим интересные сведения. Они дают возможность воссоздать развитие событий после бесчинства отряда Чернова 7 августа 1762 года. Этот документ интересует нас и с другой стороны. В нём сообщается, что по указанию Пермского горного правления 25 августа были арестованы гитен-мейстер Степан Чернов, приказчик Лихотин и сержант Сава Петров за избиение батогами «огурщиков-возмутителей» села Троицкого, сотника Ивана Васенкова и писаря Фёдора Яковлева.

Весьма показательна мотивировка ареста представителей Юговской конторы: избиением Васенкова и Яковлева они де способствовали обострению положения, «приписным крестьянам, к тому возмущению произошла явная поноровка». Таким образом, арестом представителей заводской власти Пермское горное правление пыталось разрядить создавшуюся накалённую обстановку.

По документу трудно полностью проследить весь ход борьбы; по-видимому, многие вопросы в нём по каким-то соображениям опущены. Однако, напряжение борьбы и нарастание её к 25 августа 1762 года довольно отчётливо выступают.

Оказывается, в ночь на 25 августа директор Юговских заводов коллежский асессор Санников захватил «к себе насильно села Троицкого сотника Ивана Васенкова и мирского пищика Федора

¹ ЦГАДА, ф. 271, кн. 2254, л. 339.

Яковлева, стегал плетьюми смертными побоями бесчеловечно... от которых побои и стеганья плетьюми оные Васенков и Яковлев на-ходятся в тяжёлой болезни а особенно пищик Яковлев едва уже и жив ли де и держится в цепях»¹.

Нет сомнения, что у руководителей Пермского горного правления и уполномоченных владельца Юговских заводов графа Чернышева было одинаковое отношение к приписным. Все они считали естественным беспрекословное их повиновение администрации заводов и незаконным малейшее неповиновение.

Однако, широкий размах выступления приписных вызвал разногласия в действиях властей. Пермское горное правление, как это видно из документа, решило пойти на некоторую уступку. Оно даже вынесло решение после августовских событий: «... служителям накрепко подтвердить дабы они будучи в селах и деревнях приписным ко оным заводам крестьянам никаких обид не чинили под опасением за непорядочные поступки неукоснительного в силу указов штрафа»².

Больше того, Пермское горное начальство вынуждено было поучать своих зарвавшихся служителей: надо было «прислать команды», допросить и потом поступать с ними «по законам без упущения...», «а не в домах своих ночью смертельно бить или наказывать»³.

Из документа видно, что по жалобе Васенкова велось следствие, допрашивались виновные и пострадавшие, но наказания виновные не понесли.

В источнике содержится весьма характерное признание по поводу избиения Васенкова и Яковлева: «... представить в государственную бергколлегию дабы оным поверенным так дерзостно чинить было неповадно, ибо из таких обращений не иное что произойти может как только одно»⁴. Представители горнозаводской власти не договорили, что может произойти. Но мы можем безошибочно продолжить их мысль: могло произойти дальнейшее обострение борьбы приписных крестьян с заводчиками, столь опасное в годы повсеместного выступления приписных и работных людей заводов Урала.

По-другому действовали управители Юговских заводов, ставленники графа Чернышева. Избиениями и грубым произволом они пытались утратить приписных и заставить их приступить к работе.

На протяжении многих лет подобные приёмы с успехом применяли заводчики Урала. Однако, в 1762 году, когда повсеместно на Урале приписные крестьяне и работные люди поднимались на борьбу против крепостнической эксплуатации на заводах, произвол не дал результата, но привёл к обострению положения.

¹ ЦГАДА, ф. 271, кн. 2254, л. 312.

² Там же.

³ Там же, л. 316 об.

⁴ Там же, л. 317.

13 сентября «Пермское горное начальство» доносило в бергколлегию: «Приписные... к заводам Соликамского и Чердынского уездов крестьяне от заводских работ отказались и посылаемых из горного начальства указов не только не слушают, но и не принимают»¹.

Выступление приписных Юговских заводов, следовательно, надо рассматривать как затяжную борьбу против крепостничества. Это подтверждается сообщением заводской конторы Юговских заводов 10 октября 1762 года в Пермское горное правление. Волнения приписных крестьян приняли широкий размах. Поднявшиеся на борьбу крестьяне из села Кыласова и деревень «на заводские работы не явились»². В этот раз к приписным крестьянам были посланы из Юговской конторы только «нарочные». Но приписные их не послушали, категорически отказались выйти на заводские работы, «а тех нарочно посланных объехав на лошадях а иныя пешком з дубьём и кольями били смертельно»³.

В документе называются вожаки волнения «Филипп Калашников с товарищи». Они, по сообщению заводской контооы, всем разглашали, что имеется указ, согласно которому крестьяне не должны выполнять работы на Юговских заводах Чернышева. Приписные крестьяне и других сёл отказывались выходить на работу, «является малое число». Сотские же, выбранные крестьянами, «высылки не чинят». От посланных по деревням служителей и рассыльщиков приписные все до единого скрываются и «сыскать их не могут».

В селе Кыласове собралось около семисот крестьян, «поставили около того села по всем проезжающим дорогам в караулы, которые едущим из других сёл на юговские заводы крестьян в работы никого не пропускают и гонят обратно в свои дома»⁴.

В документе далее перечисляются деревни и сёла, крестьяне которых присоединились к кыласовцам, и также отказались выполнять заводские работы. Не вышли на работу крестьяне сёл Троицкого, Тихоновского, Спасского, Златоустовского, Преображенского; из деревень — Калпашниковы, Плужков, Ямское поле и других и «поныне в работы не были»⁵. Крестьяне деревень Пальгорцы и Ергач выделили своих вожakov в лице «Степана Тряпицына и Ивана Черепакшина с товарищи».

Обеспокоенные выступлением крестьян власти Юговских заводов просят принять срочные меры: «огурщиков и возмутителей» указанных сёл и деревень «забрать в Пермское горное начальство... и учинить с ним по указам», а сотников заставить собрать крестьян и привести на Юговские заводы «до одного человека без нетов»⁶. Администрация заводов просит также запретить крестья-

¹ ЦГАДА, ф. 271, кн. 2254, л. 339 об.

² Там же.

³ ГАПО, ф. 653, оп. 1, д. 1, л. 49.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 50.

⁶ Там же, л. 53.

нам села Кыласова «дорогу запирать и других сёл едущих крестьян в кучные работы не пропускать, а также другие озорничества чинить»¹. Подчёркивается необходимость провести эти меры, до заморозков, чтобы «заводам не последовало остановки».

Пермское горное правление «определило» всех крестьян Кунгурского уезда, приписанных к Юговским заводам графа Чернышева, выслать на заводские работы «неукоснительно». Для исполнения этого решения был послан «к сотникам нарочный солдат». Если же крестьяне станут «паки противиться», в таком случае сотникам и десятникам предлагалось вместе с присланным солдатом при участии представителей заводской администрации принудить выйти на заводские работы. На этот раз горнозаводская администрация действует в согласии с руководителями Юговских заводов — неповинуящимся угрожает жесточайшим наказанием. Особенно предписывается принять суровые меры к кыласовцам, которые остались «в своем противном упорстве и непослушании»². О них сказано — «Всех же забрав обще с теми сотники и десятники и заклепав в колодки... привести в город Кунгур»³. Выставленные же кыласовскими крестьянами заставы: «снять или паче с тех дорог согнать». «Впредь им таких застав озорничеств и противных указом дел отнюдь не чинить наистрожайше запретить под наижесточайшем же наказанием без всякого милосердия».

В рассматриваемых нами документах затрагиваются весьма острые вопросы затяжной борьбы приписных крестьян к Юговским заводам. Обращает на себя внимание размах движения, в которое было втянуто множество сел и деревень Кунгурского уезда. Довольно четко определяется центр движения — село Кыласово, расположенное около Кунгура⁴. Участники выступления прибегают к новой форме борьбы: они установили заставы и не допускали на работу крестьян соседних деревень. Это обстоятельство достойно самого внимательного изучения. Оно характеризует использование приписными таких острых форм борьбы, которые могли возникнуть в результате более или менее длительного сопротивления заводской эксплуатации. Только опыт борьбы мог подсказать необходимость выступления не отдельной деревней, а всей округой, приписанной к Юговским заводам Чернышева. Мы такую тенденцию рассматриваем как известное стремление преодолеть локальность движения.

В разных концах Кунгурского уезда среди крестьян выдвинулись вожаки, что также характеризует новое явление в борьбе приписных крестьян.

---

¹ ГАПО, ф, 653, оп. 1, д. 1, л. 53.

² Там же, л. 53 об.

³ Там же, л. 54.

⁴ В настоящее время село Кыласово входит в Кунгурский район, Пермской области.

В дальнейшем, как это видно из донесения Юговской конторы от 16 октября 1762 года в Пермское горное правление, накал борьбы не ослабевал. Администрация заводов сообщала, что крестьяне села Кыласово и деревень Пальгорцы и Ергача по-прежнему «в работу не идут». Крестьянин деревни Пальгорцы Василий Сухорослов сказал («скаскою показал»), что крестьянин этой же деревни Филипп Калашников получил от Кунгурского воеводы Александра Кушникова копию с указа, согласно которому «им в работе при заводах не быть»¹. Крестьяне, скопясь человек до ста, кричали на гитен-мейстера Степана Чернова, приказчика Прокопия Лихотина и сотника села Спасского, «что де мы на заводы работать ни один человек не пойдем да и работать у графа на заводах полно а ежели де будут сотников десятников или кого из них нуждать то они будут противиться и при том выговаривали дайте нам ныне собственного ея и. в. рукою указ то и работать поголовно пойдут»².

Не выходят на заводские работы, по данным Чернова и Лихотина, «определённые от Юговской конторы в те села, крестьяне сёл Тихановское, Троицкое и Калпашниковы». Они также требуют указа царицы, «а Пермского горного начальства и канцелярским указам не верят»³. Крестьяне избили служителя Чуркина «бесчеловечно и из села выгнали». При этом они сказали, чтобы больше к ним не являлись представители администрации для отправки на заводские работы. Если же приедут «хотя де и главные поверенные Чернов или Лихотин то убьют же до смерти»⁴.

Вожаки приписных пресекали попытки малоустойчивых, боявшихся угроз горнозаводских властей. Так, крестьяне села Спасского собрались на заводские работы, однако односельчане «Иван Медведев с товарищи ехать в работы им запретили»⁵, ссылаясь на документ, объявленный им Кунгурским воеводой Кушниковым.

Отказ от выхода на работу сочетается с бегством приписных крестьян. Сотник Иван Елисеев 8 октября сообщил о бегстве крестьян Комаровских деревень «по неведомому какому возмущению из куреней с шести десяти одной кучи бежали в дома». О бегстве крестьян Вознесенского острожка «со ста сорока одной кучи» в свои дома, сообщил надзиратель Иван Петухов.

Нарядный сотник Тимофей Обакин 11 октября донёс об отказе крестьян села Тихоновского выполнять «кучные» работы, при этом «показывает себя большим возмутителем» священник того же села Фёдор Колесников.

Всё это произошло, как указывается в документе, вопреки объявлению мирским людям во всех селах по указанию Фёдора

---

¹ ГАПО, ф. 653, оп. 1, д. 1, л. 57,

² Там же, л. 57 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Санникова «о неимении упомянутого указу» и «письменным увещаниям»¹.

Приводя эти факты, Юговская контора просила: во-первых, разъяснить крестьянам всех сёл и деревень «о небытии их при юговских заводах в работах никаких указов нет»²; во-вторых, для высылки крестьян на заводские работы дать «Яковлеву с товарищи в понятия достойное число солдат»; в третьих, крестьян Тихоновского села «принудить к кучным работам, а мирского сотника Козьму Плотникова сыскать»; в-четвёртых, зачинщиков непослушания выявить, «исследовать и учинить с ними по указам, також на священника куда надлежит представить».

Затем заводская контора приводит справку, согласно которой 28 июля 1758 года Юговские заводы по указу Елизаветы Петровны и сената отданы графу И. Г. Чернышеву. Поэтому де приписные к Юговским заводам крестьяне должны «зарабатывать при оных заводах по окладу положенные на них подушные и чetyрегривенные и раскольнические деньги»³.

Однако Пермское горное правление, напуганное разросшимся выступлением приписных, вынуждено было дать такое указание о комплектовании Чернышевым рабочей силы Юговских заводов: «...по неже при заводах через весь год работа продолжается непрерывно того ради ему графу Чернышеву должно старатца оные работы производить наймом или подрядком а ежели когда наёмщиков и подрядчиков не сыщет или будут за работу просить дорогою ценою в таком случае в работу ему графу Чернышеву употреблять приписных к тем заводам крестьян хотя бы они подушные и чetyрегривенные и раскольнические деньги зарабатывали, однакож за такие излишние сверх подлежащих положенных на них податей работы платить ему графу Чернышеву за работные дни по плакату»⁴. При этом рекомендовалось употреблять приписных «в одни только те заводские работы кроме всяких домашних и деревенских работ, ибо они крестьяне государственные»⁵. «Да и в заводские работы употреблять их крестьян во всем на таком основании как указы 1724 году мая 29 числа поведено, а по зарабатывании оных с платежом по указу того ж 1724 году генваря 13 дня»⁶.

Рекомендации Пермского горного правления И. Г. Чернышеву представляют большой интерес. Эти уступки приписные крестьяне вырвали у горнозаводской власти своей упорной и длительной борьбой. Но тот факт, что волнения и после этого не прекратились, даёт основание для вывода о наличии более значительных требований приписных к заводам, что говорит о новых качественных явлениях, отражающих положение в уральской промышленности

¹ ГАПО, ф. 653, оп. 1, д. 1, л. 58 об.

² Там же.

³ Там же, л. 58 об.

⁴ Там же, л. 59.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 61.

середины XVIII в. По-видимому, требования приписных крестьян в данном случае были близки к требованиям работных людей¹.

Поверенный гитен-мейстер Степан Чернов и приказчик Лихотин донесли 15 октября: посланный «от Пермского горного начальства» 13 октября солдат Семён Деев с капралом Афанасием Трофимовым и драгуном Зиновьем Филипповым для высылки на работу крестьян, снятия заставы и для ареста «возмутителей» со своей задачей не справились. На работу крестьяне не пошли, заставы с дороги не сняли, а «возмутителей Калашникова с товарищи к следствию не отдали»².

Крестьяне решили всем селом придти в Кунгур, «обещались к тому следствию явиться всем селом в Пермское горное начальство сего октября в 17 число сами и в том дали подписку..., а Калашников с товарищи одних к суду не дают и стоять за них будут всем миром... и взять из такого многого собрания будет невозможно»³.

Из этого можно заключить, что в борьбе приписных против тяжёлой работы на Юговских заводах выдвинулись руководители, пользовавшиеся авторитетом. Для такого вывода имеются, по крайней мере, два факта, не вызывающих сомнения: стремление администрации арестовать Калашникова и его соратников, чтобы обезглавить движение, решительный отказ крестьян выдать их суду.

Подобная решимость, по нашему мнению, могла быть проявлена крестьянами в результате некоторой предварительной работы. По-видимому, её проводили среди крестьян Калашников и его соратники, оказавшиеся объективно дальновиднее представителей Пермского горного правления. Крестьяне, выдав подписку о явке на следствие всем селом, поставили горное начальство в затруднительное положение.

Таким образом, к середине октября 1762 года движение поднялось на более высокую ступень. Пермское горное правление было бессильно справиться с волнением крестьян. Посмотрим, какие ещё шаги оно предприняло после 15 октября 1762 года. На этот вопрос в документе имеется ответ. Юговская контора просила, чтобы Пермское горное начальство послало в село Кыласово «офицера или кого другого достойного с пристойным числом команды»⁴. Однако, этим обычным приёмом, к которому хотели прибегнуть руководители заводов ещё в июне 1762 года, теперь власти ограничиться не могут, по-видимому, не рассчитывая на действенность его.

В документе вслед за указанной рекомендацией приводится ряд ссылок на тогдашние узаконения, предусматривающие нака-

---

¹ Сравн. В. В. Мавроди. Крестьянская война в России в 1773—75 годах. Издательство Ленинградского университета, 1961, стр. 429.

² ГАПО, ф. 653, оп. 1, д. 1, л. 62 об.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 63.

зания за неповиновение властям. Но трактовка им в документе даётся своеобразная. Так, дана ссылка на 20 статью 10 главы Нового Уложения о подаче жалобы государю. Здесь разъясняется, что «бить челом» надо в «приказах» боярам, окольными и думным всяким приказным людям. Но если в «приказе» челобитчику «суда не дадут», он может «бита челом государю». Если челобитчик минует приказ и обратится прямо к государю, «за то чинить наказание бить батоги, а кто почестнее и того посадить в тюрьму на неделю».

Затем дана ссылка на 50-ю, 5 и 17 главы Генерального регламента, а также на 5, 51 и 52 «артикулы» этого же регламента. В последнем говорится о порядке выполнения солдатами работ.

В документе утверждается, согласно 52-му «артикулу», солдат не имеет права бросить работу «не окончив её», даже если он работает «сверх своей очереди иногда з досады от своего офицера»¹. По выполнении работы он может на офицера подать жалобу, «о неправом командировании жалобу принести»².

Затем приводится ссылка на 133 статью, запрещающую «подозрительные сходбища и собрания воинских людей... чтобы общию челобитную писать». Бить челом разрешается «каждому о себе... а не обще».

Дана ссылка на 135 статью, запрещающую «словом или делом способствовать к бунту или возмущению». При этом говорится о наказании за преступление, предусмотренное указанной статьёй. «Онный по розыску дела живота лишится или на челе наказан будет».

Затем дана ссылка на указ Сената от 1762 года, по которому запрещается подавать челобитные на имя императрицы. Только в том случае, «ест ли кто по справедливости недоволен будет решением вышних учреждённых мест или главных команд таковым ея и. в. самим о самой истине прошение подавать позволяет ея и в.»³.

При ближайшем рассмотрении приведенные отступления, содержащиеся в документе, имеют прямое отношение к вопросу о неповиновении приписных к Юговским заводам Чернышева. Ссылки сделаны на такие узаконения, которые учитывают наказания за выступления, очень близкие к тем, с которыми встретила Юговская заводская контора, Пермское горное правление и бергколлегия. Подобные отступления с точки зрения тогдашних властей имели смысл; устрашением делалась попытка вынудить приписных крестьян выйти на работу. С другой стороны, апелляция к законодательству, принятому более ста лет тому назад (Уложение 1649 года), и законодательству, действовавшему в армии при Петре 1, свидетельствует об отсутствии в ту пору правовых норм для

---

¹ ГАПО, ф. 653, оп. 1, д. 1, л. 64.

² Там же, л. 64 об.

³ Там же, л. 65.

⁴ Там же, л. 63.

взаимоотношений между заводовладельцами и работными людьми. В этом — своеобразное отражение того уродливого состояния, в котором оказалась развивавшаяся промышленность при господстве крепостников.

После указанных отступлений в документе рассказывается о мерах, принятых Пермским горным управлением, чтобы заставить приписанных крестьян возобновить работу. «Определено» всех приписанных крестьян «сыскать», «не приемля от них никаких отговорок... и отдать управителям и поверенным с расписками».

Активных участников движения, особенно тех, которые не давали другим выходить на работу и били представителей администрации «забрав допросить и то следствие производить на основании законов»¹.

Заставу, поставленную крестьянами села Кыласова, «согнать, не давая такому противному законам и государственному делу распространяться на многое время»². Если ликвидации заставы кто будет сопротивляться, тех «ловя и заклепав в колодки присылать в начальство за крепким караулом». Если крестьяне «чрез много их собрание допускать не станут и представят себя к драке вяще ж кого к убийству склонными», то им «накрепко запретить», растолоковав им «вышеприписанные государственные права и указы». Если волнение будет продолжаться, зачинщиков приписные не выдадут и будут стремиться всем селом явиться в Кунгур, то «паки» истолковать им военный «артикул», по которому «многолюдством приходить запрещено ж под жесточайшем наказанием». Можно де послать «человек двух или трёх... за рукоприложением тех кто имеет обиду писмом».

Для исполнения этого решения был послан управитель Пётр Веселков. Ему было предписано по ликвидации волнения в селе Кыласово ехать «и в протчие приписные к тем юговским заводам села и деревни где от крестьян равные тому непослушанию упорства и огурничества происходят», объявить крестьянам, что нет никакого указа об освобождении их от заводской работы, чтобы они «от безрезонного своего упорства отстали». В селе Кыласове взять у крестьян документ о праве их не выходить на заводскую работу, «а в случае неотдачи истребовать копию»³.

Перечисленные мероприятия и на этот раз не были осуществлены.

По предписанию Пермского горного начальства сотнику деревень Калпашниковы и Лушков Григорию Павлову от 20 октября 1762 года мы узнаем о продолжавшейся борьбе приписных крестьян. События приняли такой оборот.

В ответ на донесение поверенного гитен-мейстера Степана Чернова и приказчика Прокопия Лихотина 23 октября 1762 года была отправлена в Калпашниковы «для увещания крестьян» комиссия.

¹ ГАПО, ф. 653, оп. 1, д. 1, л. 66.

² Там же, л. 66 об.

³ Там же.

В неё входили секретарь управитель Петр Веселков, прапорщик Пётр Олехов «з данными ему служителями» — Яковым Засыпкиным, Спиридоном Власовым, Евдокимом Морозовым, Фёдором Солюдовым и Сергеем Шепиловым.

Когда «комиссия» подъехала к Калпашиниковым, в деревне ударили в колокол. И через четверть часа «собралось крестьян до семи сот человек с ружьями, луками, копьями и дубьём»¹. Выясняется весьма существенная деталь. Из Кунгура «в помощь к управителю Веселкову с указом здешнего начальства его сиятельства были направлены служители: «капрал Афанасий Трофимов, Никифор Орлов, Яков Ковалёв, Иван Трубников, Фёдор Майков, Фёдор Дружинин, Аврам Вершинин, Сергей Шангин, Прокопий и Яков Несмеянов».

Документ свидетельствует. Крестьяне «неведомо с какого случая напад на них прибили дубьём бесчеловечно, которые и ныне находятся едва живы»².

Направившись после указанных событий в Кунгур, экспедиция остановилась на ночёвку в деревне Тёплая, где крестьяне напали на караул «ис коих крестьян Михайло Сидоров его Орлова набежав на лошади и ткнул его копьём два раза и зипун проколол в двух местах и тела не вредил и от которого он едва на лошади усакал»³.

Необычна была реакция местных властей на события 23 октября 1762 года. Было предложено: «Деньги, одежду и прочее от крестьян взять и тем служителям возратить и за битьё служителей с теми крестьянами учинить в силу указов»⁴.

В приведённой рекомендации проскальзывает стремление горнозаводчиков не обострять отношений с волновавшимися приписными крестьянами, которые держались стойко. В обнаруженных нами документах не содержится сведений об исходе волнения приписных крестьян к Юговским заводам. Но дошедшие до нас источники дают основание по-новому расценить и осмыслить истинное положение приписных крестьян на этих заводах и их борьбу против крепостников-заводовладельцев.

Борьба приписных к Юговским заводам Чернышева позволяет сделать вывод о том, что к крестьянским волнениям даже в пределах одного десятилетия не следует подходить огульно, ибо каждое выступление крестьян против эксплуататоров при известных общих чертах имело свои особые черты, достойные самого тщательного изучения. Огульное же освещение крестьянских выступлений в пределах десятилетий и тем более столетий мешает изучить классовую борьбу в России в XVII—XVIII веках, имеющую большое значение для понимания сдвигов, происшедших в стране в указанное время.

¹ ГАПО, ф. 653, оп. I, д. I, л. 67.

² Там же.

³ Там же, л. 67 об.

⁴ Там же.

Л. А. Трефилова

ИЗ ИСТОРИИ ДОРЕФОРМЕННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ПОСЕССИОННЫХ ЗАВОДОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Несмотря на наличие обширной литературы, посвященной изучению земельного вопроса на Урале, история землевладения посессионных заводов продолжает оставаться еще недостаточно изученной.

Например, обзор законодательных актов о наделении землей и сведения о земельных владениях посессионных заводов Урала содержатся в статье Н. Михайлова «Историческое и современное значение посессионного права владения горнозаводскими именьями» и в книге В. Удинцева «Посессионное право»¹. Данные о землевладении казенных и частных заводов Пермской губернии приводятся и в работе Х. Мозеля «Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния»². Однако сведения о земельных владениях в указанных работах относятся не ко всем посессионным округам, в них отсутствуют данные по кыштымским заводам.

В советской исторической литературе нет работ, посвященных специально данной теме. Попутно касаются этого вопроса Б. Б. Кафенгауз, Ф. С. Горовой, А. А. Савич, приводя данные о земельных владениях лишь отдельных дач и заводов³.

Следует отметить и то, что в источниках и исторической литературе даются крайне противоречивые сведения о размерах земельных владений заводских имений за один и тот же период.

Следствием недостаточной изученности данного вопроса является утверждение Р. С. Лившица, что «каждому вновь возникше-

---

¹ Н. Михайлов. Историческое и современное значение посессионного права владения горнозаводскими именьями. «Горный журнал», 1862, № 11, стр. 328—379; В. Удинцев. Посессионное право. Киев, 1896.

² Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. СПб, 1864, ч. 2, стр. 203—331.

³ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX веках. М-Л, 1949; Ф. С. Горовой. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; А. А. Савич. Прошлое Урала. Пермь, 1925.

му на Урале заводу в XVIII веке нарезывалось по 30 верст земли во все стороны, что равнялось площади более миллиона десятин»¹, По этому принципу земельный отвод был сделан лишь один раз, в 1702 году при передаче казенного Невьянского завода Н. А. Демидову.

Цель данной работы состоит в том, чтобы кратко осветить некоторые вопросы образования крупной земельной собственности на посессионных заводах Пермской губернии в дореформенный период.

Автором использованы документы Центрального государственного архива древних актов (фонд Демидовых) и Государственного архива Пермской области (фонд мировых посредников). Ученая литература, в которой имеются отдельные сведения, относящиеся к землевладению посессионных заводов на Урале в дореволюционное время.

Из 154 горных заводов, действовавших на Урале накануне отмены крепостного права, 63 завода Пермской губернии принадлежали посессионерам². Земельные владения посессионных заводов в 1856 году занимали площадь в 4,1 млн. десятин, что составляло 40% земельных владений заводчиков Урала³. Посессионные заводы Пермской губернии являлись типичными предприятиями «оригинального строя уральской промышленности», сочетавшими металлургическое производство с крупным феодальным землевладением.

К разряду посессионных относятся те промышленные предприятия, владельцам которых давалось пособие (посессия) от казны в землях, рудниках, лесах или людях, или поступившие лицам, не принадлежавшим к дворянскому сословию, но владевшим промышленными предприятиями и при них крепостными людьми на посессионных правах.

Возникновение посессионного права владения на Урале относится к 1702 году. Указом Петра I Невьянский завод, выстроенный на казенные средства, был отдан во владение тульскому оружейному мастеру Н. А. Демидову на выгодных для последнего условиях, ввиду того, что завод приносил казне убытки.

К Невьянскому заводу, отданному «в вечное и потомственное владение» Н. А. Демидову, были приграничены земли и леса на расстоянии 30 верст вокруг завода, что составило пространство в 1.178.541 дес.⁴ и приписаны Аятская и Краснопольская слободы и село Покровское (1189 душ)⁵. Земли и крепостных людей Демидов получил бесплатно, он лишь со времени приписки людей к заводу обязывался вносить подати за них в казну «железом по до-

---

¹ Р. С. Лившиц, Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955, стр. 124.

² Ф. С. Горовой. Указ. соч., стр. 28.

³ ЦГАДА, ф. 1276, оп. 8, д. 1708, лл. 1—16. А. А. Савич. Указ, соч., стр. 97.

⁴ Х. Мозель. Указ, соч., стр. 218.

⁵ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 123.

говорной цене или деньгами»¹. Получив такой царский дар, Демидов в свою очередь обязался поставлять армии вооружение, изготавливавшееся на заводе (пушки, мортиры, бомбы, гранаты), по более низким ценам, чем обходилось их изготовление на казенных заводах².

Заводская деятельность Н. А. Демидова была столь успешной, что Невьянский завод уже в 20-х годах XVIII в. стал одним из самых мощных металлургических заводов России с годовой производительностью в 179,2 тыс. пуд. чугуна. Это в 2—3 раза превышало годовую производительность казенных Каменского и Алапаевского заводов³.

В 1709 г. Демидов получил разрешение строить медные и железные заводы. Всего династией Демидовых на территории Пермской губернии построено 28 заводов в XVIII в. и 2 завода в XIX в., состоявших в посессионном владении⁴,

XVIII век — период интенсивного заводского строительства на Урале. Крайне благоприятные природные условия и система привилегий со стороны правительства способствовали широкому привлечению к строительству заводов частного, в основном, купеческого капитала.

Царская казна оказывала всяческую помощь частным владельцам заводов: предоставляла заводам земельные и лесные площади из государственного фонда, приписывала государственных крестьян и посылала во многих случаях казенных мастеровых.

Это привилегированное положение частной горнозаводской промышленности «положило основание тому особому виду частного владения, из которого возникло и развилось посессионное право с его условиями и обязанностями»⁵.

В XVIII веке и первой половине XIX в. было построено 58 посессионных заводов, из них в XVIII в. — 46 и в первой половине XIX в. — 12 заводов. Значительная часть заводов (до 40%) была построена на казенных землях, 17 — на землях, купленных заводчиками у местного населения, 10 — на землях, арендованных владельцами заводов у местного населения, и 8 заводов — на смежных казенных землях и землях, арендованных у местного населения⁶.

Рассмотрим, как проходило наделение земель посессионных заводов, основанных на казенных землях.

Первым законодательным актом, установившим норму земельного отвода к частным заводам, явился закон 1719 г., получивший

---

¹ В. Геннин. Описание уральских и сибирских заводов (1735 г.). М., 1937, стр. 613.

² Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 92, 93.

³ Р. С. Лившиц. Указ. соч., стр. 58.

⁴ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1708, лл. 1—16.

⁵ Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 331.

⁶ Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX в. Сборник документов. Свердловск, 1956. Х. Мозель. Указ. соч., стр. 208—331. Подсчет произведен нами.

название берг-привилегии¹. Берг-привилегия предоставляла «всем и каждому... какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы». При наличии руды хорошего качества, Берг-коллегией выдавалась жалованная грамота или привилегия на заявленное рудоискателем место и предоставлялось «где руда обретена будет 250 сажен долготы, 250 сажен ширины... всякую руду и минералии, что обрящет под землею копать, и к тому потребное строение построить волен».

Первые заводы, выстроенные Акинфием Демидовым в 1716—1744 гг. (Шуралинский, Верхне-Тагильский, Быньговский, Выйский, Нижнетагильский, Лайские, Шайтанский, Черноисточинский, Уткинский, Висимошайтанский), не получили земельного отвода, так как находились в общей даче с Невьянским заводом, земельный отвод к которому намного превышал указную норму.

Установленная берг-привилегией норма земельного отвода в 250 кв. саж. была крайне недостаточной для строительства заводских зданий, вспомогательных помещений и жилых домов. К тому же в берг-привилегии ничего не говорилось об обеспечении заводов лесными материалами, одним из важнейших источников успешного действия металлургических предприятий, работавших на древесном топливе. В 1739 году был издан новый законодательный акт (берг-регламент), относящийся к отводу земель к заводам. Согласно ему в дополнение к прежней норме земельного отвода к горным заводам в 250 кв. саж., разрешался дополнительный отвод «сколько к которому заводу потребно признано будет»². Местной горной администрации уральских заводов — Канцелярии главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов, пермскому и гороблагодатскому горным начальствам — предоставлялось право рассматривать прошения владельцев заводов об отводе к заводам земель и лесов.

Применение в жизни берг-регламента способствовало образованию во второй половине XVIII века крупнейших горнозаводских имений в Пермской губернии за счет отчуждения к заводам лесных массивов сверх указной нормы.

По указам Берг-коллегии, Канцелярии главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов, пермского и гороблагодатского горных начальств в течение 1751—1781 годов к заводам: Режевскому, Шайтанскому, Ирбитскому, Салдинским, Верх-Исетскому, Полевскому, Северскому, Сылвенскому, Сысертскому и Нейвоалапаевскому и другим было отчуждено более 1.640 тыс. дес. леса³. По определению Сената от 13 марта 1744 г. размер лесной площади, отводимой заводам, определялся из рас-

---

¹ ПСЗ, т. V, № 3464, стр. 760—762. Далее цитируется без сносок.

² ПСЗ, т. X, № 7766, стр. 734—739.

³ Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 368—373. Подсчет произведен нами.

чета на пользование ею в течение 60 или 80 лет без производства повторных вырубок¹.

Уральские горнозаводчики, владевшие несколькими заводами, сосредоточили в своих руках значительные земельные территории. Самым обширным горнозаводским имением в первой половине XVIII века было владение уральского заводчика Акинфия Демидова. Он имел 16 железоделательных и медеплавильных посессионных заводов в Пермской губернии.

После его смерти владения были разделены между тремя сыновьями. В генеральном расписании имущества А. Н. Демидова, составленном в 1758 г., не указаны размеры земельных владений заводчика, их величину мы можем вычислить только примерно. Учитывая, что поступившая во владение Н. А. Демидова Невьянская дача составляла площадь 1.178.541 дес., а в 1732 г. к 7 заводам владельца было отчуждено 26 тыс. дес. лесов и в 1741 году А. Н. Демидов купил у местного населения земли без точного обмера, составлявшей по позднейшим данным 450 тыс. дес., то общая площадь земельных владений этого магната будет равняться 1.280 тыс. десятин².

В записке полковника Арсеньева о Нижнетагильских заводах, составленной в 1843 г., приводятся данные о земельных владениях, поступивших по разделу 1758 г. к Никите Демидову³. Земельные владения Нижнетагильской части имения (Нижнетагильский, Выйский, Черноисточинский, Лайские, Висимошайтанский заводы) исчислялись в 469.922 дес., что примерно составляет треть часть вычисленных нами земельных владений А. Н. Демидова.

Рассмотрим, какие изменения произошли в земельных владениях Демидовых в последующие годы.

И. А. Демидов в 1763—1782 гг. по указам Берг-коллегии и горблагодатского начальства получил лесные отводы площадью в 149.569 дес. к построенным им Висимоуткинскому и Салдинским заводам, а в 1782 г. купил у Строгановых Галашинскую дачу, площадью в 16.837 дес. Таким образом, к 80-м годам XVIII в. окончательно оформились земельные владения заводов Н. А. Демидова, которые составляли 636.328 десятин, из них 1911 десятин находились под 9 заводами, 22 рудниками и деревнями, что составляло 0,3% общей земельной площади имения, 550.751 дес. под лесами (86,6%), под пахотными и покосными участками—37.786 дес. (5,9%), под озерами, реками и болотами—45.880 дес. (7,2%)⁴.

Нет точных данных о величине земельных владений Невьянской части имения (Невьянский, Быньговский, Шуралинский, Верхнетагильский, Шайтанский заводы), перешедшей к Проко-

¹ Записка Д. А. Огородзинского в «Трудах Комиссии по пересмотру горного устава», СПб., т. XIII, ч. 4, стр. 16.

² Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 368—373. Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 203

³ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 984, л. 170 и об.

⁴ Там же.

фию Демидову. Площадь земельных владений указанных заводов за более поздний период равнялась 364358 дес.¹.

В 1768 году П. А. Демидов продал доставшиеся ему заводы и выстроенный им в 1767 г. Верхневинский завод Савве Яковлеву². В течение 20 лет он стал богатейшим уральским заводчиком, в Пермской губернии ему принадлежало 17 посессионных заводов.

По более поздним данным можно установить примерную величину земельных и лесных владений заводов, купленных С. Я. Яковлевым. Земельные владения Невьянских заводов исчислялись в 364,4 тыс. дес, Верхисетского — в 123,7 тыс. дес, Уткинского — в 56,1 тыс. дес, Сылвенского — в 113 тыс. дес, Нейвоалапаевского — в 762,7 тыс. дес³.

С. Я. Яковлевым в 1769—1779 гг. построены в Пермской губернии Верхнесинячихинский, Режевский, Ирбитский, Нейвошайтанский, Вогульский и Верхнеалапаевский заводы. За исключением Режевского, перечисленные заводы не получили земельного отвода, а к Режевскому по определению Канцелярии главного заводов правления в 1774 и 1776 гг. было приграничено 206,7 тыс. дес. леса. Следовательно, общая земельная площадь, отчужденная к заводам С. Я. Яковлева к 1780 г. составляла 1.626,4 тыс. дес.⁴

После смерти С. Я. Яковлева в 1785 г. его имение было разделено между сыновьями заводчика. Земельные и лесные владения 13 посессионных заводов, унаследованные И. С. Яковлевым, затем перешедшие к его сыну А. И. Яковлеву, исчислялись в 707.831 дес, в том числе 421.806 дес. лесов (59,6 %)⁵. Земельные и лесные владения второго наследника — П. С. Яковлева составляли 180.229 дес, из них 140549 дес. леса (77,9%)⁶, третьего наследника С. С. Яковлева равнялись 845.187 дес, в том числе 724.777 дес. леса (85,7 %)⁷.

Таким образом, во второй половине XVIII века завершился процесс образования 4 крупнейших горнозаводских имений Н. А. Демидова и трех Яковлевых, к которым было отведено 2.369.575 дес. казенных земель, что составляло 57,4% земельных владений посессионных заводов губернии.

Помимо перечисленных выше заводов, на казенных землях были основаны заводы Н. Н. Демидовым (братом Акинфия Демидова) и казенные заводы, поступившие во владение А. Ф. Турчанинова.

Н. Н. Демидов построил в 1732 году Нижнешайтанский, а в 1759 г. — Верхнешайтанский заводы. Отвод лесов к указанным за-

¹ Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 368—369.

² Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 230.

³ Н. Михайлов. Указ, соч., стр. 368—370.

⁴ Там же.

⁵ ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 116, л. 31; д. 185, л. 50.

⁶ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1708, лл. 3, 4. Ввиду недостатка в лесах в 1839 г. по указу Сената сделан дополнительный отвод лесных площадей. (Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 370).

⁷ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1708, л. 6,

водам произведен по указам Берг-коллегии в 1752 и 1759 годах площадью в 34.666 дес.¹.

В 1767 году Шайтанские заводы перешли во владение купцов Ширяевых, а в 1810 г. их приобрел купец М. Я. Ярцев².

Полевской, Северский и Сысертский казенные заводы в 1757 году по указу Сената были отданы «в вечное и потомственное владение» солепромышленнику А. Ф. Турчанинову. За фабричные устройства и механизмы А. Ф. Турчанинов заплатил 146 тыс. руб., а земельные владения заводов площадью в 254 тыс. дес. перешли к заводчику бесплатно³.

Наследники А. Ф. Турчанинова продали $7\frac{7}{9}$ частей владения из 14 частей генералу П. Д. Соломирскому в 1832 г.

Без предоставления дополнительного земельного отвода П. Д. Соломирский в 1849 году построил Верхсысертский завод, а в 1854 г. — Ильинский завод⁴.

Таким образом, во владении 41 посессионного завода Пермской губернии, основанных на казенных землях, находилось 2,7 млн. дес. земли, в том числе 2,1 млн. дес. занимали леса, что составляло 77,7% владений посессионеров.

Теперь рассмотрим, как складывалось землевладение на заводах, основанных на землях, купленных заводчиками или арендованных ими у местного населения.

Демидовыми, Осокиными и другими горнопромышленниками скупались у местного населения огромные земельные площади за бесценок и без точного обмера. Так, в 1767 г. П. Г. Демидов купил 36 тыс. десятин земли за 120 рублей, т. е. по $1\frac{1}{3}$ коп. за десятину⁵.

А. Н. Демидовым в 1739—1741 гг. приобретены у башкирского, татарского и марийского населения «навечно их земли с лесами и другими угодиями» без обмера территории. На этих землях основаны Суксунский (1729 г.), Тисовский (1730 г.), Ревдинский (1734 г.), Бымовский (1736 г.) и Ашапский (1744 г.) заводы.

После раздела имения А. Н. Демидова, перечисленные заводы с их землями поступили во владение Григория Демидова, к нему же перешел Уткинский завод, построенный на казенных землях. Г. А. Демидов в 1761 году выстроил на земле, приобретенной его отцом у местного населения, Бисертский завод, леса к которому были отчуждены по указам Главного заводов правления в 1763 и 1781 гг.⁶.

---

¹ Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 371.

² Х. Мозель. Указ. соч., стр. 235.

³ А. Е. Гузеев. Сысертские горные заводы, их прошлое. Пермь, 1896, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ П. Н. Степанов. Наделение земель горнозаводского населения на Урале. СПб., 1914, стр. 9.

⁶ Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 370—373.

Ревдинский и Бисертский заводы наследовал Петр Демидов, которым был построен в 1810 году Мариинский завод¹.

Сенат в 1808 г. признал купчую крепость на земли, приобретенные в 1741 г. А. Н. Демидовым у башкир Терехтинской волости, юридически незаконной, а земли собственностью казны, и к Ревдинскому заводу земельный отвод был сделан по указу Сената в 1808 г. Земельные владения Бисертского и Ревдинского заводов в первой половине XIX века исчислялись в 168.840 дес, в том числе 152,983 дес. лесов или 96,6% площади владений заводов².

Суксунский, Тисовский, Ашапский, Бымовский и Уткинский заводы наследовал Александр Демидов, им в 1787 году построен Молебский завод на землях, принадлежащих мари, с которыми был заключен арендный договор. По распоряжениям пермского горного начальства в 1775 и 1779 гг. к заводу отчуждены леса, принадлежавшие ранее мари, площадью в 1 тыс. дес. Впоследствии во владении завода уже значилось 93 тыс. дес, самовольно захваченных владельцами завода у марийского населения³.

Дополнительные отводы лесов из казенных дач производились в 1763—1764 годах к Ашапскому и Бымовскому заводам и в 1781 г. к Уткинскому заводу.

Сенатом в 1807 году земли татарского населения были признаны собственностью казны, и заводы, построенные на этих землях, причислены к посессионным, получившим пособие от казны землею. Следовательно, 340.920 дес. земель, приобретенных заводчиками к Суксунским заводам, стали считаться казенными землями, поступившими во владение горнопромышленников⁴. Общая земельная дача заводов А, Г. Демидова составляла 476.785 дес, в том числе 347.045 дес. леса (72,9%)⁵.

На землях, арендованных у татар и башкир, были построены заводы: Юговский (1732 г.), Нижнеиргинский (1730 г.), Курашимский (1742 г.), Бизярский (1740 г.), Нижнесаранинский (1759 г.) и Верхнеиргинский (1771 г.), принадлежавшие Осокиным. По указу Сената от 28 сентября 1764 года к этим заводам были приграничены леса. Земельные и лесные владения заводов И. Осокина, в 1800—1804 г. купленные купцом А. А. Кнауфом, исчислялись в 281.534 дес, из них 180.297 дес. леса (64,4%)⁶.

На землях, купленных у башкир, был основан в 1749 году купцом Коробковым Каслинский завод, проданный в 1753 году владельцем Н. Н. Демидову. В 1755—1757 годах Н. Н. Демидов на землях, также купленных у башкир, основал Верхнекыштымский

¹ Х. Мозель. Указ. соч., стр. 230—232

² ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1708, л. 7.

³ В. Удинцев. Указ. соч., стр. 86, 87.

⁴ Государственный архив Свердловской области, ф. 24, оп. 32, т. 1, д. 1291, л. 72. См.: В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в., Свердловск, 1959, стр. 49.

⁵ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1708, лл. 15, 16.

⁶ Там же.

и Нижнекыштымский заводы. В 1805 г. Каслинский и в 1809 году Кыштымские заводы купил Л. И. Расторгуев и дополнительно построил в 1814 году Шемахинский завод, а в 1837 году — Сак-Элгинский завод на тех же землях. Земельные владения заводов составляли 212.147 дес., в том числе 160.097 дес. леса (75,4%)¹.

Верхнесергинский и Нижнесергинский заводы основаны И. Демидовым в 1742—1743 годах на землях, купленных у башкир. В 1789 году сергинские заводы купил К. М. Губин и построил Атигский (1790 г.) и Козинский (1801 г.) заводы на землях, купленных владельцем у башкир. В 1792 г. К. М. Губин купил у Мосоловых Суховязский, а затем и Михайловский заводы, также основанные на башкирских землях. Земельные владения заводов К. М. Губина составляли 329.050 дес.²

Таким образом, на землях, «приобретенных» у местного населения, было основано 25 заводов. Их земельные и лесные владения исчислялись в 1.468.356 дес. Из них 927.159 дес. (63,1%) впоследствии по указам Сената были признаны казенными, а 541.197 дес. (36,9%) — собственными землями владельцев Кыштымских и Сергинских заводов.

Следовательно, процесс образования горнозаводских имений посессионного владения в Пермской губернии завершился в начале XIX в. Во владении 66 посессионных заводов находилось 4.128.503 дес. земель, из них 3.587.306 дес. или 86,9% составляли казенные земли и 541.197 дес. или 13,1% — собственные земли владельцев заводов.

В 1802—1808 годах оформилась система горнозаводских округов. В губернии образовалось 12 посессионных округов. Округ составляли заводы и земельные владения, отчужденные к этим заводам, состоявшие во владении одного лица или его наследников.

В первой половине XIX века происходит и законодательное оформление посессионного права владения. Горное положение 1806 г. впервые сформулировало основные положения посессионного права. Указ 1811 г. об учреждении Министерства финансов и горный устав 1857 г. провели грань между вотчинными и посессионными горными заводами³.

Казна сохраняла право собственности на земли и леса, предоставленные во владение заводчикам-посессионерам. Владельцам посессионных предприятий разрешалось использовать земельные и лесные богатства, переданные во владение заводов, исключительно для заводских потребностей, разрабатывать только те полезные ископаемые, которые необходимы для заводского действия, и вырубать леса лишь в пределах естественного прироста древесины для заводских нужд и удовлетворения в лесных материалах жителей заводов. Посессионные дачи не могли быть проданы или от-

¹ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1708, л. 9.

² Там же, лл. 16, 17; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 174, л. 19

³ ПСЗ, т. 24, № 24 688, стр. 728—756; т. 29, № 22 208, стр. 437—630; Свод законов Российской империи, т. 7. Устав горный. СПб, 1857.

чуждены другим владельцам отдельно от заводов. Продать посессионный завод владелец мог лишь с разрешения горного департамента Министерства финансов.

Горным положением 1806 г. земельный отвод для строительства горного завода как казенного, так и частного был установлен в 1 кв. версту, что составляло 250 тыс. кв. сажен¹.

Ни строить новый завод, ни увеличивать «действие старого уже выстроенного завода умножением печей, горнов, машин без предварительного позволения со стороны горного правления» заводчик-посессионер не имел права.

В горном положении указывалось, что внутреннее управление заводами частных лиц «зависит совершенно от самих заводчиков», а общий надзор за деятельностью горнопромышленников, наблюдение за правильным ведением лесного хозяйства, за сбором податей, за использованием казенных людей на заводах возлагались на назначавшихся горным правлением заводских исправников².

Однако этот надзор за деятельностью частных заводов со стороны заводских исправников был ничтожен. В записке Нижнетагильского заводууправления, составленной в 1857 году, указывалось: «Но обязанности эти, находясь в условном отношении к правам владельца, никогда не были для последнего чувствительны, потому что, действуя во всем через заводское управление или конторы, заводской исправник не мог иметь стеснительного влияния на распоряжение заводоладельца»³.

Владельцы посессионных заводов уплачивали в большем размере, чем владельцы вотчинных заводов, горную подать за чугун и медь. Указами 1794, 1797 и 1799 гг. были установлены размеры горной подати для посессионных и вотчинных заводов. За каждый пуд выплавленного чугуна посессионные заводы платили 12 коп., а вотчинные — 8 коп., из 100 пуд. выплавленной меди в пользу казны поступало 15 пуд. из посессионного завода и 10 пуд. из вотчинного завода⁴.

В 1839 г. горная подать за чугун была переведена на серебро и выражалась в $3\frac{3}{4}$ коп. за пуд чугуна, выплавленного на посессионном заводе, и $2\frac{1}{2}$ коп. за пуд, выплавленного на вотчинном заводе⁵. Горная подать, уплачиваемая посессионными заводчиками в несколько большем размере, по сравнению с вотчинными заводчиками, являлась своеобразной формой платежа за эксплуатацию казенных земель, рудников и лесов.

Посессионными заводами Пермской губернии в 1856 г. было уплачено горной подати на 86.640 руб. больше, чем уплатили бы эти заводы, будучи вотчинными, и сдано меди более вотчинных на

---

¹ ПСЗ, т. 29, стр. 526.

² Там же, стр. 496.

³ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1760, л. 23

⁴ ПСЗ, т. 23, № 17225, стр. 532; т. 24, № 18179, стр. 759; т. 25, № 19164, стр. 831.

⁵ ПСЗ, т. 14, отделение 2, № 12867, стр. 235.

7.570 пудов. При стоимости пуда меди 11 руб. 50 коп. эта переплата составила 87055 руб. Следовательно, посессионные заводы заплатили всего излишней подати 173.695 рублей¹. Разделив полученную сумму на количество десятин (4.128.503), получим, что посессионные заводы платили государству за право пользования землями, рудниками и лесами ничтожно мало — по четыре копейки за десятину.

В записке, представленной уральским берг-инспектором Строльманом в Комиссию по пересмотру горного устава, указывалось: «Между тем, количество лесных произведений, вырубаемых ежегодно посессионными заводами, оценивается по губернским таксам в 432.966 рублей, так что, если эту сумму сравнить с доходом казны от посессионных заводов за предоставленные им от казны пособия, то окажется, что они не только не приносят государству выгод, но действуют прямо в ущерб казенному интересу»².

Посессионные заводчики хищнически эксплуатировали природные богатства края. Лесное хозяйство ими велось беспорядочно и в середине XIX в. ближайшие к заводам лесные массивы были вырублены. Наибольшее истощение лесов отмечалось в Невьянском, Алапаевском, Сысертском и Суксунском округах. Здесь лесосеки были удалены от заводов на 30, 50 и 70 верст.

В записке управляющего Суксунскими заводами Соважа указывалось, что лесная дача Бымовского завода до такой степени оскудела, что в ней нет возможности составить даже приблизительную смету по заводскому хозяйству³.

Заводчики не менее хищнически разрабатывали рудники и золотоносные россыпи.

С 1806 по 1824 годы в губернии проводилось горное межевание. При первоначальном приграничении лесов к заводам, границы заводских дач межевыми знаками не обозначались, а делались лишь отметки на деревьях. При проведении горного межевания у владельцев заводов проверялись владенные указы на поступившие в их владение заводы и земли, планы и описания дач, составленные при отводе лесов к заводам, и устанавливались специальные межевые знаки. При проверке владенных документов купчие крепости на земли Ревдинских и Суксунских заводов были признаны незаконными и земли перешли во владение казны.

С 1824 по 1842 годы в Пермской губернии проводилось генеральное межевание, которое, в основном, свелось к обмежеванию общей Екатеринбургской казенной дачи, но в связи с тем, что межевой канцелярией были обнаружены исправления в полевых журналах горного межевания, в 1843—1852 годах проводилась проверка горного межевания.

¹ ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1707, лл. 1—16,

² Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 360.

³ Труды комиссии по пересмотру горного устава. Т. XIII, ч. 5, СПб., 1869, стр. 49.

В результате горного и генерального межевания были уточнены размеры земельных и лесных владений заводов Пермской губернии. Приводимая ниже таблица дает сведения о землевладении по-сессионных заводов губернии к моменту отмены крепостного права в России¹.

Названия округов и дач	Число десятин		Местонахождение дач
	земель	из них лесов	
Верхисетский округ наследников корнета А. И. Яковлева			
1. Верхисетская дача	125 622	62 353	Красноуфимский, Кунгурский и Екатеринбургский уезды
2. Режевская дача	221 991	97 458	
3. Верхнейвинская дача	189 988	121 380	
4. Уткинская дача	56 964	44 539	
5. Сылвинская дача	113 266	90 401	
	707 831	416 131	
Невьянский округ наследников П. С. Яковлева			
1. Невьянская дача	180 228	140 549	Екатеринбургский уезд
Нижнетагильский округ наследников П. Н. Демидова			
1, Нижнетагильская дача	638 274	547 169	Зерхотурский уезд
Алапаевский округ наследников С. С. Яковлева			
1. Алапаевская дача	845 187	724 777	Верхотурский и Ирбитский уезды
Ревдинский округ полковника П. Демидова			
1. Ревдинская дача	79 024	71 597	Екатеринбургский, Красноуфимский уезды
2. Бисертская дача	89 816	81 386	
	168 840	152 983	
Шайтанский округ наследников Ярцева			
1. Шайтанская дача	34 666	23 701	Екатеринбургский уезд
Суксунский округ наследников гофмейстера Демидова			
1. Суксунская дача	206 043	143 511	Красноуфимский, Кунгурский и Осинский уезды
2. Ашапская дача	60 894	46 129	
3. Бымовская дача	30 851	13 535	
4. Уткинская дача	85 807	65 977	
5. Молебская дача	93 191	75 893	
	476 786	347 045	

¹ Таблица составлена по архивным фондам: ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1708, лл 1—17; ГАПО, ф. 298, оп. 1, д. 166, л. 31; д. 174, л. 19, д. 185, л. 5. Сравни указанные сочинения: Ф. С. Горовой, стр. 29, П. Н. Степанов, стр. 73, Н. Михайлов, стр. 358—375, X. Мозель, стр. 208—251.

Названия округов и дач	Число десятин		Местонахождение дач
	земель	из них лесов	
Сысертский округ наследников А. Турчанинова и Соломирского			
1. Сысертская дача	253 960	227 452	Екатеринбургский уезд
Кнауфский округ			
1. Юговская дача	38 164	25 919	Кунгурский, Красноуфимский, Осинский и Пермский уезды
2. Бизярская дача	24 574	19 642	
3. Курашимская дача	17 068	5 943	
4. Иргинская дача	101 591	40 704	
5, Саранинская дача	100 137	88 089	
	281 534	180 297	
Кыштымский округ наследников Расторгуева			
1. Кыштымская дача	212 147	160 097	Екатеринбургский и Красноуфимский уезды
Сергинский округ наследников К. Губина			
1. Сергинская дача	329 050	112 197	Красноуфимский уезд
Ольгинский округ графини Рошефор			
1. Уинская дача	В составе Алапаевской дачи ¹		
Итого 4 128503 3 032398			

Из общего количества земельных владений леса занимали 73,4 процента территории.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что на протяжении XVIII века шел процесс образования горнозаводских имений заводчиков-посессионеров Пермской губернии. Земли и леса поступили во владение заводчиков путем пожалования казенных «пустопорожних земель» (Невьянская дача), продажи частным лицам казенных заводов с приграниченными к ним землями и лесами, посредством узаконенного отвода земель и лесов из государственного фонда при постройке заводов частными владельцами и покупкой земель у местного населения (Кыштымская и Сергинская дачи).

Концентрация горнопромышленниками огромной земельной собственности превратила их в заводчиков-помещиков, основав-

¹ Уинский завод был продан гр. Рошефор наследниками С. Яковлева в 1859 г. и к заводу было отмежевано 50 189 дес. земель. (В. Шишонко. Пермская летопись. Период IV. Пермь, 1884, стр. 21).

ших свою промышленность «на своем владельческом праве, а не капитале и конкуренции»¹.

Кризисное состояние горнозаводской промышленности Урала накануне отмены крепостного права явилось следствием крепостнической системы организации горнозаводской промышленности, основанной на феодальной собственности на землю и на применении крайне непроизводительного труда крепостных рабочих.

Отмена крепостного права в 1861 году не ликвидировала кризис в уральской горной промышленности. Напротив, отмена крепостного права, подорвавшая устои крепостничества, сохранила многие пережитки крепостного строя, и главный из них — крупную земельную собственность владельцев уральских заводов, чем еще более углубила кризис и в пореформенное время, придав ему качественно новые черты капиталистических кризисов.

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 417.

К. С. Маханек

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ НАДЕЛАХ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН УРАЛА ПО УСТАВНЫМ ГРАМОТАМ

Из всей группы вопросов о складывании новых поземельных отношений после отмены крепостного права первостепенное значение имеет вопрос об уставных грамотах. Составление и введение уставных грамот, их конкретное содержание — чрезвычайно важный акт для горнозаводского населения, который отразился на всем дальнейшем развитии Урала.

В общих работах дореволюционного времени о реформе 1861 года на Урале не уделялось должного внимания уставным грамотам, особенно периода первоначального их составления и утверждения. В лучших случаях о них делались частные замечания, но не использовался фонд самих грамот¹.

Наиболее ценные фактические сведения об уставных грамотах имеются в специальной работе Г. С. Замятина, но они относятся только к вотчинным имениям, преимущественно к владениям Строгановых; в них отсутствует цифровой материал о количестве людей, наделах и повинностях². Некоторые данные об уставных грамотах сообщаются в статье, рассматривающей материалы ревизии Пермской губернии сенатором Клушиным³.

Следует отметить сообщение о реформе 1861 года на Урале П. Т. Лыкина, бывшего члена Пермского губернского по крестьянским делам присутствия. Он делает попытку дать критический анализ содержания уставных грамот по Пермской губернии с позиций

---

¹ Е. И. Красноперов. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права. Пермь, 1886. М. В. Кукаретин. Ко дню пятидесятилетия великой реформы в Пермской губ. Пермь, 1911.

П. Степанов. Наделение земель горнозаводского населения Урала, СПб, 1914. Р. Попов. Горнозаводской Урал. Журнал «Отечественные записки», № 12, 1874.

² Г. С. Замятин. Уставные грамоты и их исправление в Пермской губернии, Пермь, 1898.

³ Ч..., Дореформенная губерния (По поводу сенаторской ревизии Пермской губернии). «Вестник Европы», 1871, кн. X.

защиты интересов казны¹. Его материалы появились в печати позднее того времени (1864—1865 годы), когда они были составлены и поступили на рассмотрение министерства внутренних дел, затем Главного комитета об устройстве сельского хозяйства². Доклад Лыкина об уставных грамотах был вызван экономическими затруднениями и напряженным политическим положением. Они, по мнению автора, могут привести к еще большему обострению классовых противоречий на Урале, если будут проводиться в жизнь меры на основе утвержденных уже уставных грамот и намеченных выкупных сумм.

Такой же по существу характер содержания имеет и «Записка» члена совета министра внутренних дел Г. Г. Савича, в связи с ревизией Пермской губернии в 1903 году. В «Записке», в разделах о деятельности крестьянских учреждений за последние 40 лет, отводится значительное место составлению и введению уставных грамот в Пермской губернии. В ней собран большой фактический материал, не предназначавшийся к опубликованию³.

Политические мотивы и значение уральской командировки Савича хорошо были раскрыты в ленинской газете «Искра». В ней сообщалось: «Урал в настоящее время сильно беспокоит правительство. Хроническая распря заводских рабочих и крестьян с графами, князьями и просто Колупаевыми все чаще и чаще приобретает острый характер. Поводов к этому, конечно, масса, так как хищнические инстинкты уральских магнатов до последнего времени не имели границ. Даже русские «законы» их не удовлетворяют, и посему подкупы и насилие царят везде. Местное губернское присутствие, не говоря уже о полиции и земских начальниках, толкует «законы» в угоду магнатам. Да и центральная власть не отставала... Так было до последнего времени, но теперь, когда оппозиционное настроение грозит вылиться в бунт, правительство, по-видимому, увидело, какую агитационную роль играют все эти быющие в глаза отступления от закона»⁴.

Наряду с усиленной подготовкой полиции и войск против массового движения министерство внутренних дел принимает меры к смягчению острой классовой борьбы путем разъяснений и незначительных уступок, в частности, рассматривает жалобы крестьян на губернское присутствие, и Сенат отменяет некоторые его постановления. Срочное откомандирование в Пермскую губернию чиновника Савича, который «разъезжал по заводам и принимал жалобы», преследовало цель парализовать нарастание революционной борьбы народных масс.

---

¹ П. Т. Лыкин. По поводу исправления уставных грамот в Пермской губернии. «Пермский край», 1901. № 95—96.

² ЦГИА, ф. 1181, оп. 15, д. 102, лл. 127—137.

³ Г. Г. Савич. Землеустройство сельских обывателей Урала. Записка, составленная на основании данных, собранных при ревизии крестьянских учреждений Пермской губернии и других материалов. СПб, 1907.

⁴ «Искра», 15 июля 1903, № 44. Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов.

Таким образом, последствия реформы 1861 года на Урале в своем дальнейшем развитии связываются с событиями назревания революционного кризиса в начале XX века в России.

Что касается общих официальных статистических сведений о распределении земельного фонда Пермской губернии, где указываются наделные земли, то они стали известны по результатам обследования форм землевладения, проведенного Центральным статистическим комитетом в 1877—1878 году в губерниях Приуральской группы. Эти материалы были опубликованы в 1884 году¹. В 1885 году, в связи с указом правительства от 28 декабря 1881 года о выкупе наделов крестьянами и о понижении платежей, были опубликованы сведения о количестве временно обязанных крестьян и наделной земли у них².

Как ни важны данные «Статистики поземельной собственности», но они нуждаются в уточнении, ибо в них объединены душевые наделы помещичьих крестьян с наделами рабочих частных заводов. Смещение же этих категорий населения, освобожденного от крепостной зависимости, не помогало выяснению специфических черт разрешения земельного вопроса на Урале в пореформенное время.

Все это подчеркивает важность исследования уставных грамот. Конкретные данные, содержащиеся в них, служат первоисточником для характеристики землепользования различных групп уральского населения, для изучения других сторон его экономической и общественной жизни.

По вопросам падения крепостного права в России в советской историографии имеется ряд работ, опубликованы архивные источники, в которых уделяется значительное внимание отдельным районам страны. Из них наиболее ценным для изучения вопросов землепользования на Урале является сборник документов, изданный под редакцией В. К. Яцунского³, а из трудов — монография П. А. Зайончковского, где уставным грамотам посвящены специальные главы⁴.

Внимательный анализ изменений, все время происходивших в землевладении горнозаводского населения Урала после реформы, дан в обстоятельной монографии Ф. С. Горового, выполненной на широкой источниковедческой основе, главным образом, на неопубликованных архивных источниках⁵. В работах К. С. Маханек, М. А. Горловского и А. Н. Пятницкого, основанных на архивных и печатных источниках, также рассматривается практика составления

---

¹ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России, вып. VI, СПб., 1884.

² Статистический временник Российской империи, серия III, вып. V, СПб., 1885.

³ «Положение рабочих Урала во второй половине XIX—начале XX века». Сб. документов. Ответственный редактор В. К. Яцунский, М.-Л., 1960.

⁴ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., М., 1958.

⁵ Ф. С. Горовой. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961.

и введения уставных грамот, отмечаются особенности их содержания для Урала¹.

Содержание уставных грамот связано с землеустройством значительной части горнозаводского населения. Необходимо и в дальнейшем изучение этого сложного земельного вопроса, оказавшего столь сильное влияние на особенности пореформенного социально-экономического развития Урала.

Целью настоящей статьи является рассмотреть часть сведений из уставных грамот о количестве наделных земель периода первоначального их утверждения и введения в Пермской губернии. Они представляют интерес в том отношении, что дают характеристику некоторых сторон начального этапа в определении надела по уставным грамотам — исходного момента для всех последующих его изменений.

Анализ размеров земельных наделов по отдельным категориям горнозаводских имений и по группам бывшего крепостного населения Урала показывает, что самые ничтожные земельные участки получали заводские люди. Политика заводовладельцев сводилась к тому, чтобы этими наделами привязать рабочих заводов «к местам своего водворения».

Приведем данные по 26-ти частным заводам Пермской губернии, взятых нами в качестве примера. По материалам уставных грамот 1862 года наделные земли рабочим определялись в таких показателях²:

Заводы и промыслы	Владельцы	Количество ревизских душ		Наделной земли после реформы	На душу
		мастерских	дворовых или заводских служит.	общее количество десятин	
1	2	3	4	5	6
Полазнинский	Х. Е. Лазарев	633	—	844	1,33
Кизеловский	Х. Е. Лазарев	854	—	768	0,9
Хохловский	Х. Е. Лазарев	316	—	15	00,5
Кусье - Александровский	С. Голицын	335	—	398	1,2

¹ К. С. Маханек. Реформа 1861 г. и особенности ее в помещичьих имениях Пермской губернии. Сб. статей и материалов «Из истории реформы 1861 года на Урале», Пермь, 1961; М. А. Горловский и А. Н. Пятницкий. Из истории рабочего движения на Урале, Свердловск, 1954.

² Указанные цифровые данные составлены на основе источников и материалов Государственного архива Пермской области (ГАПО); ф. 298, оп. 1, дд. 9, 10, 174, 179, 182; ф. 41, оп. 1, дд. 5,250; ЦГИА, ф. 1092, св. 10, д. 3; Г. Г. Савич, Землеустройство сельских обывателей Урала, СПб., 1907, стр. 43—56. Наделные земли приводятся без указания саженей. Для сравнения об изменениях земельного надела, отрезках и их особенностях см. Ф. С. Горовой, указ. соч., стр. 198—269; Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века, Сб., документов, М.-Л., 1960, стр. 13—174.

Заводы и промыслы	Владельцы	Количество ре- визских душ		Наделной земли пос- ле реформы	На душу
		масте- ровых	дворовых или заводских служит.	общее количе- ство де- сятин	
1	2	3	4	5	6
Архангело - Паший- ский	С. Голицын	1538	138	1163	0,7
Нытвенский	С. Голицын	1472 -		1089	0,74
Кусье - Александров- ский	Н. П. Бутеро-Родали	402	88	572	1,17
Крестновоздвиженские промыслы	Н. П. Бутеро-Родали	524	47	676	1,2
Бисерский	Н. П. Бутеро-Родали	536	70	696	1,1
Лысьвенский	Н. П. Бутеро-Родали	1275	134	3781	2,68
Кыновский	С. и А. Строгановы	934	9	1056	1,1
Очерский	Н. П. Строганова	1493	-	77	0,05
Павловский	Н. П. Строганова	679	-	44	0,06
Билимбаевский	Н. П. Строганова	3284 -		334	0,1
Елизавето - Пожев- ской	А. Всеволожский	393	12	435	1,07
Пожевский и Марын- ский	А. Всеволожский	1445	80	1633	1,07
Всеволодо - Вильвен- ский	А. Всеволожский	750 -		898	1,2
Никитинский	Н. Всеволожский	1079	104	1259	1,06
Н-Ивдельский	Н. Всеволожский	378	32	102	0,27
Кыштымские	М. Л. Харитонова и Е. Л. Зотова	3751	208	6137	1,5
Н. Сергинский	Наследники Губина	3466-		3475	1,0
В. Сергинский	Наследники Губина	2502	57	2547	1,0
Каслинский	М. Л. Харитонова и Е. Л. Зотова	3570	194	9222	2,5
Югокамский	А. П. Шувалов	969	118	1364	1,25
Чермозский	Х. Лазарев	1860-		2064	1,5
Добрянский	С. А. Строганов	1453-		1583	1,09
		35891	1291	42782	1,1

На этих заводах отрезка земель от 6,5% до 10% произведена на одном заводе, от 35,6% до 47,7% на трех заводах, от 50,3% до 97,2% на 19-ти заводах и на трёх заводах (Полазнинском, Архангело-Пашийском и Каслинском) сделана весьма малая прирезка земель, не изменившая сколько-нибудь существенно размеры наделов рабочих на этих заводах по сравнению с дореформенными.

В целом по всей группе данных заводов, с количеством свыше 37 тыс. человек, землепользование было уменьшено почти наполовину от дореформенного, а средний душевой надел понизился с 2,2 десятины до 1,1 десятины. Сокращение земельного фонда относится по преимуществу к покосам, так как пашня в дореформенном землепользовании по этим заводам, по приложенным к

уставным грамотам описаниям горнозаводских имений, исчислялась всего только в 3517 десятин¹.

Полное обезземеливание или получение карликовых наделов на ревизскую душу создавало постоянный и огромный резерв дешевой рабочей силы для заводского производства уральских магнатов. За землю, главным образом, сенокосную и выгонную и за другие «льготы» (заготовка дров без взыскания попенных денег, использование для домашних потребностей строительных материалов в виде камня, песка, глины в пределах отведенных земельных угодий) мастеровые были обязаны отбывать заводские работы.

Как известно, в Пермской губернии особенно широкое распространение получили отработки, которые наряду с наймом были средством приобретения рабочих рук. За пользование землей, выгоном и лесом помещиков-заводчиков, указывал В. И. Ленин, «заводы получают «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих»².

Еще менее по уставным грамотам получили земли работники соляных промыслов, принадлежавших крупнейшим заводчикам-помещикам Пермской губернии (Строгановы, Голицын, Бутеро-Родали, Лазарев). По сравнению с дореформенным, очень небольшое увеличение душевого надела произошло только по трем (Графскому, Огурдинскому и Леменскому) из семи обществ, Усольской волости и одному (Графскому) также из семи обществ Ленвенской волости³.

Следующие обобщенные нами конкретные данные дают представление о земельном устройстве работников соляных промыслов при определении первоначального надела по уставным грамотам⁴.

Число душ	Имели всей земли до 1861 года	На душу	Отведено по уставным грамотам				
			усадеб	выгона	сенокоса	всего	на душу
4051	2873	0,7	330	290	2467	3087	0,76

Все виды надельной земли были худшего качества, покосы разбросаны мелкими участками на громадном пространстве, и все оплачивалось несоразмерно высоким оброком.

¹ Г. Г. Савич. Указ. «Записка», стр. 46—47

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 425.

³ Г. Г. Савич, указ. «Записка», стр. 94—95.

⁴ Там же, стр. 94—95, 98. В дальнейшем при пересмотре уставных грамот на основе закона 15 июня 1865 года суммарное количество надела по всем обществам Усольской и Ленвенской волостей было увеличено за счет прирезки усадебных земель, но в то же время сделано резкое сокращение сенокосных угодий, а выгон впредь до разверстания оставлен в общем с владельцами пользования.

Таким образом, промысловые рабочие также находились в особо тяжелом положении, в кабальной зависимости от вотчинников в результате крепостнических методов их «освобождения».

Сокращение наиболее удобных угодий происходило и по крестьянскому землепользованию. Как теперь установлено на основе изучения архивных документов, отрезки земель у крестьян Пермской губернии составили 12,6%¹, а по отдельным помещичьим имениям они были и выше. Например, по имению Н. П. Строгановой отрезке подлежало 13,3% лучших полевых, покосных и выгонных земель².

Отрезки земель у крестьян произведены по всем уездам и владельческим имениям. Но они были неравномерны и не повсеместны. Так, по трем уездам: Пермскому, Оханскому и Соликамскому имелось 42,8% уставных грамот, по которым были сделаны отрезки³. Наибольшие отрезки состоялись по первым двум уездам, и в них по имениям Строгановых в Ильинском и Добрянском округах, в имениях Бутеро-Родали в с. Сергинском, в имениях Голицына в селениях В-Муллинском и Сергинском.

Для иллюстрации приведем цифровые материалы из отдельных уставных грамот по некоторым помещичьим имениям⁴:

Помещичьи имения	Селение, волость, округ	Количество людей	Земли всех вид. до рефор. (десятин)	Количество людей	Земли всех вид. после ре- фор. (дес.)	Отрезки	
						Общее ко- личество десятин	%%
С. Голицына	с. Н. Муллинское с дер.	1574	11333	1574	8657	2676	23,6
	с. Сергинское с деревн.	1380	14501	1380	7602	6899	47,4
С. Голицына	с. В-Муллинское с дерев.	1677	13232	1677	9223	4009	30,3
Бутеро-Родали	с. Н. Муллинское с дерев.	1868	15081	1868	10274	4807	31,9
Т о ж е	с. Сергинское	1003	14068	1003	5516	8552	60,7
Н. П. Строгановой	Кудымкарская волость	2481	16305	2480	16305	нет	
Т о ж е	Ильинский округ	19482	99348	19443	79445	19903	20,0
Т о ж е	Добрянский округ	3381	23553	3464	15592	7961	33,0
Т о ж е	Иньвенский округ	17234	136130	17228	109761	26369	19,4

¹ Ф. С. Горовой. Введение уставных грамот в помещичьих имениях Пермской губ. «Ученые записки» Пермского государственного университета им. А. М. Горького, т. VIII, вып. 2, 1953, стр. 13.

² К. С. Маханек, указ. соч., стр. 49.

³ ЦГИА, ф. 1181. оп. т 15, д. 102, лл. 132—133.

⁴ Там же, ф. 577, оп. 28, д. 7, лл. 64—68; ф. 1092. св. 67, д. 9, лл. 137, 145—146, 124—124 об; ГАПО, ф. 613, д. 1051/32, лл. 245—245 об.; д. 955, лл. 1—21. Сведения даются в округленных цифрах, без саженей.

Оброк за отведенный надел оставался высоким и его несоразмерность усилилась низким качеством земли. Несмотря на принудительный сбор оброка, владельческие недоимки повинностей с крестьян к 1-му января 1864 года превышали 800.000 рублей¹. Несоразмерность требования повинностей с платежными средствами населения приводила к увеличению количества разоряющихся крестьян.

В связи с этим необходимо указать на следующее относительно душевого надела крестьян, как он сложился впоследствии, в отличие от первоначального его определения, зафиксированного в уставных грамотах. Позднее, главным образом, в период осуществления выкупной операции в 70—80-х годах, в Пермской губернии произошло некоторое увеличение наделов и в то же время снижение оброка для капитализации при исчислении выкупной ссуды.

В основе этой особенности развития крестьянского землепользования лежала острая классовая борьба народных масс, под давлением которой помещики-заводчики были вынуждены идти на уступки. С другой стороны, в связи с напряженной политической обстановкой на Урале, более резко проявлялись разногласия в лагере господствующего класса, ибо по этому важнейшему вопросу интересы правительства не совпадали с далеко идущими грабительскими устремлениями уральских заводчиков.

По мнению представителей правительственной точки зрения до конца разоренный и обобраный крестьянин будет не в состоянии выполнить свои обязательства перед государством, и казна от этого понесет определенный и ясно выраженный убыток. Главный комитет об устройстве сельского состояния был вынужден принимать некоторые меры по исправлению положения в вотчинных имениях губернии, изыскивая такие формы и методы экономического нажима на крестьян, которые сохранили бы их платежную способность по финансовым обязательствам перед правительством, в первую очередь по выкупной операции.

В результате издается закон от 15 июня 1865 года об уставных грамотах и выкупных актах по вотчинным имениям Пермской губернии, в силу которого уставные грамоты должны были проверяться и подлежали исправлению².

Поэтому следует учитывать эту особенность осуществления реформы на Урале и проводить различие при установлении общего количества надельной земли, ее душевого размера и повинностей между периодом первоначального составления и утверждения уставных грамот и тем временем, когда надельный фонд и оброк определены после составления особых дополнительных актов к уставным грамотам на основе закона от 15 июня 1865 года.

Данный закон несколько ограничивал крепостнические требования уральских помещиков-заводчиков, но ни в какой мере не затра-

¹ ЦГИА, ф. 1181, оп. т. 15, д. 102, лл. 263, 267, 120, 131.

² ЦГИА, ф. 1181, оп. т. 15, д. 102, лл. 293—319. Журнал Главного комитета об устройстве сельского состояния по делу об уставных грамотах и выкупных актах по вотчинным имениям Пермской губернии был «высочайше утвержден» и получил силу закона. (ПСЗ, т. XI, отд. 1, 1867, № 42201),

гивал основы всеобъемлющего права собственности на все земли, входящие в состав их горнозаводских имений.

«Право собственности заводовладельца объемлет как поверхность земли, так и самые ее недра, и распространяется на леса, воды и всякого рода металлы и минералы, находящиеся в пределах населенного и ненаселенного его имения»¹.

Так было сформулировано Уральским комитетом заводовладельцев основное положение в деле сохранения и укрепления экономической власти помещиков-заводчиков в связи с предстоящими реформами. Оно оставалось неприкосновенным и определяло все стороны новых взаимоотношений между ними, с одной стороны, рабочими и крестьянами — с другой, в пореформенный период.

Составление и введение в действие уставных грамот, практика их оформления на местах и утверждение губернским по крестьянским делам присутствием проводилось с грубейшими нарушениями всех основных положений законодательных актов, повсеместным произволом в отношении мастеровых, промысловых работников и крестьян. Уставные грамоты, как правило, составлялись на целые волости, включавшие большое количество селений, не имевших между собой хозяйственной связи, в ущерб интересам большинства заводского и сельского населения.

Тяжелое положение, в которое было поставлено горнозаводское население Урала в результате введения уставных грамот, с применением наиболее хищнических методов его закабаления помещиками-заводчиками, вызвало волну массового движения. В сельские и рабочие районы, где крестьяне отказывались принимать и подписывать уставные грамоты, а рабочие, не принимая наделы, выдвигали требования немедленной ликвидации обязательных (крепостнических) отношений в заводской работе, улучшения условий своего труда на основе вольного найма и повышения заработной платы, посылались воинские команды пермского гарнизона и отряды казачков Оренбургского войска.

Волнения на Урале уже в первые месяцы после объявления манифеста были значительных размеров. Но этот этап борьбы рабочих и крестьян непосредственно связан, без какого-либо длительного перерыва, с последующей их борьбой в период составления и проведения в жизнь уставных грамот. Волнения охватили значительную часть уездов Пермской губернии, в них были вовлечены десятки тысяч бывших крепостных людей. Они являлись ярким выражением общей борьбы народных масс России против крепостнической реформы.

---

¹ Проект Положения об улучшении быта горно-заводского населения частных имений, СПб, 1859, стр. 4.

П. И. Хитров

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС НА КЫШТЫМСКИХ ЗАВОДАХ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Вопрос о землевладении и землепользовании рабочих Урала до середины 60-х годов XIX века являлся уже предметом специального изучения историками. Наиболее полно он освещен в работах профессора Ф. С. Горового, в частности, в его книге «Падение крепостного права на горных заводах Урала», выпущенной в свет Пермским областным книжным издательством в 1961 году.

Что же касается последующего времени, то, к сожалению, наблюдается иная картина. Дело в том, что до сих пор историки касались этого вопроса попутно, в аспекте экономических или политических проблем. Поэтому землевладение и землепользование уральских рабочих с середины 60-х годов XIX века до 1917 года еще ждет своего исследователя. Несомненно, что эта задача может быть наиболее успешно решена путем детального изучения каждого горнозаводского предприятия с последующим сведением полученных данных в группы по округам или категориям владений и объединением последних результатов в одно целое.

Настоящая статья является результатом изучения материалов, касающихся земельных отношений в 1861 — 1917 годах на Кыштымских заводах. Она написана на основе документов, хранящихся в государственных архивах Пермской и Челябинской областей.

* * *

По X ревизии (1858 г.) в Сак-Элгинском и трех Кыштымских селениях числилась 3961 душа. Согласно уставной грамоте они могли получить надел площадью 5942 десятины и безвозмездно два присельных участка общей площадью 330 десятин под новые усадьбы. Кроме того, за ними сохранялось право пасти скот на облесенном выгоне, хотя заводовладелец и мог уменьшить его и отвести в другом месте по своему усмотрению¹.

¹ ГАПО, ф. 65. оп. 2, д. 639, л. 74; ГАПО, ф. 172, оп. 1, д. 635, л. 92.

Таким образом, по уставной грамоте рабочим четырех кыштымских селений намечалось отвести 6272 десятины или по 1,5 десятины на каждую ревизскую душу. Эта площадь должна была стать общинной собственностью кыштымских рабочих и поступить в их полное пользование. Фактически же землепользование их по уставной грамоте было большим в виду сохранения за ними права пасти свой скот на облесенном выгоне, который оставался собственностью заводовладельца.

Но справедливо находя, что предлагаемые в надел неусадебные участки не могли удовлетворить интересов населения ни по размеру, ни по качеству земли, ни по местоположению, кыштымцы и сак-элинцы отказались принять их. Первый раз они заявили об этом в 1861 году, а второй — в 1863 году. Между тем, заводовладельцы настоятельно предлагали рабочим принять наделы, чтобы таким образом решить вопрос о землевладении и землепользовании рабочих в свою пользу¹.

Споры и прямые столкновения между заводовладельцами, с одной стороны, и рабочими — с другой, возникавшие на почве землевладения и землепользования, затянулись и обострились настолько, что в разбор их вынуждены были вмешаться местные и центральные власти. Однако, последние не проявили ни оперативности, ни желания защитить интересы рабочих. Более того, своими действиями они усложнили дело.

Вопрос о праве рабочих отказаться от надела в местных органах бесплодно обсуждался более двадцати лет и в первоначальном состоянии поступил на рассмотрение Сената.

Указом от 17 апреля 1884 года Сенат предложил Пермскому губернскому по крестьянским делам присутствию² вынести, наконец, то или иное решение по надельным землям на Кыштымских заводах. Но даже и после этого, прежде чем сказать свое слово, оно снова поручило 16 мая одному из неперменных членов Екатеринбургского уездного присутствия «изучить» положение дела на месте и дать по нему свое заключение. Последний признал отказ рабочих от надела не противоречащим закону. Но заводууправление нашло такое решение неправильным и обжаловало его в губернское присутствие. Рассмотрев эту жалобу 15 декабря 1892 года, присутствие отклонило ее и утвердило мнение неперменного члена³.

Таким образом, обстоятельства и мотивы рабочих отказаться от невыгодного для них надела местная и центральная бюрократия рассматривала в течение тридцати лет.

Такой ход дела содействовал тому, что постепенно простой вопрос о праве рабочих отказаться от надела превратился в сложную проблему о праве их на владение и пользование теми или другими участками. Действия заводууправления, санкционированные местными властями, способствовали этому. Из того участка, который предназначался в надел рабочим по уставной грамоте, заводууправление

¹ ГАПО, ф. 65, он. 2, д. 639, л. 74; ГАПО, ф. 172, он. 1, д. 635, л. 92.

² В дальнейшем «губернское присутствие» или просто «присутствие».

³ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 639, л. 74; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 635, лл. 88—92 об.

предоставило им 11-ю часть земли — около 500 десятин рабочим Рождественской волости и 342 десятины церковным причтам. Кроме того, в 1899 году оно заменило два выпускных участка тремя другими, хотя большими по площади, но худшими по качеству. 31 октября 1900 года губернское присутствие утвердило эти изменения, несмотря на протесты со стороны рабочих, и 29 октября 1901 года пермский нотариус Казакевич оформил их соответствующими юридическими документами. Однако и новые площади не были ограничены в натуре. Как вследствие этого, так и потому, что рабочие не признавали законными сделанные изменения, они «строились, не разбирая границ, занимали вновь заводскую землю», а заводоуправление прибегало «к содействию суда», возбуждало иски о восстановлении нарушенного владения, о сносе построек и т. п.¹. В 1898 году было составлено 570, а в 1899 году — 650 протоколов².

Таким образом, к концу XIX — началу XX веков местные рабочие Кыштымских заводов юридически владели только приусадебной землей. Полевые и лесные угодия полностью находились в руках заводовладельцев.

Часть рабочих, которые на заводе выполняли вспомогательные работы, получала полевые и сенокосные участки от заводоуправления. До 5 десятин пахотных или сенокосных угодий им предоставлялось бесплатно, а за большие площади как с них, так и с неработавших на заводах лиц, заводоуправление взимало ежегодную плату. Следовательно, рабочие выступали не как землевладельцы, а только как землепользователи.

Об общих размерах землепользования рабочих Верхне- и Нижне-Кыштымских заводов в конце XIX века говорят следующие данные. В 1898 году у 2463 домохозяев или у 7198 душ мужского пола в пользовании находилось: пахотной земли 1984 десятины, а сенокосной — 4409 десятин, всего 6393 десятины. На каждую наличную душу мужского пола приходилось в среднем около 0,27 десятины пахотной и около 0,61 десятины сенокосной, а всего 0,88 десятины.

В фактическом пользовании рабочих Кыштымских заводов в конце XIX века на одну душу мужского пола приходилось почти в два раза меньше, чем предполагалось предоставить по уставной грамоте. Отсюда ясно, что та часть кыштымских рабочих, которые имели лошадей для выполнения различных вспомогательных работ на заводе, вынуждены были «самовольно» захватывать пашню и покос, что вызывало многочисленные к ним «иски» со стороны хозяев.

Чтобы избавиться от постоянных споров с рабочими на этой почве, заводоладельцы «ничего не имели» против отвода коренным кыштымцам «узаконенного земельного надела». 2 июня 1899 года Главное управление Кыштымских заводов в Петербурге сообщило главноуправляющему заводами в Кыштыме, что «оно пола-

¹ Государственный архив Челябинской области (в дальнейшем ГАЧО), ф. 172, оп. 1, д. 637, лл. 114, 118, 119; д. 635, лл. 88, 89.

² Там же, д. 637, л. 56.

гало бы возможным... предложить общему собранию господ владельцев совершить отчуждение на следующих условиях: владельцы Кыштымских заводов продают обществам Верхнего и Нижнего заводов, в коих по последней переписи числятся 7198 мужчин, в надел землю по 3 десятины на человека, а всего 21594 десятины ценою по 10 рублей за десятину. Земля должна находиться в одной окружной меже. Лес, если таковой окажется в черте отвода, остается в распоряжении заводоуправленцев. Что же касается до безвозмездной передачи земли, находящейся ныне под заимками, то Главное правление для сего основания не усматривает и согласиться на это не признает возможным»¹. Но завязанные по этому поводу переговоры с рабочими остались безуспешными.

Между тем, заводоуправление не прекращало своих репрессий против «самовольщиков». Это особенно усилилось в годы промышленного кризиса начала XX века, когда многие безработные вспомогательные рабочие Кыштыма пытались найти выход из нищенского существования в сельскохозяйственном труде.

В апреле 1902 года доверенный кыштымских мастеровых Л. В. Власов обратился с ходатайством на имя царя «об устройстве быта» его доверителей. После этого он просил заводоуправление «о приостановлении спорных дел с мастеровыми до разрешения в установленном порядке» ходатайства, поданного им Николаю II. Но заводоуправление игнорировало эту просьбу. Не получили положительного для рабочих решения и прошения, поданные в окружной суд и губернское присутствие.

Тогда в марте 1903 года Власов подал очередное заявление о положении дела с землеустройством кыштымских мастеровых члену Совета при министре внутренних дел Савичу, находившемуся на Урале «по высочайшему повелению» с целью ревизий Пермской губернии. 22 июля того же года Власов направил аналогичную «записку» пермскому губернатору.

В ней указывалось на то, что кыштымское заводоуправление не только «не приняло никаких мер по надлежащему обеспечению быта населения своих заводов», а наоборот, «начало всячески притеснять народ». Многие рабочие оказались в положении «самовольщиков». Администрация заводов обрушивала на непокорных суровые меры, по судебным решениям отбирала и продавала их имущество «за крайне ничтожные цены». Более того, «заводоуправление... ограничило, вопреки уставной грамоте, скотный выгон, оставило за собой много земли из общественной усадебной оседлости, а также... улицы, переулки, площади, пруд, реку и берега реки и пруда... даже если они были уже заняты жителями». Создавшиеся в результате этого условия «оказались крайне тяжелыми и стеснительными для населения», и оно решительно выступало против них. Однако, заводоуправление «как-то» добилося юридическое оформления всех своих мероприятий, столь разорительных для рабочих².

¹ ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 637, л. 166.

² Там же, лл. 109—110.

Ознакомившись с «запиской» Власова, пермский губернатор переслал ее управляющему Кыштымскими заводами П. М. Карпинскому, прося его высказаться в отношении её содержания в самом непродолжительном времени. Но Карпинский ответил губернатору по истечении почти девяти месяцев, 14 апреля 1914 года. Изложив историю земельного вопроса, начиная с реформы 1861 года, он писал, что «единственным выходом» из создавшегося положения могло быть только обязательное наделение кыштымских мастеровых земель при содействии правительства в уплате ими выкупа¹.

Между тем, производство на Верхне- и Нижне-Кыштымских заводах сократилось. Более того, начиная с середины 1905 года, заводоуправление стало несвоевременно выдавать заработную плату рабочим. Наконец, 31 марта и 31 июня 1907 года новый управляющий Кыштымским горным округом Онуфрович сообщил пермскому губернатору о том, что Главное управление решило закрыть с 1 сентября 1908 года названные заводы, «как убыточные в течение ряда последних лет». То же было сообщено Онуфровичем и земскому начальнику второго участка Екатеринбургского уезда. Вместе с извещением о предстоящем закрытии заводов сообщалось о готовности заводоладельцев выполнить соответствующие статьи закона 3 декабря 1862 года, а именно: «приступить к отводу мастеровым и рабочим земельного надела... в размере по состоянию заводской дачи»².

Объявление о намеченном закрытии заводов открывало перед кыштымскими рабочими мрачную перспективу. Кустарным промыслом они не могли заниматься ввиду отсутствия у них нужных для этого материалов, а сельским хозяйством — за неимением соответствующих навыков, необходимых орудий и достаточного количества земли. В 1907 году в бесплатном пользовании рабочих Сак-Элгинского и трех Кыштымских селений находилось 338 десятин усадебной и 2007 десятин окольной земли, которая была фактически натуральным видом части заработной платы рабочих. Кроме того, кыштымцы обрабатывали на правах аренды 728 десятин. Наконец, 4492 десятины были использованы «самовольщиками». Всего в пользовании кыштымских рабочих находилось тогда 7221 десятина; в четырех заводских селениях насчитывалось 9256 душ мужского пола³. Следовательно, на одну мужскую душу приходилось в среднем 0,74 десятины, включая сюда все виды внеусадебных угодий. Значит, с 1898 года по 1907 год среднедушевое пользование кыштымских рабочих не увеличилось, а уменьшилось на 0,14 десятины.

Но это не беспокоило ни местные и центральные власти, ни заводоуправление, что проявлялось в их бездеятельности по выполнению закона от 3 декабря 1862 года. Так, губернское присутствие только по получении двух сообщений заводоуправления о его на-

¹ ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 637, л. 121.

² ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 635, л. 234; д. 640, лл. 5—7; ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 3, 6, 7, 9 об., 42 об.

³ ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 635, лл. 208—209.

мерении закрыть Кыштымские заводы удосужилось послать 7 августа земскому начальнику распоряжение приступить к выполнению упомянутого закона, а тот, в свою очередь, обратился с соответствующими отношениями к волостному правлению и администрации завода только в конце месяца, хотя губернское присутствие предлагало ему сделать это «немедленно»¹.

Что же касается самих рабочих, то с их стороны по-прежнему не проявлялось никакого энтузиазма к наделению их земель. 1 сентября волостной старшина доносил земскому начальнику в ответ на его отношение, что объявленный им для обсуждения вопросов, связанных с их землеустройством, сход не состоялся за неприбытием достаточного числа домохозяев». Только во второй половине сентября и в октябре удалось провести сходы рабочих².

На этих первых сходах обнаружилось резкое расхождение во взглядах рабочих и заводоуправления на вопрос о наделе: Принятые собраниями рабочих постановления свидетельствуют о том, что они прежде всего стремились добиться отказа заводоладельцев от закрытия заводов, а в случае неуспеха в этом отношении и вынужденного со стороны мастеровых согласия на принятие надела, он должен был исчисляться не по ревизским душам, как хотелось сделать заводоуправление, а по числу наличного мужского населения³.

20 сентября 1907 года заводоуправление заявило, что готово дать надлежащие данные для составления проекта надела рабочих земель. В октябре оно сообщило, что уже приступлено к «составлению планов и других требующих данных» и что вся работа будет завершена в течение положенного по закону годовичного срока — ко второй половине ноября 1908 года⁴.

Только 4 июня 1908 года новый земский начальник Новиков запросил управляющего Кыштымскими заводами, в каком состоянии находится составление планов наделения рабочих земель. В своем ответе заводоуправление вынуждено было признать, что оно не производило «никаких работ»⁵.

15 июня состоялась предварительная встреча уполномоченных от мастеровых с земским начальником, а через 10 дней — первая официальная их встреча. На ней земский начальник предложил уполномоченным принять надел в размере 19805 десятин на 3961 ревизскую душу, то есть по 5 десятин на каждую. Кроме того, по словам земского начальника, в случае согласия рабочих на такой надел, заводоуправление обещало обеспечивать их лесом на кор-

---

¹ ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 635, л. 234; д. 640, лл. 5—7; ГАПО, ф. 65, д. 639, лл. 3, 7, 9 об., 42 об.

² ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, л. 10; ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, л. 8.

³ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 7-9, 21-23; д. 3206, лл. 13-15; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 8, 10, 26 об.; д. 635, лл. 205.

⁴ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 7-9, 21-23; д. 3206, лл. 13-15; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 8, 10, 26 об.; д. 635, лл. 205.

⁵ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 27-28; ГАПО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 20, 25, 27.

ню для топлива в течение двух лет и сохранить навсегда за ними право пасти скот и пользоваться покосами в горах. Не дав положительного ответа на предложение земского начальника, доверенные обещали ему довести эти условия до сведения своих однообщественников. Сходы последних состоялись 6 июля. На них было принято решение, по которому наделение должно было производиться «всеми видами угодий, а не только пахотной и сенокосной землей». Предлагавшийся заводоуправлением надел рабочие считали «недостаточным для удовлетворения потребностей населения»¹.

20 июля состоялось объединенное собрание мастеровых трех кыштымских селений. На нем был рассмотрен проект надела, который выработали доверенные мастеровых. Этот проект обосновывался, а упомянутый выше проект заводоуправления отклонялся следующими соображениями. Мужское население Кыштымских заводов в то время составляло 9498 душ, и поэтому, в случае принятия проекта заводоуправления, на каждую мужскую душу приходилось бы не пять, а только несколько более двух десятин, что признавалось явно недостаточным. Более того, часть надела, предлагавшегося заводоуправлением, находилась в Нязепетровской даче, расположенной в 100 верстах от Кыштыма. В виду этого, говорилось в проекте мастеровых, предлагаемый заводоуправлением надел мог только ухудшить положение населения, так как был мал, имел непригодную для сельского хозяйства землю, а население, истощенное материально, не в силах было удобрить и как следует обработать землю. Поэтому, указывалось далее в проекте мастеровых, приемлемым для них мог быть только надел по 15 десятин на каждую наличную мужскую душу, в том числе 6 десятин пахотной, 2 десятины запасной под будущие усадьбы, 3 десятины сенокосной и 4 десятины лесной. Такие размеры надела мотивировались в проекте рабочих тем, что в районе Кыштыма земля «низкого качества», была истощена и по «климатическим и другим условиям» являлась малопродуктивной. В проекте выдвигались следующие условия наделения рабочих землей:

все участки, предназначенные для будущих построек, отводятся вокруг соответствующего селения и без предварительной вырубki произрастающего на них леса заводоуправлением; покосы отграничиваются сплошным массивом для каждого селения таким образом, чтобы начинались сразу же за участками под будущие постройки; вся неудобная земля — болота, горы и т. д., не должна включаться в площадь надела; равно не включается в эту площадь земля, отведенная ранее заводоуправлением крестьянам села Рождественского и церковному причту, общей площадью 824 десятины и, наконец, все спорные участки;

в случае отвода в надел редкого леса, отводимая лесная площадь должна быть увеличена вдвое;

все полезные ископаемые на отводимой населению земле становятся его собственностью и могут разрабатываться заводоуправ-

---

¹ ГАЧО, ф. 172, он. I. д. 640, лл. 20, 25, 27; ГАПО ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 27, 28.

лением только по соглашениям с обществами мастеровых за определенную плату в их пользу;

выпасы, реки, мосты, дороги и т. п. остаются в общем пользовании, хотя ремонт их производится заводоуправлением, так как оно пользуется ими в большей степени;

в случае недовольства пахотной и сенокосной земли вокруг селений, недостающее количество ее должно быть компенсировано лесной площадью;

при увеличении наделов в других местностях страны по каким-либо государственным указаниям — отводимый надел соответственно будет увеличен;

впредь до завершения землеустройства мастеровых заводоуправление не должно рубить лес для продажи, а пользоваться им только для собственных нужд.

Выслушав и обсудив этот проект, сход утвердил его после внесения следующих дополнений:

надел отводится на такое количество наличных душ мужского пола, которое окажется не к 1909 г., а ко времени фактического осуществления надела;

на хозяйство вдов и сирот, хотя бы и не имевших членов семьи мужского пола, обязательно должно отводиться также по 15 десятин на наличную душу;

в надел должно быть добавлено еще по две десятины на наличную мужскую душу в счет «запасного надела» для обеспечения прироста населения¹.

30 июля заводоуправление уведомило земского начальника, что оно согласно на некоторые географические изменения в наделе, предложенном им, но категорически настаивало на том, чтобы лес и недра земли оставались за владельцами заводов и что в случае порчи земли при эксплуатации полезных ископаемых, оно готово на компенсацию рабочим путем отвода им равного по площади участка в другом месте; если рабочие не согласятся на это предложение — оно оставит все известные месторождения полезных ископаемых за собой, уменьшив таким образом соответственно надел мастеровых².

В это время в Кыштым прибыл член губернского присутствия А. А. Харлампович, посланный сюда губернатором, чтобы сдвинуть с мертвой точки вопрос о землеустройстве кыштымцев. По ознакомлении с состоянием дела он заключил, что «бесплодная переписка земского начальника с заводоуправлением, а также переговоры последнего с мастеровыми грозили затянуться на неопределенное время. Имея в виду телеграфное требование министерства внутренних дел, обязательно завершить землеустройство населения частновладельческих заводов к 15 октября 1908 года, он категори-

---

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 40—45, 74—78; ГАЧО, ф. 172, он. 2, д. 640, лл. 22—24.

² ГАЧО, ф. 172, он. 1, д. 640, л. 28.

чески предложил земскому начальнику закончить дело «непременно к 1 числу» октября 1908 года¹.

По возвращении 2 сентября в Пермь Харлампович написал докладную записку губернатору, в которой изложил свои впечатления от поездки в Кыштым и просил его санкционировать те распоряжения, которые были сделаны автором докладной земскому начальнику. Губернатор не только одобрил действия Харламповича, но и послал земскому начальнику предупреждение, что за невыполнение этих распоряжений против него будет возбуждено «дисциплинарное производство»². Опасаясь за себя, земский начальник поспешил известить волостного старшину и заводоуправление, что он назначил на 16 число заседание уполномоченных мастеровых и заводоуправления по вопросу наделения рабочих земель. Заводоуправление, кроме того, ставилось в известность, что вследствие невыполнения им проекта надела в течение положенного по закону срока, он приступил к его составлению лично за счет виновника³.

16 сентября состоялось назначенное земским начальником заседание, но не дало каких-либо положительных результатов. Дело в том, что представитель заводоуправления Обухов заявил отвод уполномоченным мастеровых, так как они не имели от своих доверителей полномочий решать вопрос в окончательном виде, а могли вести только предварительные переговоры. Поэтому земский начальник назначил очередное заседание через неделю. Но на этот раз собрание не состоялось по причине неявки представителя заводоуправления и было перенесено на следующий день.

На собрании 24 сентября возникла дискуссия о правомерности применения закона 3 декабря 1862 года в отношении мастеровых Сак-Элгинского общества, так как в это время наблюдалось «возрастающее действие Сак-Элгинских промыслов». Уполномоченный заводоуправления предлагал выделить вопрос о наделении сак-элгинцев в отдельное «делопроизводство», чтобы иметь возможность так или иначе принудить их принять земельный надел. Однако, уполномоченные рабочих решительно отклонили это предложение. Что же касается трех кыштымских селений, то было установлено, что для них «составление проекта надела с вычислением угодий не представляется возможным сделать ранее 1 ноября»⁴.

Результаты собрания в Кыштыме были сообщены 25 сентября земским начальником губернскому присутствию. 14 октября присутствие по докладу Харламповича постановило предложить земскому начальнику «принять все меры к завершению дела... к 1 ноября», несмотря на мотивы, высказанные на собрании в Кыштыме⁵.

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, л. 81 об; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, л. 52 об.

² ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 6—9; ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 32, 52.

³ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 369, лл. 46—47.

⁴ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 72—73, 79; ф. 172, оп. 1, д. 639, лл. 11; д. 640, лл. 45—46.

⁵ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 639, лл. 81—72; оп. 1, д. 320, лл. 17—18; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 52—53.

Но и это решение, как и большинство предыдущих, не было выполнено. Земский начальник созвал уполномоченных мастеровых, «посторонних добросовестных» и доверенного заводоуправления для проверки составленного последним только 15 ноября проекта дополнительного к уставной грамоте акта¹.

Основные положения этого проекта сводились к следующему:

1) на 3691 ревизскую душу трех кыштымских селений отводилось 19810 десятин удобной и 1127 десятин неудобной, а всего 20927 десятин земли за выкуп по цене, которая будет установлена особым актом, однако не ниже той, которая существовала в соседних владениях. В случае предоставления мастеровым правительственными учреждениями 195 десятин усадебной и 502 десятины предназначенной под будущие усадьбы земли — выкупной надел должен быть уменьшен на 697 десятин;

2) находившийся на предоставляемой в надел земле лес, за исключением 2752 десятин, которые отдавались мастеровым бесплатно вместо положенного по закону 3 декабря 1862 года двухгодичного обеспечения их топливом, оставался в собственности заводо-владельцев. Причем, по получении выкупной ссуды оно могло снять весь этот лес, выкорчевать пни и распорядиться тем и другим по своему усмотрению;

3) за акционерным обществом Кыштымских заводов сохранялось право свободного передвижения по земле, предоставляемой в надел мастеровым, с целью эксплуатации природных богатств как на этих землях, так и за их пределами. Более того, Общество могло проводить для этой цели по наделным землям различные дороги, включая рельсовые пути;

4) положение об условиях пользования выпасами оставалось таким же, каким оно было по уставной грамоте, но за акционерами в течение шести лет со дня введения в действие дополнительного к уставной грамоте акта сохранялось право назначать по своему усмотрению другие места для выпаса скота и добиваться «обязательного разверстания выгона»².

Таким образом, и этот проект ни в коей мере не мог удовлетворить мастеровых. Поэтому он вызвал вначале целый ряд вопросов и замечаний со стороны их уполномоченных, а когда на них были даны неудовлетворительные ответы — отказ уполномоченных от проверки относящихся к проекту акта документов. Земский начальник вынужден был «разбор дела отложить» до 30 ноября и проводить его уже на общем сходе, уведомив обо всем этом губернское присутствие³.

Но и на общем сходе земского начальника постигла неудача. Как только был прочитан проект акта, собравшиеся заявили: прежде чем высказать те или иные суждения по существу проекта, **они**

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, л. 92.

² ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 92, 99; ф. 38, оп. 1, д. 380, лл. 20—24; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 635, лл. 212—213.

³ Там же.

требуют проведения осмотра проектируемого надела в натуре. Но в виду того, что практически это можно было сделать только после стаяния снега, — обсуждение проекта отложить до проведения осмотра; заводоуправление не должно рубить лес для вывозки его за пределы дачи до тех пор, пока не будет окончательно решен вопрос о наделе; из площади предполагаемого надела должны быть исключены те покосы, которыми пользовались мастеровые до сих пор, не встречая возражения со стороны заводоуправления.

Земский начальник вынужден был первое требование схода удовлетворить полностью, второе — в той ее части, которая касалась намеченной в надел площади, а третье — «отложить до решения дела по существу»¹. 12 декабря он послал управляющему Кыштымскими заводами отношение, предложил ему выполнить его постановление относительно второго из указанных требований схода. В ответ он получил от управляющего сообщение о том, что заводоуправлению отдано соответствующее распоряжение. Но губернское присутствие приняло 16 декабря прямо противоположное решение: заводоуправление имело полное право производить рубку леса, так как «в силу закона 3 декабря 1862 года» должен отводиться «только земельный, а не лесной надел».

Это решение было сообщено доверенным мастеровых 9 января 1909 года, вызвав с их стороны крайнее недоумение. Доверенные обратились «за разъяснением» к ближайшему начальнику, то есть к земскому начальнику, а последний — к тому же присутствию. По-видимому, вследствие того, что губернское присутствие само не было уверено в том, что его решение соответствовало закону — вся переписка, касающаяся лесного надела, была им отправлена 11 февраля 1909 года в земельный отдел министерства внутренних дел².

Между тем, на должность земского начальника, занимавшегося вопросом надела кыштымцев, вместо Новикова был переведен из Красноуфимского уезда Лихачев, исполнявший там такие же функции. Он нашел, что этот приведенный выше проект в ряде пунктов не соответствовал закону 3 декабря 1862 года. В частности, по нему предлагалось отвести надел в двух местах и чересполосно, причем вдали от селений, между тем как по закону его следовало отводить одной площадью, примыкающей к селению. Отклонение от этого положения могло быть допущено только в том случае, когда его нельзя было выполнить точно по реальным условиям, причем, на то требовалось специальное разрешение губернского присутствия. Поэтому новый земский начальник запросил 26 февраля 1909 года у заводоуправления разъяснения по его предложениям, а на следующий день послал губернатору рапорт по поводу предстоящей работы в связи с постановлением своего

---

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 96—98, ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 635, лл. 231—232, 213; д. 640, л. 69.

² ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 101—102; ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 36—37; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 69, 72.

предшественника о необходимости осмотра проекта надела в натуре до его представления мастерским для окончательного утверждения. В рапорте поднимался ряд вопросов, которые неизбежно должны были возникнуть при таком осмотре, и содержалась просьба дать указания в отношении их решения. В частности, как следовало ему поступить при возникновении неизбежных споров между сторонами в определении качества земли: «снимать на планы все спорные участки, составляя при этом особые постановления» или же придерживаться данных заводской таксации в отношении их; кто и за чей счет должен быть приглашен для работы в качестве эксперта¹.

В присланном вскоре губернским присутствием ответе говорилось, что при решении споров сторон о качестве земли следовало придерживаться данных таксации, а работа эксперта должна оплачиваться за счет стороны, потребовавшей экспертизы. Получив такие разъяснения, земский начальник вынес постановление следующего содержания: предложить акционерному обществу в лице его уполномоченного выработать и представить в месячный срок новый проект, по которому надел примыкал бы к селению, или дать мотивировку, почему этого нельзя сделать; предупредить общество, что при выполнении им настоящего предложения, новый проект будет составлен за его счет земским начальником; объявить сторонам, что за ними остается право обжалования решения земского начальника в течение указанного в законе месячного срока; копию постановления направить губернскому присутствию².

Последний пункт был выполнен земским начальником на следующий день. При этом в особой записке на имя губернатора сообщалось, что имелась полная возможность видоизменить проект надела со значительными преимуществами в пользу мастерских и что в случае реализации указанных предложений было бы «устранено первое препятствие к принятию надела мастерскими». Вместе с тем в записке подчеркивалось, что при выполнении отмеченных условий до окончания землеустройства кыштымцев было далеко, так как, по мнению земского начальника, они выдвинули ранее наряду со справедливыми требованиями, например, отвод надела сплошным массивом вокруг селений, и «неразумные» требования, в частности, исчисление его не по ревизским, а наличным душам мужского пола, причем по 17 десятин на каждую из них, предоставление им значительной части леса и т. п.

15 мая земский начальник объявил, что с 1 по 21 июля будут проходить представление и проверка на месте дополнительного к уставной грамоте акта, составленного им самим в виду непредставления его заводууправлением в назначенный срок; предло-

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 105—106; ф. 38, оп. 1, д. 320, л. 28; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 75—76

² Там же, лл. 24, 108; ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 40—41; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, л. 88.

жил доверенным сторон с посторонними добросовестными явиться в волостное правление. Сообщая об этом присутствию и губернатору, он просил последнего командировать в Кыштым особый полицейский чин, так как не полагался на местную полицейскую стражу в деле предотвращения могущих возникнуть «беспорядков» при проверке акта. Но губернатор отказал земскому начальнику в его просьбе, предписав ему, однако, не допустить этих беспорядков силами местной полиции¹.

Между тем, по получении извещения о предстоящем предъявлении проекта акта, доверенные рабочих подали 17 мая в губернское присутствие жалобу на постановление земского начальника от 4 марта, считая его «преждевременным» и «неправильным» по следующим мотивам: во-первых, заводоуправление представило свой первый проект надела в то время, когда действие завода не только возобновилось, но и расширилось. Во-вторых, Лихачев не выполнил постановление своего предместника о предварительном осмотре предполагаемой в надел земли и хотел это сделать одновременно с предъявлением проекта, составленного без учета тех замечаний, которые могли бы последовать при проведении предварительного обозрения будущего надела. Таким образом, говорилось далее в жалобе, своим последним распоряжением Лихачев нарушил закон и формально и по существу. С формальной стороны нарушение закона выражалось в том, что без всяких оснований отменялось постановление такого же должностного лица. По существу же оно состояло в том, что лишало рабочих возможности получить доброкачественные земли, на что они имели право по закону. Более того, земский начальник нарушил все распоряжения губернского присутствия и указы Сената, которые требовали прежде чем начинать работы по наделению рабочих земель, точно установить, произошло ли в действительности сокращение производства или полное его прекращение, имея при этом в виду, что «временная остановка производства на заводе, вызванная не экономическим положением, а необходимым ремонтом и другими причинами временного характера», не могла служить к тому основанием. Между тем, все делопроизводство по наделению мастеровых Кыштымских заводов началось на основании «одностороннего и голословного заявления» заводоуправления о предстоящем «прекращении действия указанных им заводов».

Со своей стороны доверенные утверждали, что в действительности «никакого сокращения заводского действия» в смысле, указанном в законе 3 декабря 1862 года не было, а имела место только «временная приостановка деятельности заводов», вызванная «их переустройством с целью поставить их в экономическом отношении на прочное основание», то есть замена пудлингового способа получения железа мартеновским, введение электролитного

---

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 133—134, 136, 153; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, л. 97.

метода выплавки меди и т. п. Следовательно, земский начальник обязан был проверить, соответствовало ли действительности заявление заводууправления о сокращении и полном прекращении производства на Кыштымских заводах, но он этого не сделал. Поэтому доверенные мастеровых просили губернское присутствие предложить земскому начальнику возвратиться к отправной точке его действий: посредством опроса местных жителей и на основании свидетельства окружного инженера точно установить, «сокращалось ли и на сколько действие заводов и имеются ли основания для фактического осуществления закона 3 декабря 1862 года в отношении местных кыштымских рабочих».

Переходя к вопросу о размере надела, авторы жалобы писали, что предлагаемое заводууправлением наделение рабочих по 5 десятин на ревизскую душу не оправдывалось «ни общим смыслом..., ни буквальным содержанием, ни, наконец, обстоятельствами и временем... издания закона 3 декабря 1862 года». Если «этот закон имел целью дать возможность мастеровым, лишившимся работы за прекращением заводского действия, обеспечить свое существование землевладельческим трудом», то наделение их земель по проекту заводууправления не могло отвечать этой цели. Всего по этому проекту предлагалось отвести на 3961 ревизскую душу 19800 десятин. Но с 1858 г. до 1909 года мужское население кыштымских селений возросло до 9773 человек. Следовательно, в случае согласия мастеровых на принятие проекта заводууправления, на каждую мужскую душу пришлось бы фактически не по 5 десятин, а только по 2 десятины, что ни в коей мере не соответствовало размеру надела, который должен был быть отведен мастеровым по закону 3 декабря 1862 года для материального обеспечения их «в случае закрытия завода или уменьшения его действия».

В заключение своей жалобы доверенные мастеровых просили губернское присутствие: 1) предложить земскому начальнику до проведения предъявления и проверки на местах имеющегося в его распоряжении проекта дополнительного к уставной грамоте акта точно установить, имелись ли для этого основания; 2) в случае признания присутствием таких оснований — отменить постановление земского начальника от 4 марта 1909 года, согласно которому он составил проект дополнительного акта без предварительного осмотра предположенных к отводу в надел земель как им самим, так и представителями заинтересованных сторон; 3) разъяснить земскому начальнику, что предполагаемый надел должен исчисляться не на ревизские, а наличные души мужского пола¹.

Прежде чем отправить эту жалобу по назначению, земский начальник ознакомился с ней и вынес заключение, что она не ко-

---

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 141, 144; ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 63—65; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 635, лл. 214—216.

леблет его постановления от 4 марта и потому, отсылая жалобу, он принял решение продолжать свою работу по проверке и предъявлению составленного им акта. 18 мая он довел об этом до сведения сторон, а также губернское присутствие. Однако, под влиянием отосланной жалобы Лихачев сделал «весьма срочные» запросы по ряду адресов — окружного инженера, управляющего заводами, полицейского надзирателя и пристава шестого стана — о причинах остановки заводов в минувшие годы, о времени начала неисправной выдачи заводоуправлением рабочим заработной платы и ее причине, о причине продажи заводов другим владельцам и т. п. Окружной инженер и другие адресаты прислали по существу одинаковые ответы, связывая остановку заводов, переход их в руки акционеров, несвоевременную выдачу рабочим заработной платы с промышленным кризисом. Эти ответы укрепили земского начальника в решении продолжать намеченную им программу, несмотря на новые протесты со стороны доверенных рабочих¹.

1 июня 1909 года он созвал представителей сторон с приглашением посторонних добросовестных и полицейского с целью предъявления дополнительного акта. Как только был зачитан этот акт, один за другим выступили несколько доверенных мастеровых, по существу полностью отклоняя его. Все они заявляли о том, что считают правильной поданную ранее жалобу и сделанные недавно протесты. Особый упор рабочие делали на то, что у земского начальника и заводоуправления не было никаких законных оснований для наделения их землей. Мотивируя это положение, они приводили, помимо доказательств, изложенных в своей жалобе, и тот факт, что во время некоторого сокращения производства на самих заводах местные рабочие работали на заготовке шпал и перевозке колчедана в Соймоновских промыслах, принадлежащих тому же владельцу. Более того, в это время заводоуправление принимало на работу многих пришлых рабочих.

Таким образом, доверенные мастеровых в очередной раз настойчиво отстаивали мысль о том, что к наделению землей их доверителей не было оснований. Иначе говоря, они по-прежнему всячески сопротивлялись стремлению превратить их в земледельцев, от кого бы оно ни исходило.

Однако, земский начальник упорно настаивал на своем. Потерпев неудачу на этом заседании, он решил добиться успеха на последующих собраниях.

Второе собрание было созвано им 2 июня. По открытии его земский начальник предложил сторонам прийти к добровольному соглашению, но «такового не состоялось». Напротив, вновь возникли острые споры по всем основным пунктам проекта и не было достигнуто договоренности,

---

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 137, 139—144, 145, 148, 152, 157; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 635, л. 227; д. 640, лл. 102, 108, 119.

6 июня состоялось очередное собрание. Чтобы ослабить сопротивление со стороны рабочих, уполномоченный заводоуправления заявил от его имени, что оно готово сделать определенные уступки в пользу рабочих, если их доверенные дадут принципиальное согласие на получение надела. В частности, оно согласится представить рабочим более широкие возможности в пользовании лесом и его растительностью, а также другими угодьями — покосами, строительным материалом и т. п. Это были лживые обещания. В действительности заводоуправление не хотело делать каких бы то ни было уступок в пользу рабочих. В поданном после этого собрания земскому начальнику «разъяснении» уполномоченный заводоуправления писал следующее. Обещанные им льготы могли иметь место только до тех пор, пока Кыштымская волость будет существовать в неизменном виде как юридическая единица, а заводы не изменят характера или объема производства. Отпуск леса на льготных условиях заводоуправление намерено было производить только тем рабочим, к которым оно не будет иметь никаких претензий, да и то только в том случае, если отпуск не вызовет отрицательных последствий для лесного хозяйства заводоуправляющих. Бесплатное пользование рабочими глиной, песком и другим строительным материалом могло быть прекращено заводоуправлением в любое время; то же говорилось относительно сбора в лесу ягод, грибов и пр.

С 8 по 12 июня состоялось несколько выездов земского начальника совместно с доверенными мастеровых и экспертом Сазоновым по осмотру в натуре запроектированного надела, в частности, по определению качества почвы. По-видимому результаты этих выездов оказались неблагоприятными для заводоуправления: рабочие не проявляли желания принять предлагаемый им проект надела. Тогда заводоуправление решило перейти от лживых обещаний уступок в пользу рабочих к прямому и грубому давлению на них. 13 июня оно заявило, что если рабочие откажутся от принятия предлагаемого им надела, то их дети будут лишены тех льгот, которыми они пользовались при обучении в заводской школе. Но и эта угроза не возымела действия на рабочих. При обсуждении 25 июня результатов выездов их доверенные вновь заявили о своем несогласии принимать предлагаемый заводоуправлением надел. Свое требование доверенные обосновывали тем, что предлагавшаяся в надел земля была низкого качества в смысле использования её в сельскохозяйственном отношении¹.

Такая же характеристика предлагавшейся в надел земли со стороны доверенных мастеровых полностью совпадала с описанием ее экспертом Сазоновым. Он отмечал, что «типичного чернозема» здесь не встречалось совсем. Был обнаружен «лишь один участок с почвою, по своим внешним признакам схожую с целинным черноземом соседних ковыльных степей», причем размер это-

¹ ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 145—147.

го участка не превышал «нескольких десятков десятин». В четырех квадратах полностью, а в трех квадратах частично господствовали щебеночные и каменистые почвы, с многочисленными выходами камня на поверхность в виде скал, гряд, осыпей и т. п.; поверхность во всех этих квадратах «бугристая»; мелкозем часто совершенно отсутствовал; преобладал мертвый почвенный покров в виде хвои и шишек, причем слой его был тонким; живой покров—лишайники и, редко, цветковые однолетние травы — почти не встречался. В целом почвы в этих квадратах характеризовались как мелкие и по своему свойству, и по поверхности относились к категории «непригодных для обращения в сельскохозяйственное пользование». Большая часть их находилась под сосновым лесом. В 22 следующих квадратах, покрытых полностью лесом, почвы по своему характеру близко подходили к почвам предыдущей группы квадратов.

Подобную же характеристику почвам предполагаемого надела вынужден был дать и уполномоченный заводоуправления.

Но уполномоченные от мастеровых в тот же день, 25 июня, направили земскому начальнику отношение, в котором заявили вновь, что в случае наделения их доверителей землей, размер надела должен быть по 17 десятин на наличную мужскую душу, а не по 5 десятин на ревизскую, как этого добивалось заводоуправление. Заводоуправление заняло иную позицию. Оно торопило земского начальника довести до конца предъявление старого его проекта надела. Уполномоченный заводоуправления передал земскому начальнику все относящиеся к старому проекту материалы и рекомендовал ему отклонить требование доверенных от мастеровых. Под влиянием этого Лихачев не стал дожидаться ответа на свой последний запрос, а назначил на 30 июня последнее заседание по предъявлению старого проекта надела. Оно состоялось в назначенное время. Доверенные от рабочих и в этот раз отказались принять проект. Но земский начальник, стемясь удовлетворить желание заводоуправления, прибег к «особым узаконениям» и, основываясь на них, вынес заключительное постановление, которое гласило, что «дело поземельного устройства в Кыштыме в первой инстанции надлежит считать оконченным»¹.

Подобным же образом был решен 9 июля вопрос об обеспечении мастеровых топливом. Уполномоченный заводоуправления предложил отвести для этой цели на полтора года в пользование мастеровых 6 лесных квадратов общей площадью, по его сведениям, 900 десятин, а по данным эксперта — 809 десятин, то есть по 0,25—0,23 десятины на ревизскую душу. Доверенные мастеровых требовали надела по числу наличного мужского населения. Однако, земский начальник утвердил предложение уполномоченного заводоуправления. Причем, он предупредил представителей рабочих, что если они откажутся принять дополнитель-

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 2, д. 639, лл. 265—266; ф. 38, оп. 1, л. 320, л. 84. ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 192—194.

ный к уставной грамоте надел — отводимый лес вновь отойдет к владельцам заводов. Но и после этого доверенные от рабочих отказались подписать протокол¹.

Но решая официально так вопросы о поземельном устройстве мастеровых, земский начальник в секретной переписке с губернскими властями по существу признавал правильными требования рабочих. Так, в представленном 5-го августа пермскому губернатору докладе он писал, что утвержденный им проект надела был «малопригоден» для земледелия и не отвечал закону 3 декабря 1862 года в смысле материального обеспечения мастеровых, которые лишились бы работы на заводе. Поэтому в случае прекращения действия Кыштымских заводов «единственным надежным источником существования» для местного населения могла служить только «кустарная промышленность», но никак не сельское хозяйство. Для развития среди кыштымцев промысла крайне необходим был лес. Между тем земельный надел не имел особых лесных участков промыслового характера. Лесные площади, вошедшие в утвержденный им проект земельного надела, при личном его осмотре оказались такими, что после снятия имевшегося на них леса большая часть площадей неизбежно должна была превратиться в каменистую пустыню, на которой долгое время не могли бы расти «ни лес, ни тем более хлеб». В заключение письма земский начальник признавал надел не удовлетворяющим «даже самые скромные желания мастеровых». В виду этого он просил губернатора войти с ходатайством в министерство о наделении кыштымцев промысловым лесом, «хотя бы путем покупки его у заводоуправления за счет переселенческих сумм». Более того, в записке, посланной в губернское присутствие, он доказывал необходимость перечисления надела из седьмой местности в восьмую второй полосы Местного Великорусского Положения с тем, чтобы можно было отвести мастеровым не по пять, а по шесть десятин на ревизскую душу, на что, по его словам, согласилось позднее даже заводоуправление².

Между тем, 31 августа — 28 сентября доверенный мастеровых, присяжный поверенный Тюшев подал жалобу в губернское присутствие на постановление земского начальника от 30 июня. В ней он доказывал полную обоснованность жалоб его доверителей от 18 и 31 мая, в частности, в отношении неправомерности применения к мастеровым кыштымских заводов закона 3 декабря 1862 года, и того, что надел был исчислен по ревизским, а не по наличным мужским душам. Придерживаясь по тому и другому вопросу точки зрения своих доверителей, Тюшев просил присутствие не утверждать проекта дополнительного к уставной грамоте акта, утвержденного земским начальником 30 июня, а предложил ему составить новый проект надела на основании изложенных в жалобе положений³.

¹ ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 635, л. 48.

² ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 85—88.

³ Там же, лл. 102—104; 108—110; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 169—173.

Присутствием эта жалоба была рассмотрена 17 ноября. По докладу своего неперменного члена Егорьева оно вынесло «определение», которым «все производство земского начальника... по введению в действие дополнительного к уставной грамоте акта об отводе надела мастеровых Верхне- и Нижне-Кыштымских заводов» отменялось и ему вновь предлагалось выяснить, «произошло ли сокращение действия названных заводов». Но вместе с тем отклонялось и ходатайство доверенных мастеровых о предоставлении рабочим, в случае наделения их земель, по 17 десятин на наличную мужскую душу¹.

По получении об этом извещения Тюшев подал 10 января 1910 года жалобу в Сенат. Он просил отменить упомянутое постановление губернского присутствия по последнему пункту с разъяснением, что «при наделении мастеровых Кыштымского завода расчет надела должен производиться не на ревизские души, а на наличные и что, в видах обеспечения мастеровых по свойству почвы Кыштымской дачи, отвод надела должен быть произведен с сохранением за ними растущего на наделе леса².

Ответ Сената на эту жалобу был дан лишь по истечении двух с лишним лет. 8 мая 1912 года Сенат нашел «не заслуживающим уважения» доводы Тюшева о наделении его доверителей «с расчетом по три десятины на одну» в виду низкого качества почвы, а также «необоснованными притязания доверителей жалобщика на особое обеспечение их лесом». Вместе с тем он нашел неверным мнение губернского присутствия о предоставлении мастеровым надела по ревизским, а не по наличным душам мужского пола. Поэтому Сенат «определил» постановление пермского губернского присутствия от 17 ноября 1909 года «отменить для нового рассмотрения дела»³.

Приняв указ Сената «к сведению и исполнению» 24 мая, пермское присутствие предложило 6 июня земскому начальнику второго участка Екатеринбургского уезда приступить «к новому рассмотрению дела». По получении такого распоряжения, 10 июня земский начальник ознакомил с ним и с указом Сената стороны, причем уполномоченные от мастеровых опять просили земского начальника распорядиться «о составлении Кыштымским заводоуправлением нового проекта надела по наличным душам мужского пола душам и о воспреещении заводоуправлению рубки леса на проектированных в надел землях». Распоряжение Лихачева заводоуправлению от 29 июня коснулось только первой части этой просьбы, причем выполнялось оно весьма медленно. 30 октября земский начальник вновь назначил заводоуправлению двухмесячный срок на «представление исправленного дополнительного к уставной грамоте проекта». Но по истечении срока новый проект не

¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 116—119; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, лл. 212, 215.

² ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 121—125.

³ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 145—160; ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 640, л. 122.

был готов. Заводоуправление объясняло это тем, что волостное правление не представило якобы сведений о числе наличных мастеровых мужского пола: подворная перепись, начатая в середине ноября 1912 г., затянулась до марта следующего года. Новый проект заводууправление представило земскому начальнику только 15 мая 1913 года, а предъявление его мастеровым состоялось почти через 4 месяца. Ради ускорения предъявления, доверенные мастеровых подали 28 августа жалобу товарищу министру внутренних дел, сенатору и тайному советнику Лыкошину, который объезжал в то время заводы Урала и побывал в Кыштыме. Но это не ускорило дела¹.

2 сентября 1913 года земский начальник рассмотрел проект надела, представленный ему заводоуправлением 15 мая. По этому проекту в надел мастеровым предполагалось отвести только 20467 десятин, то есть опять-таки по 5 десятин на ревизскую душу, исключая из указанной площади неудобную землю. Иначе говоря, заводоуправление предлагало старый надел. Между тем, при отводе на 9773 человека мужского пола, считая даже по 5 десятин на душу, как это требовалось по указу Сената и распоряжению губернского присутствия, необходимо было отвести 48865 десятин. Таким образом, по проекту заводоуправления предполагалось отвести в надел мастеровым в два с лишним раза меньше земли, чем это требовалось законом. Заводоуправление мотивировало свой проект тем, что при отводе рабочим положенного по закону размера надела создавалась якобы угроза недостатка леса на топливо для действия заводов. Но оно в очередной раз грешило против истины. При Верхне- и Нижне-Кыштымских заводах имелось 132144 десятины удобной земли и, как утверждал земский начальник, заводоуправление могло безболезненно для производства на заводах отвести мастеровым надел «в установленном законом размере». По проекту заводоуправление вновь оставляло за собой право рубить лес и корчевать пни на проектированных в надел участках в течение шести лет с момента введения в действие дополнительного к уставной грамоте акта; предусматривало отпуск леса на топливо не из своих земель, а из отводимых в надел площадей. Заводоуправление оставляло за собой право распоряжаться выгоном и проводить через надельные земли всякого рода дороги к местам, оставшимся в его руках, но расположенным среди надельной площади. Оно сохраняло за собой право выграничивать из надела площади с залежами руд (прииски) и торфяники, с отводом вместо них земли в других местах. Все это резко противоречило закону.

Поэтому, не принимая во внимание личное указание Лыкошина, земский начальник постановил рассмотренный им проект «возвратить заводоладельцу для исправления в двухмесячный срок»².

¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 145—160, 163—164. 173 об.—174, 180; ГАЧО, ф. 172, оп. 2, д. 640, лл. 1—2.

² ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 168—177.

Но поверенный акционерного общества Кыштымских заводов Герц, заступивший вместо Обухова, подал 30 сентября в губернское присутствие прошение об отмене приведенного постановления земского начальника и о предложении ему ввести в действие проект дополнительного к уставной грамоте акта от 15 мая. Но это ходатайство присутствие оставило 12 октября «без последствий», после чего Герц подал жалобу на последнее решение присутствия в Сенат¹.

Ожидая ответ Сената, заводоуправление все же вынуждено было выполнять последнее решение земского начальника, одобренное губернским присутствием. 5 ноября 1913 года оно представило Лихачеву новый проект дополнительного к уставной грамоте акта. По этому проекту в надел мастеровым намечалось отвести по 5 десятин на наличную душу мужского пола в общей сложности 48865 десятин, но опять-таки в двух дачах: 28865 десятин в Кыштымской и 20 000 десятин в Нязепетровской; надел в последней даче должен был отводиться в 50—65 верстах от Кыштыма, причем разбросан был чересполосно.

Уполномоченные от мастеровых решительно отказались от принятия надела в Нязепетровской даче, мотивируя это дальностью расстояния, и требовали отвода равной по площади и качеству земли вокруг Кыштыма. Заводоуправление согласилось дать им в надел в Кыштымской даче еще 9000 десятин, но настаивало на получении ими остальных 13000 десятин в той же Нязепетровской даче. Уполномоченные от рабочих упорно добивались отвода им всего надела в Кыштымской даче.

Вследствие этого и зная, что заводоуправление не включило в новый проект надела до 7000 десятин удобной земли, которую оно ранее само же соглашалось отвести в надел населению, а также не включило в него еще до 4000 десятин, находившихся в фактическом пользовании последнего, земский начальник не утвердил вариант проекта, предложенный заводоуправлением. Составив свой проект, земский начальник включил в него 28865 десятин, предложенных по проекту от 5 ноября, 9000 десятин, добавленных им при его «проверке», и 6000 десятин из числа указанных 7000 десятин, а всего 43865. Остальные 5000 десятин, недостававших до общей запроектированной площади надела, заводоуправление должно было отвести «по смежности с вышеупомянутыми землями» по своему усмотрению².

Заводоуправление выступило против этого проекта. Более того, как говорилось в телеграмме уполномоченных мастеровых, поданной председателю Совета Министров 31 января 1914 года, заводоуправление продолжало отбирать у рабочих полевые угодья, ломать постройки и описывать их имущество за пользование землей, находившейся в их распоряжении в течение сотни лет, в результа-

¹ ГАПО, ф 38, оп. 1, д. 320, лл. 179, 187.

² Там же, лл. 186, 198.

те чего сложилось «положение вопиющее»¹. Количество «дел» о якобы самовольных захватах земельных угодий кыштымцами с колебаниями росло: в 1909 году их было заведено 673, в 1910 — 866, в 1911 году — 632, в 1912 году — 720 и в 1913 — 802. Решались же эти дела по-прежнему «довольно странным образом»: в течение 4—5 часов «разбиралось 100 и более «дел». Доводы рабочих даже не заслушивались, так как заводоуправлению нужен был только обвинительный приговор «в отношении того или другого «самовольщика»².

В течение декабря 1913 года — февраля 1914 г. земский начальник неоднократно пытался созвать собрание уполномоченных сторон для «проверки» составленного им вышеупомянутого акта. Однако это ему не удавалось сделать, главным образом, вследствие отрицательной позиции в отношении этого проекта со стороны владельцев заводов, которая нашла свое отражение, в частности, в следующем. 21 и 25 февраля Лыкошин телеграфировал пермскому губернатору, что Главное правление акционерного общества Кыштымских заводов заявило министерству внутренних дел о своем несогласии с проектом надела, составленного земским начальником, по причине того, что включение в него ближайших к заводу лесов и рудосодержащих площадей якобы поставило под угрозу «судьбу» заводов вплоть до закрытия их; что осуществление проекта земского начальника будто бы грозило «серьезной опасностью для общественного порядка и спокойствия»³.

Только 7 марта 1914 года земскому начальнику удалось добиться явки доверенного заводоуправления на собрание, посвященное предъявлению дополнительного к уставной грамоте акта, составленного земским начальником.

Но и этот проект мало чем отличался от проекта заводоуправления, поданного им земскому начальнику 5 ноября 1913 года. В нем указывалось, что на 9773 наличных души мужского пола должно быть отведено 697 десятин усадебной, 1820 — пахотной, 5100 — покосной, 7450 — леса по сырой почве и 34495 — по суходолу; итого удобной земли — 49562 десятины. Кроме того, в надел входили 7805 десятин неудобной земли — пески, болота, овраги и т. п., а всего предполагалось отвести 57365 десятин. Относительно рудников и хозяйственных построек, дорог, водопоев и выгонов, а также порядка и размера выкупа в проекте земского начальника говорилось по существу то же, что и в упомянутом проекте заводоуправления⁴.

Во время предъявления этого проекта уполномоченные мастера выказывали полное свое несогласие с ним. В частности, они указывали на то, что в проекте было указано усадебной земли почти на 70 десятин больше, чем имелось в действительности, и про-

¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, л. 200.

² ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, л. 265; оп. 2, д. 87, лл. 1—8.

³ Там же, лл. 191—197, 202—206.

⁴ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 198, 219—222, 239, 241, 226—236; 247—248, 251, 377—378.

сили, в случае отвода надела, увеличить его площадь в указанном размере. Они требовали также заменить выражение «лесные площади» словами «земельные площади с растущим на них лесом», так как фактически лес был здесь уже вырублен заводоуправлением. Они, кроме того, настаивали, чтобы рудники и постройки заводоуправления, оставшиеся на проектированной в надел площади, были точно указаны и описаны во избежание недоразумений в будущем. Они, наконец, говорили, что в проекте акта следовало указать о том, что заводоуправление могло строить конно-железные и другие дороги, а также прокладывать телеграфные линии по селениям только с разрешения местных органов самоуправления и т. п. Однако, земский начальник отклонил все эти требования и утвердил свой проект¹.

11 апреля уполномоченный рабочих Тюшев подал жалобу в губернское присутствие, в которой повторил изложенные выше требования доверенных мастеровых и свои собственные соображения на этот счет. В частности, в жалобе указывалось, что дополнительный к уставной грамоте акт до предъявления его доверенным в натуре в полном объеме не проверялся; что в надел были включены болота при наличии у заводоуправления удобной земли, примыкавшей непосредственно к селениям; что предложенный проект надела содержал чересполосицу. Ввиду этого Тюшев просил присутствие отменить постановление земского начальника от 7 марта. Этого же добивался и доверенный заводоуправления Герц, хотя и по другим мотивам: он настаивал на утверждении присутствием проекта заводоуправления от 5 ноября 1913 года. Эту же цель преследовало само Главное правление Акционерного общества Кыштымских заводов ходатайством перед земским отделом министерства внутренних дел².

Между тем, заводоуправление продолжало свою самоуправную расправу с «самовольщиками», удаляло их силой с участков, которыми они пользовались ранее, описывая их домашнее имущество и т. д. Это вызывало резкое недовольство и поток жалоб в министерство внутренних дел и другие органы власти.

Не без влияния этого обстоятельства 1 июля 1914 года состоялось заседание пермского губернского присутствия. Оно обсудило доклад неперменного члена Лихачева о постановлении земского начальника от 7 марта и указанные выше жалобы сторон. Присутствие решило отменить названное постановление и предложило земскому начальнику «без всякого промедления» предъявить уполномоченным мастеровых измененный проект надела, после чего просмотреть все делопроизводство вновь, представив его в присутствие с подробными объяснениями всех споров, которые могли иметь место между сторонами. Это постановление успокоило Главное правление акционерного общества Кыштымских заводов за судьбу

---

¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 198, 219—222, 226—236, 239—241, 247, 248, 251, 377—378.

² Там же.

его заводов и позволило ему продолжить репрессивные действия в отношении рабочих.

Между тем, ввиду начавшейся вскоре первой мировой войны, решение дела «в установленном законом порядке» шло еще медленнее. 7 апреля 1915 года Тюшев писал в губернское присутствие, что хотя со времени последнего постановления присутствия прошло уже девять месяцев, «миновало лето и осень прошлого года, когда можно было предъявить надел в натуре и разрешить на месте путем осмотра все возбужденные сторонами споры и сомнения относительно качества и местоположения предназначенных в надел участков, и наступила весна текущего года, все осталось без движения». Выражая опасение, что и будущее лето может оказаться для «дела» столь же бесплодным, как и прошлое, несмотря на распоряжение присутствия от 1 июля», Тюшев просил «ускорить движение настоящего дела». Лишь после этого губернское присутствие вспомнило о своем прежнем решении и в очередной раз «грозно» предложило 16 апреля 1915 года земскому начальнику «с первой же отходящей почтой, по получении сего», представить в Пермь сведения о положении «дела». Но в посланном 20 апреля ответе земский начальник сообщил присутствию, что проект надела в натуре еще не осматривался и уполномоченным мастеровых «не предъявлялся»; что сделать это он был намерен «лишь по ста-янии снегов», прося для этой операции земельных техников губернского присутствия. Получив такое сообщение, присутствие направило 13 мая в его распоряжение землемера Головина¹.

Казалось бы, что после этого землеустройство кыштымцев должно было оживиться, но этого не произошло. 30 мая новый уполномоченный заводууправления Чернышев, сменивший Герца, направил Пермскому губернатору отношение, которое не только не содействовало, а препятствовало выполнению решения присутствия от 1 июля 1914 года. Ссылаясь на циркуляр главноуправляющего земледелием и землеустройством, которым было «преподано приостановить производством дел по землеустройству местного населения по случаю происходящих военных действий», Чернышев просил губернатора отложить «дело» и в отношении кыштымских рабочих «до окончания военных действий и возвращения на родину мастеровых, призванных на военную службу». Но если бы губернатор счел по каким-либо причинам такую отсрочку неудобной, то Чернышев просил его сделать два указания, выполнение которых практически приводило к тем же результатам. Во-первых, губернатор должен был дать указание новому земскому начальнику Симонову по составлении проекта дополнительного к уставной грамоте акта не утверждать его самому, а ограничиться пересылкой «на благоусмотрение губернского присутствия». Причем, решение земского начальника, получавшее, таким образом, предварительный характер, не могло быть «приводимо в исполнение»

---

¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 310, 312—315 об.

до истечения срока на обжалование, а при подаче последнего до получения ответа вышестоящих органов, включая Сенат. Во-вторых, губернатор должен был предложить землемеру и земскому начальнику «избегать впредь, до окончания дела, постановки в натуре каких-либо, хотя бы и временных, межевых, граничных знаков» и т. п.

К этому следует добавить, что земский начальник сам тормозил выполнение постановления губернского присутствия от 1 июля 1914 года. Как неоднократно отмечалось в жалобах сторон в губернское присутствие с июня по декабрь 1915 г., земский начальник нарушал правила составления и проверки нового проекта надела. Это вызывало необходимость неоднократной переделки проекта с последующими их обсуждениями¹.

Таким образом, практически решение вопроса затягивалось на неопределенное время.

28 ноября 1915 года по настоянию заводууправления был решен вопрос о необходимости геологической экспертизы участков, оставленных вне проекта надела и примыкавших к заводу, чтобы выяснить, какие из них необходимо было оставить для заводов. Экспертизу давал маркшейдер Уральского горного управления Шурупов. Только 23 декабря были окончены прения сторон по данным экспертизы участков, ранее запроектированных в надел. Экспертиза других участков и связанные с нею споры сторон затянулись до конца марта — начала апреля 1916 года, причем, остается неизвестным, чем они закончились².

4 мая 1916 года земский начальник направил в присутствие проект дополнительного к уставной грамоте акта, со всеми относящимися к нему материалами. Сам же он ничего из отосланного не утверждал, по-видимому в соответствии с отмеченным выше желанием доверенного заводууправления. Он только отметил, что надел и его границы предъявлялись доверенным мастеровых в натуре и что копии проекта акта им были высланы сторонам для получения от них замечаний, но только по редакционной стороне документа. Один экземпляр проекта земский начальник оставил у себя для окончательного предъявления сторонам в ближайшем будущем.

Встреча сторон состоялась 26 июня. Как оказалось, земский начальник не внес никаких изменений в проект надела, составленный и утвержденный его предшественником 7 марта 1914 года. Тем не менее и он предложил сторонам «учинить мировую сделку», а когда этого не последовало, то ограничился формальным протоколированием их письменных и устных возражений. Причем, он признавал эти возражения «не заслуживающими уважения», а потому свою редакцию дополнения к уставной грамоте находил правильной³.

---

¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 317–318, 322–338.

² Там же, лл. 339–353.

³ Там же, лл. 364–365, 374–376, 379–385.

Несомненно, такое решение не могло удовлетворить ни одну из сторон и, подобно предыдущим, оно было обжаловано ими в губернское присутствие. Каков был ответ последнего и был ли он дан, — документы, относящиеся к этому делу, ничего не говорят вплоть до конца 1916—начала 1917 гг.¹ Да и какое практическое значение могло иметь любое постановление присутствия, если бы оно имело место в указанное время. Осень и зима не позволяли исполнять его на практике. Не смогла содействовать осуществлению проекта и февральская революция, в результате которой власть перешла к буржуазии.

Сделаем некоторые выводы. Землевладение и землепользование местных кыштымских рабочих оставалось не урегулированным в течение всего пореформенного периода, вплоть до 1917 года. Действия хозяев завода, а также местных и центральных властей преследовали антинародные цели и поэтому настойчиво отвергались рабочими. Рабочие, выступая вообще против идеи превращения их в землевладельцев, соглашались на получение надела только в самых крайних обстоятельствах. В таких случаях они настойчиво добивались максимального надела, который позволил бы им перейти к непривычному для них земледельческому труду. Против этого решительно возражали заводовладельцы и защитники их интересов — местные и центральные органы власти. Ввиду естественного роста населения фактическое землевладение и землепользование рабочих Кыштымских заводов в течение пореформенного времени не увеличилось, а уменьшилось.

---

¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 320, лл. 358, 363 и др.

М. И. Черныш

ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД С 1861 ПО 1905 ГОДЫ

На протяжении всего сорокалетнего периода пореформенной истории России «гвоздем» борьбы крестьянства являлись крепостнические латифундии. Крестьяне боролись за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а также и во всех ее социальных и политических учреждениях.

Сила и массовость движения крестьянства определялись не только тяжестью пережитков крепостничества, но и степенью и глубиной развития аграрного капитализма. В развитии аграрного капитализма кроются и причины раскола крестьянства, как класса крепостного общества, на две антагонистические группы - на сельскохозяйственный пролетариат и на кулачество.

Поэтому «первой задачей всякого исследования об аграрном вопросе в России является установление основных данных для характеристики классовой сущности аграрных отношений»¹. Для этой цели необходимо рассмотреть эволюцию землевладения после отмены крепостного права в России и развитие как помещичьего, так и крестьянского хозяйства.

В. И. Ленин в своих классических работах («Развитие капитализма в России»², «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции»³ и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»⁴ дал глубокий анализ основных черт процесса развития капитализма в России в целом, «предоставляя дальнейшим исследованиям более специальное изучение его»⁵.

Задача настоящей статьи — установление данных для характеристики сущности аграрных отношений в Пермской губернии —

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, изд. 4, стр. 107.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, гл. II. III и IV.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 195—196.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 53—125.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 4.

основного района горнозаводского Урала. Наше внимание будет сосредоточено в основном на характеристике эволюции землевладения и на развитии помещичьего и крестьянского хозяйства, причем вопрос расслоения крестьянства не рассматривается, т. к. рамки настоящего сборника не позволяют это сделать сейчас. Автор рассчитывает вторую часть данного исследования опубликовать в ближайшем будущем.

Пермская губерния имела некоторые свои особенности социально-экономического развития. Во-первых, землевладельцами здесь выступали горнозаводчики и казна, а «чистых» помещиков было немного и их роль в развитии сельского хозяйства была незначительна. Огромными земельными площадями часть горнозаводчиков владела на «посессионном» праве и на праве майоратства, т. е. на праве неотчуждаемости и нераздельности. В губернии были местности наиболее многоземельные и строго земледельческие, как Шадринский, Камышловский и Ирбитский уезды, земледельческие части Екатеринбургского и Красноуфимского уездов на юго-востоке и Осинского, отчасти Оханского, Кунгурского уездов на юго-западе губерний, и малоземельные, в смысле наличия удобных пахотных земель, промышленные, как Чердынский, Соликамский, Верхотурский уезды, прилегающие к Уралу, и части Пермского, Екатеринбургского и Красноуфимского¹.

Преобладающим населением губернии были бывшие государственные крестьяне. Среди сравнительно многоземельных государственных крестьян меньше царил кабала и быстрее развивалась крестьянская буржуазия. Крестьянское хозяйство горнозаводских районов губернии было тесно связано с заводскими работами. Здесь громадное значение имели «промыслы», как в смысле работы по найму, так и в смысле неземледельческих занятий. Немаловажную роль в развитии торгового земледелия в крестьянском хозяйстве играли Сибирский тракт, Ирбитская ярмарка и торговые центры (меновые дворы) с Казахстаном и Средней Азией, находившиеся в Оренбурге и Троицке.

В дореволюционной историографии вопросу движения землевладения в Пермской губернии в пореформенный период и положению крестьянского хозяйства было уделено немало внимания. На первое место должны быть поставлены работы видного статистика Пермского земства Е. И. Красноперова² и деятелей Пермского губернского и уездных земств: В. Г-ль³ (В. Грибеля), Хомя-

¹ См. «Материалы к оценке земель Пермской губернии». Свод сообщений добровольных корреспондентов за трехлетие с 1898 по 1900 год. Пермь, 1903, стр. 19.

² Е. И. Красноперов. Енапаевская волость. Экономическое исследование. Сборник Пермского земства (в дальнейшем СПЗ), 1883, кн. I, год 12-й, отд. III, стр. 1—189; Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права. Историко-статистический очерк, Пермь, 1887; Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890—1891 гг., вып. I, Пермь, 1896.

³ В. Г-ль. Поземельная собственность в Пермской губернии. Изд. Пермского статистического комитета, Пермь, 1886.

кова¹, И. С. Сигова², Пав. Сивкова³, Н. Скалозубова⁴, П. Н. Зверева⁵, П. Голубева⁶, И. Д. Прокошева, Р. В. Ризположенского⁷ и других.

Однако собранный земскими статистиками до 80-х годов материал о крестьянском хозяйстве сгруппирован большей частью по методу «средних» цифр и подан в духе народнической концепции социально-экономического развития пореформенной деревни. В последующее время Е. И. Красноперов, И. С. Сигов, Н. Скалозубов, П. Н. Зверев и некоторые другие земские статистики в своих лучших работах, перейдя «к единственно-научной группировке по хозяйственной состоятельности дворов»⁸, дали «неоценимый материал для изучения народного хозяйства России»⁹. И все же, собранный земскими статистиками материал оставался непонятым для широких народных масс и нуждался «в серьезной научной обработке и революционном, марксистском подходе к нему»¹⁰.

В марксистской историографии по аграрному вопросу в России, в дореволюционный период, впервые в трудах В. И. Ленина даны не только общие теоретические положения о развитии аграрных отношений, но и по новой методике (так называемый метод вторичной группировки) обработан статистический материал многочисленных земских исследований экономического положения сельского населения, в том числе в Пермской губернии, и произведен политико-экономический анализ этих материалов. Поэтому работы В. И. Ленина по аграрному вопросу служат в то же время и источником.

В советской историографии проблеме развития аграрного капитализма на Урале (в Пермской губернии) явно не повезло. Насчитывается лишь две—три общих работы и не больше статей, в кото-

---

¹ Хомяков. Поземельная статистика Пермской губернии. «Пермские губернские ведомости» (в дальнейшем — ПГВ), 1898, № 12 (Из издания ЦСК 1897 г. — Пермская губерния. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г.).

² И. С. Сигов. Очерк двадцатилетней деятельности Осинского земства. Оса, 1891.

³ Пав. Сивков. Статистический очерк экономической и этнографической жизни Урала. «Уральский торгово-промышленный календарь на 1899 г.», Пермь, 1899, отд. VIII, стр. 1—32.

⁴ Н. Скалозубов. Предисловия к выпускам I и II «Материалов для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии». Вып. I—IV, изд. Красноуфимского уездного земства, Казань, 1890—91, 1893, 1894.

⁵ П. Н. Зверев. Предисловие. Общие сведения об уезде. Распределение земельной собственности. Очерк хозяйства сельских сословий (стр. 1—194). Примечания к статистическим таблицам (стр. 1—218). В «Сборнике статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии», изд. Екатеринбургского уездного земства, Екатеринбург, 1891.

⁶ П. Голубев («П. Г.»). Богатеет или беднеет Пермская губерния. В газ. «Пермский край», 1903, № 652. Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 556, оп. 1, д. 35, л. 9.

⁷ И. Д. Прокошев и Р. В. Ризположенский. Материалы к оценке земель Пермской губернии, вып. 4, Пермское Предуралье, Пермь, 1905.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 75.

⁹ Там же.

¹⁰ Б. М. Волин. Статистика и политика. Госстатиздат, 1952, стр. 23.

рых содержатся данные о землевладении и развитии крестьянского хозяйства в Пермской губернии¹.

В 40—50-х годах в трудах уральских историков Ф. Е. Мельникова², Ф. С. Горового³, К. С. Маханек⁴, Ф. П. Быстрых⁵ и автора данной статьи⁶ использованы и частично изучены данные землевладения и расслоения крестьянства. Некоторые ценные замечания и выводы по этим вопросам содержатся и в общих работах П. А. Зайончковского⁷ и А. М. Апфимова⁸.

Специально проблема эволюции землевладения и развития помещичьего и крестьянского хозяйства в Пермской губернии в пореформенный период не изучалась.

Основными источниками для написания работы явились многочисленные статистические исследования как Центрального статистического комитета при министерстве внутренних дел⁹, так и статистического бюро Пермского губернского земства¹⁰ и статистических отделений ряда уездных земских управ¹¹; материалы военно-

¹ А. А. Савич. Прошлое Урала (Исторические очерки), Пермь, 1925; В. В. Прусс. Сельское хозяйство Шадринского уезда во второй половине XIX - начале XX века, Сб. материалов научной сессии вузов Уральского экономического района (февраль 1963 г.). Исторические науки, Свердловск, 1963, стр. 40—44.

² Ф. Е. Мельников. Западный Урал в революции 1905—1907 гг. Пермь, 1946, гл. I, § 1, 3.

³ Ф. С. Горовой. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века Пермь, 1951; Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале, Пермь, 1954.

⁴ К. С. Маханек. Реформа 1861 г. и особенности ее в помещичьих имениях Пермской губернии. Сб. «Из истории реформы 1861 г. на Урале», Пермь, 1961.

⁵ Ф. П. Быстрых. Большевицские организации Урала в революции 1905—1907 годов, Свердловск, 1959, гл. I.

⁶ М. И. Черныш. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство, Пермь, 1959, стр. 8—36.

⁷ П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России, М., 1954; Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года, М., 1958.

⁸ А. М. Апфимов. Земельная аренда в России в начале XX века, изд. АН СССР, М., 1961.

⁹ «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. VI, СПб, 1884; «Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года», вып. XXXII. Пермская Губерния. Изд. ЦСК МВД, СПб, 1897; «Статистика землевладения 1905 года», СПб, 1907; «Статистика землевладения 1905 года», вып. 40. Пермская губерния, СПб, 1906.

¹⁰ «Материалы к оценке земель Пермской губернии» под ред. П. П. Фирсова, т. I, Оханский уезд, Пермь, 1898; т. IV, вып. П. Екатеринбургский уезд, Пермь, 1902; вып. IV, Пермское Зауралье. Оценочные нормы, Пермь, 1904; вып. IV, Пермское Предуралье (Чердынский, Соликамский, Пермский, Кунгурский и Красноуфимский уезды). Оценочные нормы по обследованиям 1898 и 1899—1901 гг. Под редак. Гр. Баскина. Пермь, 1905; «Сборники материалов для ознакомления с Пермской губернией», вып. VI, VII, X. Приложение к «Памятным книжкам» на 1892, 1896 и 1899 годы; «Обзор Пермской губернии за 1901 год», Пермь, 1902; «Волжско-Камский край. Очерки промышленно-экономического положения Камского края», 1888; «Экономическое положение Пермской губернии в 1897 году (по данным податных инспекторов)», - СПЗ, 1899, № 1, Пермь, 1899; «Обзор деятельности Крестьянского банка в Пермской губернии с 3 ноября 1888 года по 1 января 1893 года», Пермь, 1892.

¹¹ «Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии», вып. I—IV, Казань, 1890—1891, 1893, 1894; «Материалы к оценке земель», т. V, вып. II, Шадринский уезд, Пермь, 1904.

конских переписей 1882 и 1891 годов¹, работы пермских исследователей², включая и выше названных, и статьи корреспондентов «Пермских губернских ведомостей», а также работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века».

Ценные данные по землевладению и землепользованию содержатся в материалах Государственного архива Пермской области в фондах Пермского особого о земских повинностях присутствия³, Главного управления имениями и железодельными заводами кн. Абамелек-Лазаревой⁴, Пермского губернского по крестьянским делам присутствия⁵ и других.

Землевладение составляет экономическую основу аграрных отношений и определяет сущность борьбы крестьянства в любой стране, совершающей переход от феодальных отношений к буржуазным, или от последних к социалистическим. Это особенно подтвердилось на опыте буржуазно-демократических революций 1905 и 1917 годов в России и в период победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Хорошо известно, что в России «1861-й год породил 1905-й»⁶. Реформа 19 февраля 1861 года не предотвратила наступления буржуазно-демократической революции 1905 года.

Рассмотрим, какие изменения произошли в распределении земельной площади Пермской губернии в пореформенное сорокалетие по владениям (в проц. и в тыс. десятин), см. табл. на 121 стр.

Из таблицы видно, что главным собственником в Пермской губернии являлась казна, которой принадлежало от 52,6 до 40% всей площади земли. Дальше выступали частные владельцы — от 29,0 до 30,9% и, наконец, крестьяне — от 25,6 до 29,1%.

Заметим, что в Оренбургской губернии процент государственных земель был в 1905 году в два раза ниже, в Вятской — несколько ниже, и, наоборот, надельной — в Вятской в два, а в Оренбургской губернии в два с лишним раза больше, чем в Пермской⁸.

---

¹ «Военно-конская перепись 1891 года», СПС, 1894.

² Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния, т. I, 1864; А. Балаев. Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии (по данным за 1883, 1896, 1897, 1898 и 1899 годы), Пермь, 1900; Г. С. Замятин (псевдоним). Уставные грамоты и их исправления в Пермской губернии; владельческие крестьяне, Пермь, 1898; А. Егунов. Крестьянское хозяйство в Пермской губернии. Ж. «Сельское хозяйство и лесоводство», т. 182, № 7—8, т. 183, № 9—10, СПб, 1896.

³ ГАПО, ф. 533, оп. 1, д. 5 и др.

⁴ Там же, ф. 280, оп. 1, дд. 716, 971, 986, 1039, 1389 и др.

⁵ Там же, ф. 41, оп. 1, д. 311 и др.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 99.

⁷ Таблица составлена на основании следующих данных: «Статистика поземельной собственности», вып. IV, стр. 110—112, 121, 130; «Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года», стр. 5; «Статистика землевладения 1905 г.», стр. 11, таблица № 1 и стр. 130—133.

⁸ «Статистика землевладения 1905 г.», стр. 138, 139.

Группы владельцев	Г о д ы			В абсолютных цифрах		
	1877	1887	1905	1877	1887	1905
Частных земле- владельцев	29,0—26,4	27,2	30,9	8489,0—7734,0 ²	8104	8857 ⁴
Надельные	18,4	25,6	29,1	5383	7644	8338
Казенные, удела и различных уч- реждений	55,2—52,6	47,2 ¹	40,0	Ш149—15394 ²	14068	11468 ⁴
Итого:	100%	100%	100%	29266	29816 ³	28663

Данные таблицы показывают направление движения земельной собственности: рост наделного крестьянского и уменьшение казенного и удельного землевладения; частное землевладение изменилось незначительно. За 28 лет частное землевладение увеличилось лишь на 368 тыс. десятин или на 4,33%, казенное уменьшилось на 3926 тыс. десятин или на 25,5% и крестьянское наделное возросло на 2955 тыс. десятин или на 54,9%.

Частное землевладение претерпело сравнительно небольшие изменения, так как в продажу поступило мало земель. Главными покупателями земли являлись купцы, разночинцы, отчасти мещане и под маркой крестьянских обществ и товариществ — зажиточные и богатые крестьяне. Крупные землевладельцы предпочитали сдавать крестьянам землю в аренду мелкими участками. В особенности это наблюдалось в Екатеринбургском и Шадринском уездах, где более половины пашни и сенокоса сдавалось ими в арендное пользование⁵.

В этом — отличительная особенность дворянского землевладения в Пермской губернии по сравнению с большинством центральных губерний Европейской части России, где чрезвычайно быстрый рост бессословного землевладения, в основном крестьянского, происходил за счет сокращения землевладения помещиков.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные⁶ по Пермскому Предуралью (Чердынский, Соликамский, Пермский, Кунгурский и Красноуфимский уезды) и по Пермскому Зауралью (Шадринский, Камышловский, Ирбитский, Верхотурский и Екатеринбургский уез-

¹ В. т. ч. разные учреждения (города, монастыри, церкви и др.) — 5,4%. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года, стр. 6.

² К частным владельцам отнесены и крестьянские общества и товарищества, имевшие 755,3 тыс. десятин земли, но их относили и к рубрике «различных учреждений».

³ В статистические данные обследования 1887 года включены и неудобные земли. Задачей этого исследования было изучить не землевладение, а состав культурной земли.

⁴ Из третьей группы владельцев в первую переведены земли частных обществ и компаний (755,3 тыс. десятин).

⁵ «Материалы к оценке земель», вып. 4. Пермское Зауралье, Пермь, 1904, стр. V.

⁶ «Материалы к оценке земель», вып. 4. Пермское Предуралье, стр. 24—25, 38—42.

ды¹⁾ свидетельствуют о незначительных переходах части земли от дворян путем купли-продажи крестьянам, купцам и мещанам, вернее товариществам и обществам последних, через отделение Крестьянского банка. Отчуждали и приобретали землю больше всего потомственные и почетные граждане, купцы, мещане, различные учреждения.

В Шадринском уезде с 1866 по 1899 год, по данным нотариального архива, перешло земли в 47 случаях 8659,2 дес., в том числе на долю внутренних переходов (переходы внутри данных групп земельных собственников) приходилось 17 случаев — 3118 дес. земли. Наибольшее количество земли перешло из рук в руки одних и тех же сословий в 1881, 1885, 1888 гг. и в начале 90-х годов. Если у крестьян и мещан внутренние переходы земли были незначительными, то у разночинцев они составляли 52,9% случая и 58,4% перешедшей земли²⁾.

Внешних движений земельной собственности было 30 случаев — 5541,2 дес. Всего оживленный обмен земель как по числу случаев (9—30%), так и по количеству приобретенной земли (1537,6 дес. — 27,7%) происходил в купеческой группе; затем шли мещане и на последнем месте стояли дворяне. Отчуждали землю главным образом разночинцы, затем купцы, крестьяне, мещане и т. д.³⁾

Движение земельной собственности (частного землевладения) выглядело у крестьян Зауральских уездов следующим образом (в дес.)⁴⁾:

Уезды	Прибыло + Убыло —	Кто терял землю	Кто приобрел	Примечание
Шадринский	Приобрет. 622,9 Отчуждено 430,7 + 192,2	Потомствен., почет. гражд., купцы и разночинцы	Учреждения	Покупщиков было 5 крестьян, продано землю 4 крестьянина
Камышловский	Приобрет. 3,6 Отчуждено 176,0 — 172,4			
Ирбитский	Приобрет. 128,3 Отчуждено 128,8	Дворяне, купцы и учреждения	Потомствен., почет. гражд., мещане, разноч.	
Верхотурский	Приобрет. 79,2	Учреждения опекун. управления	Мещане, крестьяне и разночинцы	

¹ «Материалы к оценке земель», вып. 4-й, Пермское Зауралье. Оценочные нормы, Пермь, 1904, стр. 37, 39, 41, 44.

² Там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 37.

⁴ «Материалы к оценке земель», вып. 4-й. Пермское Зауралье. Пермь, 1904, стр. 37, 39, 41, 45.

В Красноуфимском уезде с 1861 по 1897 гг. перешло в порядке купли-продажи земли от дворян к дворянам 12 тыс. десятин, от крестьян — к крестьянам 36,6 дес; от дворян — к другим сословиям в 1882 и 1893 годах в 17 случаях — 307,1 тыс. десятин. Главным образом земли у дворян купили почетные граждане — 117,4 тыс. дес. и товарищество горных заводов—189,7 тыс. десятин. Крестьяне за все это время купили 377,1 дес. (13 случаев), в том числе в 1861 г. — 131,4 дес. неизвестно у кого и 224,4 дес. в 1894 году у дворян¹. Сами крестьяне продали не крестьянам небольшое количество малыми участками.

Итак, наибольшие приобретения земель при внешних переходах в южных уездах отмечаются среди купцов, крестьян и разночинцев, а в северном Верхотурском — среди дворян. Наиболее интенсивное отчуждение земель на юге — среди разночинцев и крестьян, а в Ирбитском и Верхотурском — среди дворян.

В Пермском уезде с 1874 по 1901 годы крестьянами не у крестьян в 57 случаях куплено (преимущество в 1889, 1890, 1892, 1893 и 1897 гг.) 15965,9 дес. земли, частью у дворян; дворяне продали другим сословиям в 61 случае 85 тыс. десятин. Крестьяне продали не крестьянам в 70 случаях 124,2 дес, крестьяне — крестьянам в 81 случае—194,5 дес.².

В Оханском уезде за 24 года (с 1874 по 1897 гг.) крестьянское частное землевладение возросло в 2¹/₂ раза, главным образом, за счет дворянского и удела. Крестьяне отчуждали землю небольшими участками (всего 67,3 дес.) купцам и мещанам³. Наиболее оживленное передвижение земельной собственности было в периоды 1884—1888 годы и 1889—1897 годы, что связано с аграрным кризисом и деятельностью Крестьянского поземельного банка.

В целом по Пермской губернии изменение площади дворянского землевладения происходило крайне неравномерно: то отмечаются крупные продажи, то крупные покупки дворянами. В 1893—1897 годах сравнительно с тремя предшествующими десятилетиями движение дворянского землевладения выглядело так (в тыс. десятин), прибыль обозначена знаком + ⁴.

	В среднем за год убывало по 10-летиям				Убывало за отдельные годы				В сред. убывало за 5-лет.
	1863-1872-	1873-1882-	1883-1892	1893	1894	1895	1896	1897	1893-1897

Пермская губерния	103,2	90,2	2,2	207,3	+ 107,7	2,4	383,9	8,9	98,9
-------------------	-------	------	-----	-------	---------	-----	-------	-----	------

¹ «Материалы к оценке земель», вып. 4. Пермское Предуралье, стр. 41, 42.

² Там же, стр. 40, 41.

³ «Материалы к оценке земель», т. I, Оханский уезд, стр. 129.

⁴ «Материалы по статистике движения землевладения в России в 1897 году», вып. XI. СПб, 1904, стр. 17.

Максимальная убыль здесь отмечена в 1896, 1893 и 1863—1872 годах, тогда как по России она наблюдалась в десятилетие 1873—1882 гг., а минимальная — в шестидесятые годы, десятилетие же — 1883—1892 годы — и пятилетие — 1893—1897 годы стояли близко друг к другу, превышая по убыли дворянской земли шестидесятые годы и уступая десятилетию 1873—1882 гг.¹ В Пермской губернии земли переходили: из рук в руки среди дворянского сословия, часть — купцам (всего по 1897 г. — 709 тыс. десятин). Земля дворян убывала и по выкупу. С 1896 года продажа земель дворян возросла с помощью Крестьянского банка.

Следовательно, земля начинала втягиваться в торговый оборот и в Пермской губернии. Однако, сильные пережитки крепостничества, проявлявшиеся в майоратстве и в «посессионном праве», задерживали развитие буржуазной собственности на землю.

От казны земля, по мере размежевания, переходила по владеным записям к бывшим государственным крестьянам².

Анализ распределения частной поземельной собственности по размерам владений³ показывает, что мелкая собственность (до 50 дес. включительно) в частном личном землевладении играла ничтожную роль. Так, в 1905 году 377 собственникам из 582 принадлежало всего 4908 дес. земли.

Если взять владения свыше 500 дес, то окажется, что 98 собственникам принадлежало 7,3 млн. дес. земли или в среднем по 74489 дес. на каждого. В руках этих собственников была сосредоточена почти вся частновладельческая земля.

Дворян из 98 владельцев было 70 или более $\frac{2}{3}$, и земли было у них 6,7 млн. дес. или 83,4% всего количества личной земельной собственности и 92% всего количества земли под латифундиями⁴.

Латифундии же горнозаводчиков-землевладельцев были необъятные, 59 собственников имели в среднем по 121600 десятин каждый⁵.

Крупнейшими собственниками в губернии являлись графы Строгановы, Шуваловы, князья Демидовы, Лазаревы, Голицыны, Всеволожские и другие. Графы Строгановы, например, владели в 1873 г. нераздельным наследственным имением площадью свыше 1,5 млн. десятин⁶. В 1873—1883 гг. у Голицыных было 895,3—803,9 тыс. десятин, у Шуваловых — 834,2 тыс. дес, у Лазаревых — 877,2 тыс. дес. и у Всеволожских — 826,4 — 714,5 тыс. деся-

¹ «Материалы по статистике движения землевладения в России в 1897 году», вып. XI, СПб, 1904, стр. 18.

² Землеустройство бывш. помещичьих и бывших удельных крестьян на Урале затянулось на многие десятилетия и неопределенность земельного положения крестьян оставалась вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

³ «Статистика землевладения 1905 г.», стр. 52—53.

⁴ В т. ч. земля посессионных заводов в количестве 20 владений и с площадью в 1852 тыс. дес.

⁵ «Статистика землевладения 1905 г.», стр. 52—53.

⁶ ГАПО, ф. 533, оп. 1, д. 5, лл. 59, 59 об., 145 об. 146, 146 об., 170, 270 об. Подсчеты автора.

тин¹. В 1881 г. у Е. Х. Абамелек-Лазаревой было земельной площади 613,8 тыс. десятин². На рубеже XX века размеры дворянского землевладения по четырем уездам Зауралья были следующие³:

Уезды	Число владений	Общее количество земли в десят.	Приходится земли на 1 владение (дес.)
Шадринский (1900)	2	366,5	188,3
Камышловский (1899)	4	5544,1	1386,0
Екатеринбургский (1900)	4	102604,0	25651,0
Верхотурский (1901)	7	1151252,5 (в том числе 808199,5 дес. посес. завода)	164464,6

Обратимся теперь к крестьянской наделной земле. Предварительно заметим, что в Пермской губернии дореформенный среднегубернский душевой надел, составлявший 5,72 дес, а по уставным грамотам — 5 дес.⁴, при выкупной операции был повышен до 7,08 дес. за счет включения в надел недоброкачественной земли.

Кроме наделной пашни у многих домохозяев в некоторых селениях были еще пахотные росчисти. Больше всего росчисти встречались у бывших заводских крестьян.

При переделах земель в одних селениях росчисти не шли в общий передел, а оставались в личном пользовании их владельцев, в других шли в общий передел наравне с наделной пашней, в третьих — переделались только старинные росчисти, а 15—20-летние росчисти оставались у прежних владельцев. Например, в дер. Новые Кривки Ленеvской волости Екатеринбургского уезда бывшие государственные крестьяне старые росчисти переделали, в деревнях Шайдуриха и Пьянкова Аятской волости поделили лишь старые росчисти, сделанные лет 25 назад, а новые остались в подворном владении. В селах Глинском и Арамашевском и дер. Ощепкова при переделе в 1885 году все росчисти переделены были наравне с наделной пашней. В дер. Кочнева росчисти находились в подворно-наследственном владении⁵.

По закону 1861 года бывшие владельческие крестьяне получили в надел лишь часть той земли, которой пользовались до освобождения, причем многие крестьяне отказались от полевого надела. По данным «Поземельной собственности Европейской Рос-

¹ ГАПО, ф. 533, оп. I, д. 5, лл. 59-59 об., 145, 146-146 об., 147, 170, 188, 270—270 об., 295; ПГВ, 1883, № 68.

² Там же, ф. 280, оп. I, д. 1329, л. 123 об.

³ «Материалы к оценке земель», вып. 4. Пермское Зауралье, стр. 12, 14, 17, 20.

⁴ ГАПО, ф. 41, оп. I, д. 311, лл. 1—1 об.

⁵ См. «Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду». Екатеринбург, 1894, Очерк хозяйства сельских сословий, стр. 23.

сии» изд. ЦСК СПб, 1886 г.¹ в пользовании помещичьих крестьян Пермской губернии было земли в 1858 г.— 1532241 дес., а к 1878 году произошло уменьшение до 1199193 дес. или на 21,6%.

По закону от 15 июня 1865 года уставные грамоты в вотчинных имениях Пермской губернии подверглись исправлению. Отрезков получилось мало, так как и неудобная земля была включена в надел. Но до конца 90-х годов $\frac{2}{3}$ крестьян Пермской губернии оставалось с неразграниченными землями (наделами)² и фактическое малоземелье сохранилось, так как за это время число наличных душ мужского пола возросло на 25—30%. Отсутствие в составе надела лесных и сенокосных угодий или незначительное количество их открывало широкие возможности землевладельцам-горнозаводчикам для кабального использования труда крестьян на горнозаводских работах.

Произведенные подсчеты данных³ позволяют установить, что наделная крестьянская земля распределялась по размерам следующим образом:

Группы дворов	В 1877 г.			В 1905 г.		
	дворов	Десятин	В средн. на 1 двор	Дворов	Десятин	В средн. на 1 двор
	%	‰		%	%	
До 8 дес.	149158	588384	3,9	111831	378523	до 3,4
	39,2	~ 10,9		~ 21,5	4,0	
До 15 дес.	245531	2020439	8,2	250979	2038611	8,0
	64,5	37,5		48,2	24,7	
15-20 дес.	59367	1064339	18,0	121728	2121831	17,4
	15,5	19,7		23,3	25,9	
Свыше 20 дес.	75690	2290647	30,1	147759	4059322	27,4
	20,0	42,8		28,5	49,4	
Итого	380588	5375825	13,8	520466	8229764	15,8
		100%		100%	100%	

¹ Данные приводятся по очеркам «Волжско-Камский край». Приложение к календарю Волжского вестника на 1888 год, стр. 12—13. См. также примеры отрезков земли у крестьян при составлении уставных грамот. ГАПО, ф. 41, оп. 1, д. 311, лл. 202 об., 203; 210 об., 211; 216—217, 233—233 об., 258—259 об.

² А. Валаев. Указ. соч., стр. 18.

³ «Статистика поземельной собственности». Вып. VI, стр. 146—147; «Статистика землевладения, 1905 г.», стр. 103. Руководствуясь методикой, разработанной В. И. Лениным (См. Соч., т. 15, изд. 4, стр. 62) земельные владения до 15 дес. на двор отнесены нами к 1-й группе — разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией; 2-я группа — среднее крестьянство от 15 до 20 дес. на двор; 3-я группа — зажиточное крестьянство (крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение)—от 20 до 500 дес. В данные за 1905 г. не вошли 108,8 тыс. десятины земли, не распределенной по дворам.

Если принять удовлетворительной в хозяйственном отношении норму надела равную не менее 15 дес, при трехпольной системе полеводства, то получим, что в 1877 году у 64,5% крестьянских дворов было сосредоточено лишь 37,5% всей наделной площади. Это — бедное крестьянство. У 20,0% зажиточных дворов было 42,8% всей наделной земли. В 1905 году у 48,2% бедных крестьянских дворов было лишь 24,7% наделной земли, в то время как у 28,5% зажиточных и богатых дворов — почти 50% всей наделной земли.

Крестьянские дворы, имевшие до 8 дес. наделной земли на двор (вместе с неудобной землей), были обречены на нищету и бедствия. Данные военно-конской переписи дополняют картину хозяйственного положения этих дворов.

В 1891 году из 444628 дворов или хозяйств, находившихся в сельских обществах губернии, безлошадных было 89678 или 20,1%¹ (в 1882 году их было 14,9%)², однолошадных — 136219³ или 30%; тех и других вместе — 50%¹, т. е. половина крестьянских хозяйств. В 1894 году безлошадных дворов в Пермской губернии насчитывалось 20,4%, а вместе с однолошадными.....57,1% дворов⁴.

Известно, что такое безлошадный крестьянин в России, а также нужда и нищета крестьянина однолошадного, имеющего «конягу», в которой цену имеют лишь кожа да кости. «Это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью»⁵, — писал В. И. Ленин. Рассмотрим следующий пример. Если высший надел на наличную душу мужского пола составлял 5,6 дес, то при трехполье было под посевом ржи 1,9 дес. и под посевом овса — 1,9 дес. Для обсеменения площади под рожь надо было иметь 19 пудов 16 фунтов семян, овса — 24 пуда 20 фунтов. При хорошем урожае сам 4, что бывало редко, ржи могло быть собрано 77 пудов, овса почти 99 пудов. Для прокормления двух взрослых требовалось в год 36 пудов и на одного ребенка — 9 пудов, на семена 19 пудов 10 фунтов, а всего 64 пуда 10 фунтов, оставалось 12 пудов 10 фунтов. На прокормление лошади при отсутствии сена, так как весь надел занят под пашней, требовалось овса в год 72 пуда плюс на семена 24 пуда 28 фунтов — всего 96 пудов 28 фунтов, остается 2 пуда с небольшим. В переводе на деньги по существовавшим в конце 70-х годов ценам за рожь могло быть получено 6 рублей с лишним и за овес 80 коп., всего около 7 рублей, допустим, что 14 рублей (по самым высоким ценам). Эта сумма должна была покрыть все расходы хозяйства. В действительности наделы большинства крестьян были

¹ «Военно-конская перепись 1891 г.» СПб, 1894, стр. 6.

² ГАПО, ф. 556, оп. 1, д. 35. «П. Г.», (П. Голубев). Богатеет или беднеет Пермская губерния. «Пермский край». 1903, № 652.

³ «Военно-конская перепись 1891 г.», стр. 44, 47.

⁴ «Пермская губерния в с-хоз. отношении», вып. II, гл. III, стр. 80—81.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 15, изд. 4, стр. 59.

меньшими и не вся земля запахивалась (усадебная, выгон, огород и проч.). «Можно себе представить положение крестьян с надельной землей в 3 десятины!» — справедливо заключает В. Г.-ль, из работы которого взяты приведенные расчеты¹.

К концу XIX века землевладение в Пермской губернии представляло следующую картину:

	Число владений (в млн.)	Кол-во земли (млн. дес.)	На 1 владение десятин	
			Перм- ская губерния	Средне- русские губернии
1. Разоренное крестьянство, придавленное крепостнической эксплуатацией	0,25	2,0	8,0	7,0
2. Среднее крестьянство (от 15 до 20 дес.)	0,12	2,1	17,0	16,0
3. Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	0,15	4,1	27,3	46,7
4. Крепостнические латифундии	0,000098	7,3	74500	2333
Всего:	0,520098	15,5		
Не распределено по размерам владений		0,1 15,6		

Итак, четверть миллиона дворов, свыше 1 млн. душ обоего пола беднейшего крестьянского населения, имели 2 млн. дес. земли, а 98 частновладельцев (преимущественно помещиков) — 300 душ обоего пола — имели 7,3 млн. дес. земли. Сущность земельного вопроса в Пермской губернии, как и в России, из этого становится ясной.

Кроме латифундий горнозаводчиков-землевладельцев пережитки крепостничества заключались в общинной форме крестьянского землевладения и в наличии исторически сложившихся разного рода различиях, делениях, перегородах чисто средневекового характера между крестьянами.

По имеющимся данным крестьяне бывшие владельческие имели в среднем по 9,1 дес. наделной земли на двор, бывшие государственные — по 18,4 дес., бывшие удельные — по 12,9 дес., башкиры и тептяри — по 28,5 дес.².

Нижеследующая таблица содержит средние данные о крестьянском наделном землевладении по Пермскому Зауралью³:

¹ В. Г.-ль. Указ, соч., стр. 87—88.

² «Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией», вып. X, стр. 166—167.

³ «Материалы к оценке земель», вып. 4. Пермское Зауралье, Пермь, 1904, стр. 26—30, 32. По статистике 1905 г. по России в среднем бывшие государственные крестьяне имели по 12,5 дес. наделной земли на двор, бывшие помещики — по 6,7 дес.

Уезды	Об- щин	Общее ко- личеств. зем- ли (дес.)	Бывш. государств.				Бывш. владельческ.			
			на 1 душ. надел	на 1 на- личный двор	на 1 на- личную м. душу	на 1 ра- бот.	на 1 душ. надел	на 1 на- личный двор	на 1 на- личную м. душу	на 1 ра- ботника
Шадринский										
Большинство бывш. государ- ственных	358	1166669	9,1	20,5	7,6	16	5,5	9,6	3,2	8,0
Камышловский (бывш. государ- ственных)	356	870634	9,5	20,7		13,7		Не было		
Ирбитский (бывш. госуд.)	249	639403	11,0	24,1	9,0	18,6				
бывш. влад.	1	1161					5,3	7,8	2,7	5,6
Верхотурский (бывш. госуд.)	246	354137	10,3	24,1	9,2	19,5				
бывш. влад.	4	3103					31,0	49,2	18,8	38,3

Разряды крестьян различались между собой не только количеством земли, но и размерами платежей, условиями выкупа, характером землевладения и т. д.

Наделы, доставшиеся крестьянам после реформы 1861 года, содержали много неудобной земли и страдали отсутствием леса, выпасов. Например, годовая потребность в лесных материалах 45,5 тыс. дворов в Оханском уезде в 19 раз превышала то количество, которое давала площадь наделного леса (38,8 тыс. дес.)¹ У крестьян Вознесенской волости Оханского уезда недостаток в дровах ощущался на 48%, в бревнах—на 47%, жердях—на 16% и в кольях—на 13% по отношению к получаемому количеству с душевых наделных паев². Все это количество лесных материалов прикупалось в лесных частновладельческих дачах по высоким ценам, и было связано с невыгодными условиями транспортировки их.

Мы отмечали уже выше, что в Пермской губернии в продажу поступало очень мало земель. Обширные владения Строгановых на правах майората были неприкосновенны с точки зрения отчуждения их. То же самое относилось и к «посессионным» владениям. Шуваловы, Голицыны, Н. Н. Всеволожский и Сатина предпочитали сдавать землю в аренду.

По данным Пермского отделения Крестьянского банка в 1889 году купить землю захотело (через банк) 12 тыс. домохозяев в составе 34 тыс. наличных мужского пола душ, а всего в четырех уездах губернии: Екатеринбургском, Оханском, Осинском и Соликамском могло поступить в продажу лишь 162,6 тыс. дес. земли из владений помещиков Пермикина и Хотимской, тайного совет-

¹ «Материалы к оценке земель Пермской губернии», т. 1-й, Оханский уезд, стр. 154.

² Е. И. Красноперов. Подворное исследование населения Оханского уезда, стр. 36—40.

ника Зубова и владений Николо-Заозерско-Камско-Уральского товарищества (108 тыс. десятин)¹.

Цены на землю в разных уездах и волостях установить было трудно, так как рыночной цены на землю в губернии не существовало.

В Оханском уезде, например, в связи с повышением спроса на землю возросли и продажные цены: в 1865—70 гг. — 8 руб. за десятину, в 1871—1875 годах — 20 руб. 12 коп., в 1876—1880 гг. — 26 руб. 70 коп.; в 1881 — 1885 гг. — 48 руб. 23 коп.; в 1886 — 1890 годах — 50—60 руб.; в 1891—1896 гг. — 43 руб. 69 коп.² В 1891 — 1896 гг. большинство продаж было произведено с торгов.

В начале 90-х годов продажная цена за десятину была установлена крестьянским банком в 25 руб.³

Для Пермской губернии одним из показателей пережитков крепостничества, отработков и кабалы служит рост аренды земли. Последнее, как будет показано дальше, является и показателем развития буржуазных отношений в общине.

В аренду в 1887 году сдавалось всего 1984815 дес. земли 8527 участками. По уездам сдаваемая земля распределялась следующим образом⁴:

в Пермском уезде	—	787497	дес.	194	участками
в Камышловском уезде	—	277958	„	—	598 „
в Красноуфимском уезде	—	290010	„	—	366 „
в Чердынском уезде	—	203833	„	—	493 „
в Соликамском уезде	—	87554	„	—	141 „
в Осинском уезде	—	82727	„	—	1557 „
в Оханском уезде	—	44208	„	—	1427 „
в Шадринском уезде	—	71793	„	—	1429 „
в Верхотурском уезде	—	39096	„	—	1162 „
в Ирбитском уезде	—	51269	„	—	300 „
в Екатеринбургском уезде	—	37055	„	—	479 „
в Кунгурском уезде	—	11815	„	—	431 „

В Оханском уезде в 1897 году среди арендаторов много было малоземельных крестьян. Арендуемая ими пашня составляла 21,9 процента обрабатываемой площади⁵.

Размеры арендования крестьянами земель в Пермской губернии у казны, удела, башкир и у частных владельцев (помещиков и горнозаводчиков-землевладельцев) на 1 января 1893 года составляли 301140,2 десятин, в том числе у казны — 136720 дес., у удела (в двух уездах) — 10479,2 дес, у башкир — 78824,5 дес. и у частных владельцев — 75116,5 десятин⁶.

¹ «Обзор деятельности Крестьянского банка», стр. 2, Л.

² «Материалы к оценке земель», т. 1, Оханский уезд, стр. 139.

³ «Обзор деятельности Крестьянского банка», стр. 37.

⁴ «Главнейшие данные поземельной собственности по обследованию 1887 года», выпуск XXXII. Пермская губерния. Изд. ЦСК МВД, СПб. 1897. стр. 1.

⁵ «Материалы к оценке земель», т. 1-й. Оханский уезд, стр. 131—132.

⁶ «Обзор деятельности Крестьянского банка», стр. 37. По другим данным размер арендуемой земли составлял 426 тыс. десятин (там же).

В 1894 году из 1868 тыс. десятин яровых посевов сельских обществ губернии, 213 тыс. десятин или 11,4% были произведены на арендованной земле. Причем, в Красноуфимском уезде площадь посева на арендованной земле составляла 29,7% общей площади яровых, в Екатеринбургском — 20,4% и в Шадринском — 14,9%¹. В 1896 году в аренде у крестьян было казенных земель около 292535 дес. и у лиц других сословий — 8563 дес.². В 1901 году крестьянами губернии было арендовано 394,5 тыс. дес. вненадельной земли³.

Арендные платы за земли казны, удела и частновладельцев-дворян в особенности были высокими. Крестьяне, крестьянские товарищества, общества и отдельные деревни арендовали обычно мелкими участками, переплачивая на этом.

Среднегубернские арендные цены на землю под посев яровых хлебов за десятину были: зимой за пары и за жнивые свежесудобренное — 5 руб. 37 коп. — 3 руб. 71 коп.; весной — 6 руб. 54 коп. — 4 руб. 35 коп.; за староудобренные: зимой — 4 руб. 23 коп. — 3 руб. 09 коп. и весной — 4 руб. 92 коп. — 3 руб. 64 коп. За неудобренные земли: зимой — 3 руб. 08 коп. — 2 руб. 08 коп. и весной 3 руб. 63 коп. — 2 руб. 83 коп.⁴.

В Оханском уезде за аренду земли у помещицы Хотимской крестьяне платили от 2 руб. 50 коп. за пашню, до 3 руб. за гаревые покосы и от 5 до 15 рублей за луговые за десятину, против 65 коп. в первое время после реформы⁵. В селе Б. Именная Верхотурского уезда Нижне-Турьинской волости пахотная земля арендовалась на 10—15 лет и более. Арендная плата за полосу неудобренной земли в 30 саж. длины и 10—15 саж. ширины составляла от 15 до 25 руб.; причем поземельный налог за время пользования землей платил арендатор⁶. В Пермском уезде в с. В-Муллинском за аренду десятины пашни и сенокосной земли от вотчинного управления графа А. П. Шувалова крестьяне платили по 12 руб. на два сезона⁷.

Рассмотрим несколько конкретных фактов арендования земли крестьянами.

В Екатеринбургском уезде Куяшской волости крестьяне деревни Кажакуль в числе 222 ревизских души и 115 душ из 622 душ селения Куяши приняли надел по 5 дес. на ревизскую душу. 820 душ крестьян деревень Урукуль, Темрязь и Куяши сели на дарст-

¹ ПГВ. 1900, № 241. В 1887 году площадь арендованной пашни крестьян Екатеринбургского уезда составляла 17,7% к общему количеству пахотной земли, принадлежавшей крестьянам (207,1 тыс. десятин). «Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду». Екатеринбург, 1891, стр. 141.

² ПГВ. 1897, № 253.

³ А. М. Анфимов, Указ. Соч. стр. 200. Приложение 5.

⁴ «Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении», вып. I, таблица VIII. См. так же ГАПО, ф. 280, оп. I, д. 1553, лл. 41, 44.

⁵ «Обзор деятельности Крестьянского банка в Пермской губ.», стр. 13.

⁶ «Пермская губерния в с.-х. отношении», вып. 1, стр. 137.

⁷ Там же, стр. 145.

венный надел размером по $1\frac{1}{4}$ дес. на душу. В Куяшской даче было еще 1432 ревизских души безземельных¹.

Только в 1888 году закончилось поземельное устройство крестьян, получивших надел. Разбросанность надельной земли, чересполосица, а главное малоземелье, при отсутствии продажной земли, толкали крестьян в кабалу к тому же помещику Зубову.

Уже к 29 сентября 1863 года вся земля, бывшая в пользовании крестьян до освобождения от крепостной зависимости, была сдана им в аренду с платой по 1 руб. 75 коп. за десятину². С 1892 года арендная плата возросла до 2 руб. 25 коп. за десятину в год, причем земля сдавалась на три года с правом производить два посева. Таким образом за два посева крестьяне платили 6 руб. 75 коп. В соседнем же имении купца Беленького, приобретшем от владельца села Куяши Зубова 7100 дес. за 9600 руб., кортомная плата при тех же условиях составляла не более 4 руб. 80 коп. за два посева³.

Дворянская экономия наследников Берг при с. Тюбук имела всего земли свыше 9 тыс. десятин. Собственная запашка велась на площади 640 дес., в том числе пар — 320 дес. Тяговая рабочая сила хозяйства состояла из 24 лошадей и 16 быков. Сельскохозяйственный инвентарь имелся следующий: плугов 6, сеялок — 1, молотилок — 3, сортировок — 1, веялок — 1. Экономия имела 31 постоянного работника, из которых полевых — 4 и лиц административного управления экономией — 4 человека.

В краткосрочную аренду сдавалось пашни 700 дес. и покоса — 665 дес. за плату: пашня по 2 руб. в год за одну десятину, покос по 0,50 — 2 руб. 50 коп.⁴.

Таким же способом велось хозяйство помещиков Кавшевич-Матусевич при с. Тюбук, имевших 1717 дес. удобной земли и запашку на 387 дес., в том числе пар — 170 дес. Лошадей рабочих в хозяйстве было 40, быков — 2. Из инвентаря: сабанов — 10, борон — 24, катков — 1, окучников — 2, молотилок — 1, сортировок — 1, веялок — 1. Постоянных рабочих было 17, в том числе — полевых — 9; приказчиков было 2.

В краткосрочную аренду сдавалось пашни 415 дес. по 2 рубля за десятину в год и покоса — 20 дес. по 0,15 руб. с копны⁵.

Помещики Клепинины (четверо), имения которых находились при с. Никольском, также сдавали в краткосрочную аренду большое количество пашни и покоса по цене: пашню по 1 руб. 25 коп.

¹ «Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду». Казань. 1891. Примечания к статистическим таблицам, стр. 139—141; «Обзор деятельности Крестьянского банка в Пермской губернии», стр. 15, 28.

² «Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду»; Казань, 1891. Примечания к статистическим таблицам, стр. 139—141; «Обзор деятельности Крестьянского банка в Пермской губернии», стр. 15.

³ Там же. Кортомная — равно субарендная.

⁴ «Материалы для оценки земель», вып. 4-й. Пермское Зауралье, Пермь, 1904, стр. 432, 433.

⁵ «Материалы для оценки земель», вып. 4-й. Пермское Зауралье. Пермь, 1904, стр. 432, 433.

за 1 десятину, а покос сдавался из расчета 0,10—0,15 руб. с копны и исполу¹.

Аренда земли сенокосных угодий носила часто кабальный характер, ибо производилась не за плату, а за отработки.

«Отработки, — писал В. И. Ленин, — это—прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки это — переход от барщины к капитализму. Сущность отработков в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне **своим инвентарем** за плату частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.)»².

Испольщинная форма хозяйства — одна из разновидностей отработков.

В 1889 году в Куяшской даче у помещика Зубова под полевым хозяйством находилось 220 дес. Велось оно при помощи издольщины. Не имея своих пастбищ, крестьяне за право пастбы скота на помещичьем выгоне обрабатывали 70 десятин пашни: вспахать, заборонить, перепахать, обсеять, сжать и убрать³. Сеном пользовались также путем издольщины; косили и убирали сено из четвертой копны⁴, а в 1887 году — из третьей копны.

В 1900 году дворянин Метелев Н. С. в с. Куяш имел собственную запашку на 557,5 дес; сдавал в краткосрочную аренду около 3 тыс. десятин пашни, 1474 дес. покоса и 1823 дес. выгона. Арендные платы были следующие: за 1 десятину пашни — 2 руб. в год, за покос — 2 руб. и из $\frac{2}{5}$, а выгон сдавался за обработку и уборку 92 дес. пашни⁵. В Шадринском уезде была распространена издольщина: 16—12 пуд. зерна с десятины или $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{5}$ копны⁶.

Десятки тысяч крестьянских дворов Пермской губернии за пользование сенокосными угодьями и лесом от горнозаводчиков-землевладельцев и от казны «отрабатывали» на горных заводах на куренных работах и на вывозке дров, угля, руды и перевозке готовых заводских изделий, получая пониженную плату.

Итак, анализ землевладения в Пермской губернии показывает, что в аграрном строе края в пореформенный период сохранились сильнейшие пережитки крепостничества. «Известно, — писал В. И. Ленин, — что уральские заводы имеют десятки тысяч десятин земли,—прямой пережиток крепостнических, сеньеральных латифундий в буржуазной России»⁷. Кабальный характер носила сдача крупными землевладельцами в аренду пахотных и сенокосных земель и лесных участков. Продажные цены на землю за 30 лет возросли в 5,5 раза, а арендные—в десятки раз.

¹ «Материалы для оценки земель», вып. 4-й. Пермское Зауралье. Пермь, 1904, стр. 432, 433.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, изд. 4, стр. 67.

³ Обзор деятельности Крестьянского банка в Пермской губернии, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 14.

⁵ «Материалы к оценке земель», вып. 4-й. Пермское Зауралье, стр. 432, 433.

⁶ Там же, стр. 414.

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 200.

Собственно помещичьих хозяйств в губернии было мало (в 1880 году их было всего 14)¹.

Крупные землевладельцы, при сохранении собственной запашки, прибегали к сдаче земли, преимущественно пашни, крестьянам в аренду за денежную плату, а покосы — за деньги и издольщину. Выгонные земли, как правило, сдавались в пользование крестьянским обществам за отработки. В целом помещичьи хозяйства в Пермской губернии превращались в капиталистические экономии.

Остальные частновладельческие хозяйства (их в Пермской губернии было немного и они были крайне слабыми) ничем не отличались от крестьянских землевладельческих хозяйств².

Господствующей формой крестьянского землевладения было общинное. Около 50% крестьян в губернии имело надел меньше 4 дес. на душу, причем 36,3% из них — до 2 дес. на душу.

Значительным был процент безлошадных и однолошадных хозяйств.

Несмотря на сказанное, развитие буржуазных отношений происходило как вне общины, так и в общине. В основе расслоения крестьянства было развитие торгового (зернового и животноводческого по преимуществу) земледелия и неземледельческих промыслов.

Горнозаводская промышленность, игравшая ведущую роль в экономике края, и сильно развитые до середины 80-х годов гужевые перевозки определяли как направление земледелия (посевы ржи, овса, пшеницы), так и характер и степень развития кустарных промыслов и ремесел.

На темпы развития капитализма в сельском хозяйстве Пермской губернии влияло и значительное преобладание в крае бывших государственных крестьян, лучше обеспеченных землей, чем бывшие помещичьи крестьяне. Хозяйство их в большей степени, чем хозяйство других разрядов крестьян, было вовлечено в товарно-денежные отношения.

Таким образом, наличие сильнейших пережитков крепостничества в аграрном строе Пермской губернии, стеснительность «посессионного» и майоратного права, с одной стороны, и значительное развитие торгового земледелия в среде государственных крестьян, с другой, обостряли классовые противоречия. Крестьянские массы вовлекались в борьбу против помещичьих латифундий, против царизма.

Аграрный вопрос составлял основу надвигавшейся буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов в России.

---

¹ «Волжско-Камский край», стр. 33.

² ГАПО, ф. 533, оп. 1, д. 5, лл. 120 об., 121, 143—147; ПГВ, 1880, №99; «Материалы к оценке земель», вып. 4. Пермское Зауралье, стр. 409, 410, 412.

Л. П. Вакатова

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Аграрные отношения в России всегда являлись одной из сложнейших проблем общественно-экономической жизни. Особенно они обострились к началу XX века, когда противоречия между самым развитым капитализмом и отсталым землевладением проявились наиболее ярко. Уничтожение всех остатков крепостничества в деревне стало исторической неизбежностью, но эта проблема могла быть решена только революционным путем.

Первая русская революция 1905—1907 годов окончилась поражением, но она оказала огромное влияние на все последующее экономическое и политическое развитие России. Напуганное революционным движением рабочих и крестьян, царское правительство стремилось найти себе союзников среди зажиточного крестьянства, усиливая последнее за счет бедняцко-середняцких масс. В этом и состояла суть аграрной политики Столыпина, нашедшей свое воплощение в указе 9 ноября 1906 года и законе 14 июня 1910 года. Столыпинской реформой самодержавие пыталось отсрочить решение аграрного вопроса революционным путем. В статье «Новая аграрная политика», оценивая столыпинскую реформу, В. И. Ленин писал: «Судьбы буржуазной революции в России не только настоящей, но и возможных в дальнейшем демократических революций, — зависят больше всего от успеха или неуспеха этой политики»¹.

Исследование столыпинской реформы делает более понятными вопросы общего кризиса сельского хозяйства и положение крестьянства в предреволюционный период.

Блестящую оценку классовой сущности столыпинской реформы дал в своих трудах В. И. Ленин. Его работы дают богатейший конкретный материал для историков, служат методологической основой при разработке вопросов аграрных отношений в России в период между двумя буржуазно-демократическими революциями.

---

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 13, стр. 419.

В исторической науке вопрос о проведении столыпинской реформы в Пермской губернии изучен сравнительно мало. Из трудов, опубликованных в дореволюционное время, можно отметить только две небольшие работы В. А. Весновского «У хуторян Сосновского района»¹ и «Кооперация на хуторах Пермской губернии»² и П. Н. Першина «По хуторам Пермской губернии»³. Обе работы не претендуют и не могут претендовать на научное освещение темы. По существу, в них собран фактический материал, освещающий частные вопросы. Никакого классового анализа антинародной сущности реформы они не содержат.

В советское время отдельные историки в различной мере освещали лишь частные вопросы, связанные с реформой в Пермской губернии. Так, в работе Першина «Участковое землепользование в России»⁴ даны итоговые данные о числе хуторов и отрубов по Пермской губернии. В 1925 году вышел капитальный труд С. М. Дубровского «Столыпинская реформа, капитализация сельского хозяйства в XX веке», в которой дается анализ реформы в целом по России. В ней приводятся сводные данные по Пермской губернии о землеустройстве крестьянского населения и переходе земель в личную собственность, а также данные о продаже земель крестьянами Красноуфимского уезда Пермской губернии в годы реформы.

Из работ, вышедших в сравнительно недавнее время, необходимо отметить в первую очередь главу в книге «Пермская область», «Период промышленного и финансового капитализма»⁵, где приводятся отдельные данные о классовом расслоении крестьянства Пермской губернии в эпоху империализма и влиянии реформы на этот процесс.

В «Очерках большевистских организаций на Урале»⁶ и статье Левиной Т. Л.⁷ приводятся только отрывочные данные о ходе реформы в Пермской губернии, но не дается анализа ее в целом.

Следовательно, вопрос о проведении столыпинской аграрной реформы в Пермской губернии не нашел еще специального отражения в нашей исторической литературе. Поэтому автор делает попытку осветить этот вопрос в настоящей статье, написанной по архивным источникам и печатным материалам. Последние представлены правительственной и земской статистикой, а также периодическими изданиями. Автором были также использованы архив-

---

¹ Весновский В. А. У хуторян Сосновского района. Пермь, 1915 г.

² Его же. Кооперация на хуторах Пермской губернии, Пермь, 1915 г.

³ Першин П. Н. По хуторам Пермской губернии. Пермь, 1912 г.

⁴ Першин П. Н. Участковое землепользование в России. М., 1922 г.

⁵ Хитров П. И. Период промышленного и финансового капитализма. В кн. Пермская область. Пермь. 1959 г., стр. 206—232.

⁶ Очерки истории большевистских организаций на Урале. Свердловск, 1951 г., стр. 128, 129.

⁷ Левина Т. Л. Борьба большевистской партии за союз рабочего класса и крестьянства в годы столыпинской реакции. Ученые записки Пермского госуниверситета, т. 12, вып. 3, 1960 г., стр. 53—82.

ные материалы Центрального государственного исторического архива в Ленинграде и Государственного архива Пермской области.

Кратко остановимся на предпосылках столыпинской реформы в губернии.

Пермская губерния начала XX столетия была одной из самых обширных губерний в России. Ее территория уступала по площади только Вологодской и Архангельской губерниям. Население по первой Всероссийской переписи определялось в 2.993.562 человека¹.

Национальный состав губернии был неоднородным. Согласно все той же переписи 1897 года, жители губернии принадлежали к 48 национальностям. Кроме русских здесь жили татары, башкиры, коми-пермяки, мари, манси, удмурты и другие.

Основным занятием населения губернии было земледелие. Им было занято около 70% населения, в горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности — 10,5%, фабричной и кустарной промышленности — 6%, другие профессии — 13,5%.

В северной части губернии с суровым климатом земледелие было развито слабо. Среди населения этой части губернии (Чердынский, Соликамский, часть Верхотурского уездов) были развиты охота, рыбная ловля, частично скотоводство. Для населения центральных уездов губернии—земледелие служило подспорьем, основным занятием была работа на рудниках, горных промыслах, заводах. Житницей края являлись южные и юго-восточные уезды.

Развитие сельского хозяйства страны, и губернии в частности, задерживалось полукрепостническими производственными отношениями. Свободному развитию капитализма в деревне препятствовало наличие крупного помещичьего землевладения, с одной стороны, и общинного крестьянского землевладения — с другой.

Землевладение в Пермской губернии в начале XX века наглядно предстает перед нами в свете данных поземельной статистики 1905 года. Крупнейшим землевладельцем была казна, ей принадлежало 11.467.605 десятин, частному владению — 8.753.932 десятины, надельному землевладению — 8.337.535 десятин².

Ни в одной губернии России не было столь крупного помещичьего землевладения, как в Пермской губернии. 99 помещиков владели четвертой частью земли всей губернии (23,5%), в среднем на каждого из них приходилось по 67 тысяч десятин земли³. У отдельных владельцев имения достигали еще более колоссальных размеров: графу Строганову в губернии принадлежало около полутора миллиона десятин земли, около 800 тысяч имела княгиня Абаме-

¹ Первая Всероссийская перепись Российской империи 1897 года, Издание ЦСК МВД под ред. Н. А. Тройницкого, т. XXXI, Пермская губерния, страницы 270, 271.

² Статистика землевладения 1905 года. Изд. ЦСК МВД, вып. XI. Пермская губерния, СПб, 1906 г., стр. 36—51.

³ Статистика землевладения 1905 года, стр. 10—13.

лек-Лазарева, около 700 тысяч десятин—граф Шувалов, таким же количеством земли владели Демидовы¹.

Крестьянское землевладение по данным статистики 1905 года представляло собой следующее:

Виды владений	Кол-во влад.	Кол-во земли	% к общ. землевл.	% к итогу	В среднем на владен.
Надельные земли крестьян	520466	8337535	29,09	98,6	16,1
Собственность общин и товариществ	377	100256	0,38	1,2	256,8
В частной собств	358	19384	0,07	0,2	54,1
Всего:		8457175			

Как видно из вышеприведенных данных, частное крестьянское землевладение существовало в незначительных размерах, преобладало наделное крестьянское землевладение.

Как и во всей России, наделное крестьянское землевладение носило средневековый характер, было чрезвычайно запутанным.

В начале XX века крестьянство губернии состояло из нескольких категорий крестьян, существенно отличавшихся по своему экономическому положению.

Среди крестьян преобладали бывшие государственные, бывшие удельные и бывшие помещичьи крестьяне.

У бывших государственных крестьян на двор приходилось по 18,6 десятин;

у бывших удельных — по 12,9 десятины;

у бывших помещичьих крестьян — по 9,1 дес.²

Даже крестьяне одной и той же категории в пределах губернии имели различные наделы. Так, надел бывших государственных крестьян колебался в пределах от 11,5 десятины до 27,6 дес. Надел удельных крестьян — от 10 до 14,2 десятины, надел бывших владельческих крестьян — от 2,3 до 14,7 десятины.

Главную массу как по числу дворов, так и по занимаемой ими площади земли составляли государственные крестьяне³. Затем шли бывшие владельческие⁴, наконец, удельные⁵. Наиболее обеспеченными в земельном отношении были государственные крестьяне, затем шли удельные и помещичьи.

В начале XX столетия в Пермской губернии, несмотря на наличие массы крепостнических пережитков, тормозивших развитие ка-

¹ Подсчитано по адрес-календарю Пермской губернии на 1907 год, стр. 47.

² Статистика землевладения 1905 года, стр. 47—50.

³ Государственные крестьяне составляли 62,7% дворов от общего числа дворов и 72,7% площади земли.

⁴ Бывшие владельческие крестьяне имели 32,2% дворов и 18,4% площади; бывшие удельные крестьяне — составляли 1,5% дворов и 1,2% площади наделных земель.

⁵ Статистика землевладения 1905 года, стр. 34.

питалистических отношений в сельском хозяйстве, капитализм уже глубоко проник в экономику сельского хозяйства. Наглядным примером тому служило нарушение принципа уравнительности в общем землепользовании. Надельное землевладение и фактическое землепользование крестьян в губернии существенно различались между собой.

**Землепользование крестьян Пермской губернии на надельных землях
в начале XX века¹.**

Группы дворов	Число дворов	%	Земли дес.	%	В средн. на 1 дв. дес.
До 5 дес.	88.088	17	218536	2,7	2,5
5—8 дес.	23.743		158987	1,8	6,6
Всего до 8 дес. включительно	111.831	21,5	377523	4,6	3,4
8--15 дес.	139.148	26,7	1660088	20,2	12
Всего до 15 дес.	250.979		2037611	24,8	7,8
15—30 дес.	240.907	46,3	4.954.464	60,8	20,3
Свыше 30 дес.	28.590	5,5	1.088.541	15,0	38
Всего:	520.466		8.228.764		15,8

Следовательно, пятая часть крестьян в губернии имела надел до 8 десятин, что в условиях Пермской губернии, где значительную часть надела составляли покосные, пастбишные и лесные угодья, было ничтожно мало. Даже группу дворов с наделом до 15 десятин нельзя считать обеспеченной в земельном отношении, так как в среднем 40% надела крестьян составляли покосы и леса. Из 12 десятин надела только 7 десятин составляли пашни. Этого количества земли для нормального существования крестьянской семьи явно было недостаточно.

Итак, почти половина крестьянских дворов (48,2%), с наделом до 15 десятин не была обеспечена пахотной землей.

Данные таблицы свидетельствуют о разложении общины и переходе наделов от пролетаризирующего крестьянства к сельской буржуазии. Действительное землепользование зажиточного крестьянства на деле было более высоким, чем надельное. На двор зажиточного крестьянина приходилось в 11 раз больше земли, чем на двор крестьянина первой группы. Если же взять занимаемые этими группами площади земель, то картина будет еще более разительной. 5% зажиточных крестьянских дворов имели земли в 3 раза больше, чем 20% беднейших дворов. Фактическое землепользование крестьянских дворов отражало прежде всего их капиталистическую эволюцию. Но о силе сельской буржуазии нельзя судить только по количеству надельной земли у них. Богатые крестьяне покупали большие участки в частную собственность и снимали землю в аренду у своих односельчан. В. И. Ленин указывал:

¹ Статистика землевладения, 1905 г., стр. 37—41.

«Прежде главной силой была земля, — так было при крепостном праве: у кого была земля, у того была и сила и власть. А теперь главной силой стал капитал»¹.

В Пермской губернии в 1900 году крестьяне арендовали в общей сложности 394.500 десятин, из них 50960 десятин у частных лиц².

Перейдем к заключению относительно землевладения в Пермской губернии. В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России в конце XIX века» все земельные владения разделил на четыре основных типа:

1. разоренное крестьянство, придавленное крепостнической эксплуатацией;
2. среднее крестьянство;
3. крестьянская буржуазия и капиталистическое землепользование;
4. крепостнические латифундии.

К первой группе он относил владения до 15 десятин, ко второй — от 15 до 20, к третьей — от 20 до 500, к четвертой — свыше 500³.

Общая картина землевладения в губернии предстает перед нами следующей:

Группы владений	Владельцы	Количество земли	В среднем на 1 владельца
До 15 десятин	251.209	2.038.511	8
15—20 дес.	121.838	2.123.553	17
20—500 дес.	143.354	4.126.091	28,6
Свыше 500 дес.	139	8.794.541	63,000
Всего:		17.082.696	

В процентном отношении соотношение между группами будет следующим:

I	48,6	11,4
II	23,6	12,6
III	27,7	24,4
IV	0,02	51,6

Итак, на одном полюсе 251 тысяча крестьянских дворов, на долю которых приходилось 2 млн. десятин земли, на другом — 139 владельцев, в руках которых 8 миллионов десятин земли.

Для Пермской губернии было характерным общинное крестьянское землевладение: 95,3% общин и 93,7% пахотных земель в общественном пользовании.

В начале XX века общинное землевладение было преимущественно распространено в Камышловском, Шадринском, Ирбит-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 338.

² Анфимов А. Н. Земельная аренда России в начале XX века. М. 1961 год, стр. 198, 200.

Статистика землевладения 1905 года, стр. 37—41.

³ В. И. Ленин. Соч., том 13, стр. 12.

ском, Осинском, Соликамском, Красноуфимском и Чердынском уездах. Подворное землепользование преобладало в Кунгурском уезде.

Общинно-надельное землевладение противоречило новым капиталистическим условиям хозяйства и лишь ухудшало положение масс крестьян.

В то же время в губернии налицо было феодальное землевладение и связанные с ним пережитки. Это обстоятельство неизбежно должно было привести к новому кризису в экономике сельского хозяйства, ибо чем дальше уходило вперед капиталистическое развитие сельского хозяйства, тем в большее противоречие оно приходило со средневековым землевладением.

В прошении на имя председателя Совета Министров Витте крестьяне деревни Шульдиhi, Толстика, Быстрой и Глубикова Осинского уезда писали:

«Мы находимся в самых невыносимых условиях, главной причиной чего является наше крайнее малоземелье. Хлеба с собственной запашки хватает на 3—4 месяца и то при хорошем урожае. Поэтому приходится арендовать удельные земли, цена которых оказалась **довольно высокой**. Обременительные подати и налоги вырывают у крестьян последние остатки. В результате всего явилась крайняя бедность, переходящая в нищету, голодаем мы и еще больше будут голодать наши дети»¹.

Участие крестьянства губернии в первой русской революции способствовало в дальнейшем усилению их борьбы не только против помещиков, но и против сельской буржуазии, превращая крестьянство в верного союзника рабочего класса в классовых боях.

Как было указано в начале статьи, столыпинская реформа преследовала цель создать в деревне твердую опору царского правительства в лице буржуазии, кулаков. Каждый крестьянин имел право выйти из общины и закрепить свой надел в личную собственность.

В целях скорейшего разрушения общины указ 9 ноября поощрял прямой грабеж общинных земель зажиточными крестьянами, установив для них своеобразную премию за уход из общины в виде приобретения «излишков земли», которые могли быть выкуплены из общины по ценам 60-х годов, т. е. в 3—4 раза ниже рыночных. Домохозяин, за которым закреплялась наделная земля, мог требовать, чтобы общество выделило ему взамен разбросанных полей соответствующий участок в одном месте (хутор или отруб). При этом выделение земли в одном месте было обязательным, если оно совпадало с общинным переделом².

Указ 9 ноября 1906 года после принятия его III Думой и Государственным Советом, внесшими в него ряд дополнений и из-

¹ Савич А. А. Очерки истории крестьянского движения, П., 1928 г., стр. 121.

² См. ПСЗ Российской империи, собрание III, т. XXVI, СПб, 1909, № 28528.

менений, стал законом 14 июня 1910 года¹. Он признал личными собственниками в принудительном порядке всех крестьян в тех общинах, где не было общих переделов земли: «Общества и имеющие наделные владения селения, в коих не было общих переделов со времени наделения их землей, признаются перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению (ст. 1)». Если по указу 9 ноября 1906 года выдел к одному месту домохозяина был обязательным для общества только при общих переделах, то по закону он мог быть осуществлен помимо общих переделов, если этого требовала пятая часть домохозяев. Если же землеустроительные комиссии находили надел участка возможным и не связанным с особыми неудобствами, то такой надел производился хотя бы по заявлению одного домохозяина.

Непосредственным дополнением указа 9 ноября 1906 года и закона 14 июня 1910 года было положение о землеустройстве, ставшее законом 29 мая 1911 года². Он имел своей специальной целью форсировать в принудительном порядке дело разверстывания чересполосицы и перехода к отрубному и хуторскому хозяйству. Акт об отводе земли в порядке землеустройства был достаточен для того, чтобы эта земля считалась укрепленной в личную собственность, и получивший ее считался уже введенным в права владения ею.

Для осуществления столыпинской аграрной политики на местах были созданы указом 4 марта 1906 года³ губернские и уездные землеустроительные комиссии.

На землеустроительные комиссии возлагались задачи содействовать выделившимся из общины крестьянам в размежевании их земель от иных земель, покупке ими земель через посредничество Крестьянского поземельного банка; осуществлять переселенческую политику; разрешать межевые и прочие землеустроительные споры.

Землеустроительные комиссии являлись административно-судебными учреждениями по землеустройству, а губернские комиссии выполняли функции распорядительных учреждений и принимали апелляционные жалобы на решения уездных землеустроительных комиссий, которые являлись исполнительными инстанциями.

В Пермской губернии первые пять землеустроительных комиссий были созданы 15 мая 1907 года⁴.

Первыми междууездными комиссиями были: в г. Осе — для Осинского и Оханского уездов; в г. Перми — для Пермского и Кунгурского уездов; в г. Соликамске — для Соликамского и Чердынского уездов; в г. Екатеринбурге — для Екатеринбургского,

¹ См. ПСЗ Российской империи, собрание III, т. XXX, СПб, 1913, № 33. 745.

² См. ПСЗ Российской империи. Собрание 3-е, т. XXXI, СПб, 1914 год, № 35370.

³ См. ПСЗ Российской империи. Собрание 3, т. XXXV, 1909 г., № 27478.

⁴ ЦГИА, ф. 408, оп. 1, д. 141, л. 21; Госархив Пермской области, ф. 277, оп. 1, д. 17, л. 158.

Красноуфимского и Верхотурского уездов; в г. Камышлове — для Камышловского, Ирбитского и Шадринского уездов.

30 сентября 1909 года открылась Оханская землеустроительная комиссия, 7 февраля 1911 года — Пермская землеустроительная комиссия и Ирбитская, а 15 октября этого же года — Верхотурская, Екатеринбургская, Чердынская и Кунгурская¹.

Губернская землеустроительная комиссия была открыта 20 августа 1909 года². До этого деятельность всех землеустроительных комиссий направлялась губернским присутствием. С созданием губернской землеустроительной комиссии все землеустроительные комиссии перешли в ее подчинение.

Низовым звеном столыпинского землеустройства являлся земский участковый начальник. Он был ближайшим исполнителем землеустроительных законов: выдавал укрепительные и удостоверительные акты на землю, разрешал предварительные споры, принимал участие в работе землеустроительных комиссий.

Для успешного претворения в жизнь столыпинской реформы была развернута широкая пропаганда нового землеустройства.

В многочисленных циркулярах Пермского губернатора неоднократно подчеркивалось, что продвижение земских начальников по служебной лестнице будет ставиться в прямую зависимость от их деятельности по проведению в жизнь указа 9 ноября 1906 года.

Столыпинская аграрная политика вела к насильственному слову общины, к разорению крестьян, к обострению классовых противоречий в деревне.

Уроки первой русской революции не прошли бесследно для крестьян Пермской губернии.

Лучшим свидетельством отрицательной реакции крестьян на столыпинскую реформу служат наказания крестьян во II Государственную Думу. Несмотря на жесточайшую реакцию и беспощадное подавление царизмом всякого сопротивления мероприятиям правительства, крестьяне выступают с требованиями конфискации помещичьих земель и передачи их в руки крестьян. Крестьяне деревни Шуманской, Воделиновской волости, Шадринского уезда писали во II Государственную Думу: «Все земли — помещичьи, казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные должны быть переданы в пользование всего трудового народа без права на частную собственность». В январе 1907 года крестьяне Нейво-Алапаевской волости выработали наказ, который требовал отмены столыпинского землеустройства, а все земли частных лиц и учреждений передать в пользование трудящихся бесплатно³.

¹ Госархив Пермской области (в дальнейшем ГАПО), ф. 277, оп. 1, д. 17, л. 158.

² ЦГИА, ф. 408, оп. 1, д. 59, л. 5; д. ПО, лл. 362—362 об.

³ ГАПО, ф. 8с, 160, оп. 1, д. 283, 294, л. 135.

Если зажиточные крестьяне горячо приветствовали реформу, то основная масса крестьянства отнеслась к аграрному землеустройству крайне отрицательно.

Зажиточные хуторяне Грязновской волости Камышловского уезда в прошении на имя губернатора жаловались: «Мы немедленно заявили о выходе из общины, хотя за то нам пришлось вынести много угроз и оскорблений и даже побоев, так как в нашем обществе почти все состоят в политическом союзе и заговоре против закона 9 ноября 1906 года и нас, выделяющихся»¹.

О непопулярности в Пермской губернии столыпинской реформы говорят такие данные. Почти за десять лет требования о закреплении земли в личную собственность заявили только 44.355 домохозяев (8,4% от общего их числа). Из них отказались от закрепления земли за ними до обсуждения на сходах 7.480 домохозяев (17% из числа подавших заявления), получили приговор от общества только 4.311 домохозяев. Всего закрепили землю в личную собственность 21.246 домохозяев (4,2% всего числа домохозяев), площадь земли, закрепленной за ними, составила 254.785 десятин (3%, от надельной)².

По годам выход из общины представляется в следующем виде³:

Г о д ы	Число д/х заяв. требов. о выходе	Число д/х, укрепивших землю	Площадь укрепленной земли
1907	4.301		
1908	17.400	6 337	82.369
1909	6.305	6.808	86.943
1910	3.975	3.447	38.988
1911	5.672	1.812	16.768
1912	3.207	1.244	12.231
1913	2.327	1.030	10.276
1914	1.019	299	4.914
1915	619	174	1.514
1916	235	103	882

Какие же слои крестьян выходили из общины? В этом была заинтересована прежде всего сельская буржуазия. Выходом из общины кулаки стремились укрепить свое хозяйство. Они при помощи Крестьянского банка получили возможность скупать по дешевке наделы бедняков.

Выделялась из общины и часть бедняков, особенно из числа находившихся на заработках в городах. Бедняки продавали свои наделы и пополняли армию пролетариев. Вот что писала по это-

¹ ЦГИА, ф. 1291, он. 121, д. 84, лл. 11, 14.

² ЦГИА, ф. 1291, оп. 121, д. 19, лл. 214, 216.

³ Там же, ф. 1290, оп. 120, д. 2, лл. 174, 175; д. 11, лл. 1, 2, 11, 12; д. 37, л. 2—3, оп. 6, д. 94, лл. 55, 76, 77; ф. 1291, оп. 121, д. 1 (ч. 3), лл. 249, 250, 251, 252; д. 2, л. 174, 175; д. 18/ч (41), лл. 265, 266; д. 19, лл. 214, 216, 465, 466; д. 75, лл. 1, 2, 11, 12.

му поводу «Пермская земская неделя»: «После указа 9 ноября о своем желании выделиться заявили многие. Сюда относятся живущие в городах крестьяне. Они занимаются торговым промыслом и на прикрепленность к земле смотрят как на цепи, которыми они скованы. О выделении заявляют и те из деревенской бедноты, которые от своей полосы, величиною с носовой платок, не видели ничего, кроме горя и беспросветной бедности. Свобода от пут земли кажется им облегчением¹».

Но выход из общины был только первым этапом в осуществлении столыпинской реформы, вторым и основным было создание хуторов и отрубов.

Большую роль в насильственном разрушении крестьянской общины занимало столыпинское землеустройство, с помощью которого царское правительство пыталось заложить основы капиталистического земледелия на отрубных и хуторских участках и создать себе прочную опору в лице кулаков и богатеев.

Землеустройство подразделялось на единоличное и групповое. Основным являлось земледелие единоличное, т. е. выдел закрепленной земли в одном месте в форме хутора или отруба. К групповому землеустройству относились: выдел земель отдельным селениям, сельским обществам, отдельным выселкам и частям селения, раздел угодий, находящихся в общем пользовании, а также уничтожении чересполосицы крестьянских земель.

Преобладающее значение в Пермской губернии получили работы по групповому землеустройству. Основными видами работ землеустроительных комиссий явились такие, как уничтожение чересполосицы, разверстание на отрубные участки целых селений, выдел земли селениям. Эти виды работ составили от общего числа устроенных дворов 83,3 %, а по площади — 79 %² (к 1 января 1915 года).

По принципу единоличного землеустройства до 1915 года было образовано 13.640 хуторских и отрубных участков с общей площадью в 219 тыс. десятин³, в том числе:

	Число дворов	Площадь (в десятинах)
На наделных и внеад. землях	9.689	162.642
На землях Крестьянского банка	1.217	39.584
На казенных землях	367	11.507

Была развернута широкая пропаганда новых форм хозяйства. В Пермской губернии были организованы 184 показательных участка, 25 прокатных станций и столько же зерноочистительных пунктов, 44 племенных рассадника свиней и т. д. Лучшие хозяй-

¹ Газета «Пермская земская неделя» № 2, 1908 г., стр. 12.

² Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссии Пермской губернии на 1 января 1915 года. Пермь, 1915 г., стр. 63.

³ Там же.

ства премировались поездками за границу для изучения ведения хозяйства.

Выделявшимся на хутора и отрубы выдавались ссуды на покупку земли, постройку домов, приобретение инвентаря, покупку семян и т. д. Но все эти усилия не дали существенных результатов. За период с 1907 по 1916 год в Пермской губернии на хутора и отрубы выделилось только 16096 хозяйств с общей площадью в 213.600 десятин¹. Причем, на землях сельских обществ выделилось только 12.541 хозяйство с общей площадью 209.894 дес, что составило лишь 2,4% всех наделенных дворов к 1905 году, а площадь закрепленной за ними земли составляла 2,5%.

Таким образом, столыпинским землеустройством было «облагодетельствовано» всего только два с небольшим процента всех крестьянских хозяйств. В общей массе участковых хозяйств отруба значительно преобладали над хуторами как на наделной земле, так и на банковских и казенных землях.

Столыпинская реформа не решила и не могла решить проблемы перевода мелкого и раздробленного сельского хозяйства на путь капиталистического развития. Даже хуторские хозяйства имели различные типы с разным уровнем состояния дел в них.

Один тип хуторян—незначительное меньшинство их—составляли кулаки и богатеи, которые преуспевали и шли в гору. Выделившись из общины и округлив свои участки путем скупки наделов бедноты, кулаки развивали капиталистическое хозяйство и обогащались за счет эксплуатации чужого труда. Всякого рода агротехнические достижения (применение машин, усовершенствование орудий, улучшение севооборота, мелиорация) осуществлялись именно в этой категории хозяйств.

Другую группу хуторян составляли беднейшие и маломощные крестьяне, нередко выселявшиеся на хутора «от отчаяния», в расчете на «пособия». Такие крестьяне бедствовали на своих хуторах не менее, чем в общине, и не могли, разумеется, думать о каких-либо улучшениях в хозяйствах.

Маломощные крестьяне и после переезда на хутора не могли наладить своих хозяйств. В очерках П. Н. Першина «По хуторам Пермской губернии»² есть описание хутора крестьянина Н. Трохова (д. М. Аникина, Камышловского уезда). До землеустройства «хозяйство у него было плохое. Избушка на три окна, которые вместо стекол были заклеены бумагой и красными тряпками, была до того дряхлая, что того и гляди развалится. В дождливую погоду дырявая крыша протекала и дождевые ручьи лились прямо в «комнату». Скотины было всего только заморенная лошаденка, худенькая коровенка, да несколько куриц³. Когда начались выделы, подал заявление. «Все равно, — думал он, — хуже тепе-

¹ Дубровский С. М. Столыпинская реформа. М., 1925 г., стр. 290.

² Першин П. Н. По хуторам Пермской губернии. (Распадение общины, очерки хуторских хозяйств, деревенские настроения). Пермь, 1912 г.

³ Там же, стр. 25.

решного жить теперь уже нельзя, а может на хуторе-то лучше будет». В 1909 году он переселился со своим семейством на хутор. Получил пособие на переезд, засеял в первый год 3, затем 5 десятин. Появилась у него еще одна лошадь в хозяйстве, прикупил корову. Но неурожай 1911 года свел на нет все его усилия. Пришлось вновь наниматься на работу, на рубку леса. Хутор, несмотря на 3-летнее существование, до сих пор носит незаконченный вид, в нем много неустройства.»

Сам хозяин Трохов изнурен от непосильной и трудной работы»¹.

Или вот описание Хохловского хутора — хозяйства Ширкалова. Надел его 26 десятин. Семья 9 человек, причем работник — только сам хозяин. Весь участок фактически не разработан. Находится он в лесу, к нему нет никакой проезжей дороги, да у него и нет телеги. Только пешком можно пробраться в его усадьбу. Материальное положение неутрадное. Уж нечего и говорить о недостатке своего хлеба. Его лишь хватает на семена, да на один—два месяца пропитания. Пробирается он на продаже дров и мелкого леса. Изба у него старая, покосившаяся, с низким потолком, скорее напоминающая конюшню, чем жилое помещение².

Такие крестьяне бедствовали на своих хуторах не меньше, чем в общине, и не могли, разумеется, думать о каких-либо улучшениях в своих хозяйствах. В конце концов многие из них теряли свои участки и пополняли ряды безземельных пролетариев.

Немаловажную роль в осуществлении антинародной столыпинской аграрной политики играл Крестьянский поземельный банк. С одной стороны, он помогал выгодно ликвидировать помещичьи земли, с другой — поддерживал правительственный курс на создание крепких единоличных хозяйств путем продажи им земли. Принятие банком нового заниженного курса немедленно сказалось на приобретении им земель. С 1905 по 1915 годы Пермское отделение крестьянского банка скупило у частных владельцев 71 имение³. Земельный запас банка в эти годы составил 153163 десятины земли, которые реализовались крестьянам. С 1908 по 1915 годы у банка приобрели участки шесть с половиной тысяч домохозяев⁴. Что же представляли собой эти покупатели? Официальные отчеты банка пытались убедить в том, что основной контингент покупателей — это малоземельное и даже безземельное крестьянство. Так ли это было на самом деле? Анализ имущественного обеспечения покупателей банка и, в частности, земельного, убеждает нас в противоположном. Возьмем, как наиболее характерный, период с 1908 по 1912 годы. Из общего числа домохозяев, покупателей банка, только 20% имели до покупки

---

¹ Першин П. Н. По хуторам Пермской губернии, стр. 29.

² Першин П. Н. Упомянутое сочинение, стр. 7.

³ Отчеты Крестьянского поземельного банка. СПб., 1907—1917 годы за 1906—1915 годы. С 1886 по 1906 годы приобрел 2 имения.

⁴ Крестьяне приобрели 70.499 десятин земли или 47% запаса земли у банка.

меньше 5 десятин, до 10 десятин — 14%, свыше 40% домохозяев имели до покупки у банка наделы больше 10 десятин¹. В большинстве своем покупателями банка являлись зажиточные домохозяева. Им же принадлежала большая часть приобретенной у банка земли. Так, за этот же период (1908—1912 гг.) треть общего числа покупателей (27,4%) приобрела больше половины всей купленной у банка земли². Вообще для всей политики банка в период столыпинской аграрной реформы характерным являлся курс на единоличного обеспеченного покупателя. Достаточно сказать, что после 1906 года среди покупателей банка было 2.164 отдельных домохозяев и лишь 692 от сельских обществ и товариществ³.

Следовательно, основным покупателем банка являлся зажиточный крестьянин, кулак. Что же касается т. н. «безземельных» крестьян, то и это утверждение банка не находит своего подтверждения при анализе отчетов. С 1908 по 1915 годы т. н. «безземельные» крестьяне, составившие от общего числа покупателей пятую часть (19,7%), приобрели лишь 37% всей купленной крестьянами земли⁴. Приобретенный ими надел по группе товариществ и обществ колебался в пределах от 20 до 23 десятин, по группе отдельных домохозяев от 23 до 25 десятин. Принимая во внимание тот факт, что в различные годы цена на землю в банке колебалась от 35 до 47 рублей, а надел, приобретаемый у банка крестьянами, обладавшими землей до покупки, не превышал 11 десятин, становится ясно, что подобные приобретения безземельным крестьянам были не по средствам. Приведенные данные лишний раз убеждают, что Крестьянский поземельный банк твердо и неуклонно проводил политику поощрения кулацких и зажиточных крестьянских хозяйств, и вопроса о крестьянском малоземелье ни в коей мере разрешить не мог.

Следуя правительственному курсу на усиление сельской буржуазии, Крестьянский поземельный банк продавал крестьянам землю, в основном, хуторами и отрубам. Всего с 1907 по 1916 годы на землях Пермского отделения Крестьянского поземельного банка было образовано 3.308 хуторов и 239 отрубов⁵. Политика поощрения единоличного покупателя видна и в выдаче ссуд. В 1910 году в среднем одному единоличнику банк выдавал ссуду на 1 десятину — 34 руб. 60 коп., а на 1 десятину товариществам — 22 руб. 60 коп.⁶.

¹ Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1908—12 гг. СПб. 1909—1914 гг. Общее число покупателей — 5 715.

² Там же.

³ Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1906—1915 годы. СПб. 1907—1917 гг. с 1890 по 1906 гг. сельские общества и товарищества составили 378 покупателей, отдельные домохозяева — 34. Отчеты банка с 1890 по 1905 гг. СПб., 1891—1906 годы.

⁴ Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1908—1915 годы. СПб. 1909—1917 годы.

⁵ Першин П. Н. Участковое землепользование в России. М., 1922 год, стр. 18.

⁶ ГАПО, ф. 204, оп. 1, л. 75, л. 106.

Среди покупателей-крестьян были и бедняки и середняки, которые надеялись, что длительная рассрочка даст им возможность наладить хозяйство и выплатить долг. Но малоимущим крестьянским хозяйствам своевременно платить платежи банку было не под силу. Крестьянская недоимка банку из года в год росла с угрожающей быстротой. Если к 1 января 1908 года она составляла 16.148 рублей, то на 1 января 1915 года — 99.881 рубль¹.

Следовательно, вся политика Крестьянского поземельного банка содействовала укреплению кулацкой верхушки, вела к разорению малоимущих крестьян.

Одним из путей, по которому осуществлялась столыпинская аграрная политика, явилось крестьянское переселение. В пореформенную эпоху царское правительство всячески тормозило переселение крестьян в отдаленные от центра места, но под влиянием революции 1905—1907 годов царизм резко меняет политику и в этой области. Переселение стало не только свободным, но и всемерно поощряемым правительством. Основная масса переселенцев шла из южных губерний, где более всего давали себя знать остатки крепостничества и низкий уровень сельского хозяйства. Наименьшее число переселенцев выходило из северных, прибалтийских и промышленных губерний, к числу которых относилась и Пермская губерния. С 1906 по 1914 годы из губернии переселилось немногим более 1% крестьянского населения. Переселенцы из губернии отправлялись в основном в Томскую, Иркутскую, Енисейскую и Тобольскую губернии, а также в Амурскую, Забайкальскую и Приморскую области.

Что же представляли собой переселенцы по классовому составу? Показательны в этом отношении данные по дер. Сюрки Аряжской волости Осинского уезда. Так, из 11 переселенцев этой деревни никто не арендовал земли, размеры наделов в то же время колебались в хозяйствах от 2 до 7 десятин. Четыре из 11 хозяйств были безлошадными, семь — однолошадными; три хозяйства не имели коров, пять — по одной и только три — по две. Вместе с тем все эти хозяйства были большесемейными, по 8—12 человек, а запасы хлеба у них составляли на год от 20 до 70 пудов. Учитывая годовое потребление на человека по 19 пудов хлеба, становится ясным, что все они были обречены на голодное, нищенское существование².

Однако, переселение на свободные земли за Урал не спасало положение. Чаше всего переселенцы пополняли ряды сельского пролетариата на местах или возвращались домой, окончательно разоряясь, и вливались в ряды крестьянской бедноты.

В. И. Ленин, характеризуя столыпинское законодательство, указывал, что оно было «насквозь проникнуто чисто буржуазным духом. Оно, вне всякого сомнения, идет по линии капиталистической эволюции, облегчает, толкает вперед эту эволюцию, ускоряет

---

¹ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1907 год. СПб. 1908 год. стр. 78, 79.

То же за 1915 год. СПб, 1916 г., стр. 55—56.

² ЦГИА, ф. 391, оп. 3, д. 1557, лл. 16, 17.

эксплуатацию крестьянства, распадение общины, создание крестьянской буржуазии»¹.

Реформа Столыпина усилила классовое расслоение в деревне. С одной стороны, шла пролетаризация крестьянства, с другой — экономическое усиление деревенской буржуазии. Одним из важнейших показателей пролетаризации беднейшего крестьянства была продажа закрепленных наделных земель. Со времени издания указа по 1919 год из числа закрепивших землю домохозяев продали свои участки 12.920 домохозяев или 62% всех крестьян, вышедших из общины². Продавало землю либо малоземельное, вконец разоренное крестьянство, либо давно уже фактически порвавшее с общиной и связанное с ней только законом. Об этом свидетельствует уже хотя бы то обстоятельство, что в среднем на каждого продавца приходилось по 2 десятины земли. Статистические данные показывают, что продажа укрепленных наделов возрастала с каждым годом. В сравнении с 1908 годом число продавцов выросло в 77 раз, а площадь проданной земли — в 96 раз³.

Существенным признаком обнищания крестьянства служил также рост безлошадных и однолошадных хозяйств. В сравнении с 1900 годом эта группа выросла на 3%. В 1912 году группа безлошадных хозяйств составляла 21,7%⁴. Уменьшилось количество рабочих лошадей и общее количество скота на двор. Если в 1909 году на крестьянский двор приходилось рабочих лошадей 2 головы, а общее количество скота составляло 4,9 головы, то в 1912 году первый показатель составил только 1,3, а второй — 3,12 головы⁵.

Об усилении разорения землевладельцев свидетельствовал и неуклонный рост числа крестьян-отходников. Если в 1900 году к этой категории принадлежало 192 000 крестьян, в 1902 году — 228 900, то начиная с 1906 года и вплоть до 1910 включительно каждый год на отхожие промыслы уходило уже по 252 400 крестьян⁶.

В то время как реформа разоряла и обезземеливала основную массу крестьянства, небольшую группу буржуазии она, несомненно, экономически укрепляла. Общий подъем сельского хозяйства в 1909—1913 годах шел главным образом за счет развития хозяйства деревенской буржуазии. Так, валовой сбор зерна возрос с 96 тыс. пудов в 1906 году до 112 тыс. в 1912 году⁷. Соответственно

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 351—352.

² Статистический справочник по аграрному вопросу. Москва, 1917 г., стр. 18.

³ В 1908 году число продавцов было 45, площадь земли 217 десятин, в 1914 г. число продавцов 3466, площадь земли 20720 десятин. Сведения взяты из сборника статистических сведений Министерства юстиции за 1908—1914 годы.

⁴ Военно-конская перепись 1912 г. СПб, 1914 г., стр. 49—50.

⁵ Цифровой материал о положении сельского хозяйства крестьян Пермской губернии за 8-летний период, с 1905 по 1912 год включительно. Пермь, 1913 г., стр. 14—15.

⁶ Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России в начале XX века. М., 1960 г., стр. 256.

⁷ Цифровой материал о положении сельского хозяйства крестьян Пермской губернии за 8-летний период, с 1905 по 1912 год включительно. Пермь, 1913 г., стр. 14—15.

увеличился и вывоз хлеба из пределов губернии, о чем свидетельствуют такие показатели по ржи и пшенице (в тыс. пудов)¹.

	Рожь	Пшеница
1909 год	193	369
1913 год	907	1310

Наряду с повышением товарности земледелия наблюдалось, правда, в незначительном количестве стремление развить производство более ценных сельскохозяйственных культур. Так, площадь под посевами пшеницы увеличилась на 1,1 %².

Об укреплении кулачества свидетельствовало и быстрое развитие кредитной кооперации. Если в 1906 году было 7 кредитных товариществ, то к 1 января 1913 года их было уже 310³. Ввоз сельхозмашин вырос со 154 до 407 тыс. штук⁴.

В годы реформы возросло сосредоточение надельных земель в руках у кулачества. С одной стороны, они расхищали общинные земли при выходе из общины, а с другой — скупали за бесценок наделы у обедневшей части крестьянства. В 1907—1914 годы они купили у крестьян 45808 дес. земли, а через Крестьянский банк с 1911 по 1915 годы — 54800 десятин земли⁵.

Однако, буржуазная прослойка деревни составляла лишь незначительную часть крестьянского населения. Основная масса крестьян осталась в прежней полукрепостнической зависимости от помещиков с той лишь разницей, что к гнету помещиков добавился гнет сельской буржуазии.

В этих условиях неизбежно обострилась борьба крестьян против аграрной политики царизма. В первое время в условиях упадка революционного движения, в годы свирепствующей реакции (1907—1910 годы), борьба крестьян против столыпинского землеустройства носила более скрытый характер. Крестьяне бойкотировали выборы в землеустроительные комиссии, называя их «землеграбительными», а если и выбирали представителей, то явных противников новых законов. Отрицательное отношение крестьян к реформе выразилось уже в том, что правом выхода из общины воспользовались только немногим более 4% крестьянских дворов.

Одной из распространенных форм борьбы крестьян были отказы об утверждении приговоров о выходе из общины. Сельские сходы по всей губернии утвердили только 9% всех заявлений. Широкие массы крестьянства боролись против закрепления общинной земли в личную собственность не потому, что были верны общинным принципам, а потому, что закрепление земли за кулаками и образование кулацких хуторов и отрубов было настоящим грабе-

¹ Статистические сведения о перевозке пассажиров, багажа и всякого рода грузов в 1911 году. Пермь, 1912 г., стр. 78—79. То же за 1913 г., стр. 86—87.

² Обзор Пермской губернии за 1913 г., Пермь, 1914 г. Приложение № 2.

³ Ежегодник Пермского земства за 1914 г., стр. 149—150, Пермь, 1914 г.

⁴ Статистические сведения о перевозке пассажиров, багажа и всякого груза за 1911 год. Пермь. 1913 г., стр. 98, 99. То же за 1913 г., стр. 108, 109.

⁵ Справочник по аграрному вопросу. М., 1918 г., стр. 17,

жом общинных земель. В феврале 1908 года сельский сход трех волостей Ирбитского уезда: Бобровской, Краснослободской и Нижне-Исетской отказался принять указ 9 ноября. Крестьяне Ачитской волости, Красноуфимского уезда тоже всем сходом отказались от указа и даже послали ходоков в Петербург с просьбой отменить закон Столыпина¹.

Главное острое борьбы крестьян было направлено против кулаков-хуторян. Крестьяне грозили им поджогами и убийствами. В 1909 году пермский губернатор писал в Департамент полиции, что «формы враждебных отношений к зажиточным домохозяевам практически безграничны»².

Спротивление крестьянства проведению столыпинской аграрной политики приняло особенно упорный характер с конца 1910 года. Участились выступления крестьян, заканчивающиеся вооруженными столкновениями с полицией. Рост крестьянского движения был обусловлен также начавшимся политическим оживлением в стране, перешедшем в 1912 году в общенародный революционный подъем. В 1911 году борьба против столыпинского землеустройства охватила все уезды Пермской губернии.

В Осинском уезде во время землеустроительных работ крестьяне Еловской и Больше-Сосновской волостей постоянно ходили вооруженные топорами и косами. Землеустроители работали под охраной стражников. Член Осинской землеустроительной комиссии Катаев писал губернатору, что считает небезопасным командирование землеустроителей в село Ножовку, так как каждую минуту можно ожидать нападения³. В других уездах крестьяне также всячески противодействовали землеустройству: рубили межевые столбы, стесывали клейма на них, сеяли на прежних участках. В селе Симинчей, Манчажской волости, Красноуфимского уезда крестьяне стреляли в землемера⁴. Эти факты и многие другие свидетельствуют о крайнем обострении в ту пору классовых противоречий в деревне.

Среди крестьян все чаще стали возникать слухи о готовящемся восстании и переходе всех помещичьих земель в руки крестьян. Соликамский уездный исправник доносил губернатору, что крестьяне Рождественской, Александро-Рождественской, Верх-Язьвинской, Козьмодемьянской и Воскресенской волостей «держат себя вызывающе» и открыто заявляют, что «в 1912 году должна быть свобода и крестьяне будут душить господ»⁵.

Борьба крестьянства против землеустройства и кулацких хуторов сливалась с борьбой против помещиков, велась везде, где проводилось столыпинское землеустройство, прозванное в народе «землерасстройством». Только в 1909 году было 182 поджога вла-

---

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 517, л. 1.

² ЦГИА, ф. 1291, оп. 120, 1909, д. 1, л. 228.

³ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 575, лл. 77, 82.

⁴ ЦГИА, ф. 1291, оп. 120, д. 21, л. 4.

⁵ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 582, л. 20.

дельческого имущества, от которых пострадали имения Строганова, Воронцовой-Дашковой в Пермском уезде, а также соляные промыслы Шувалова, Голицына, Строганова, Абамелек-Лазарева¹.

Во всей губернии не прекращались потравы и поджоги в помещичьих имениях, порубки леса.

По собственному признанию Столыпина, для успеха его реформы ему нужно было 20 лет покоя, под которым он понимал покорность крестьян, отсутствие борьбы против разграбления общинных земель кулаками. Покой не только на 20 лет, но и на 3 года Столыпин не создал и создать не мог, как писал В. И. Ленин, анализируя причины краха столыпинской реформы.

Реформа не разрешила аграрного вопроса, оставив в неприкосновенности помещичье землевладение. Не разрешив задач буржуазного преобразования в сельском хозяйстве, реформа только до крайности обострила все классовые противоречия в деревне.

Крестьяне на опыте столыпинского землеустройства убеждались, что у них есть единственный выход из положения отчаянной нищеты и голодной смерти — революционная борьба вместе с рабочим классом за свержение царской власти.

---

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (в дальнейшем ЦГАОР), Д. П оп. 102, 4, д. 50, ч. 7, 1910, л. 39.

Н. Д. Аленчикова

**ОБЗОР ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ РАБОЧИХ ЧАСТНЫХ
(ВОТЧИННЫХ) ЗАВОДОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1861 — 1917 гг.)**

Вопрос об изменении землевладения и землепользования рабочих Урала в пореформенный период теснейшим образом связан с вопросом формирования в крае рабочего класса, с особенностями его развития.

Настоящий обзор ставит своей целью облегчить задачу исследователей в деле изучения проблемы землевладения и землепользования по частным (вотчинным) заводам Урала, материалы которых хранятся в фондах Государственного архива Пермской области. Обзор охватывает период с 1861 по 1917 гг. При его составлении были использованы документальные материалы 16 фондов— административных учреждений Пермской губернии и владельческих управлений заводами.

По своему происхождению документальные материалы, имеющиеся в архиве по данной теме, составляют три основные группы: документы мастеровых (постановления сельских сходов, ходатайства, прошения, жалобы); документы высших и местных административных учреждений и официальных лиц (сенатские указы, журналы Пермского губернского присутствия, доклады о положении горнозаводской промышленности в губернии, статистические сведения и материалы, постановления мировых посредников, земских начальников, рапорты уездных исправников и др.); и документы владельческого происхождения (статистические и информационные сведения заводоуправлений, условия на работы мастеровых, ходатайства, объяснения и жалобы доверенных заводоладельцев и др.).

По тематике документы подразделяются на следующие подгруппы: уставные грамоты, сопровождающие их документы и ма-

териалы о введении их в действие; статистические и информационные сведения и материалы о землевладении и землепользовании рабочих вотчинных заводов в период после введения уставных грамот; материалы по наделению рабочих земель в соответствии с законом 3 декабря 1862 г.

Уставные грамоты имеются в архиве по большинству заводов. В одной подгруппе с ними находятся дополнительные акты к ним, хотя по времени происхождения первые отделены от вторых значительным промежутком, исчисляющимся в некоторых случаях несколькими десятилетиями. Уставные грамоты и материалы по введению их в действие позволяют судить о размерах и видах землепользования рабочих в дореформенный период и его искусственном сокращении в связи с проведением в жизнь реформы 1861 г. В архиве имеются материалы, показывающие, что почти ни одна грамота подписана мастерами не была. Об этом свидетельствуют протоколы по введению уставных грамот в действие и имеющаяся в фондах переписка.

Несомненный интерес представляет записка пермского вице-губернатора Б. П. Цехановецкого министру земледелия и государственных имуществ о положении землеустройства мастеровых частных горных заводов в Пермской губернии, выписка из которой хранится в фонде Главного управления имениями и железодельными заводами кн. С. С. Абамелек-Лазарева. Цехановецкий стоял во главе Пермского губ. правления, через которое, фактически, проходили все дела, связанные с наделением мастеровых, поэтому в его осведомленности можно не сомневаться. В этой записке, датированной 1903 годом, в частности, говорится: «Земельная необеспеченность и полная земельная зависимость мастеровых частных горных заводов происходит, главным образом, ... от неправильного составления уставных грамот, что имело последствием отказ мастеровых большинства заводов от подписания и принятия уставных грамот, в коих сельские работники причислялись к разряду мастеровых и размер денежного оброка не соответствовал платежным средствам горнозаводского населения...»¹. Эта записка вызвала большой переполох в стане заводоладельцев, которые откликнулись на нее пространными докладами, целью которых было доказать, что для уральских рабочих земельное наделение не имеет никакого значения².

Статистические сведения о заводах составлялись как самими заводоуправлениями, так и земскими начальниками тех участков губернии, в которых находились заводы. По ним можно судить о тех изменениях, которые происходили в землевладении и землепользовании рабочих вотчинных заводов в период после введения уставных грамот. Наибольший интерес представляют сведения, собранные Пермским губ. присутствием в конце 1907—начале 1908

¹ ГАПО, ф. 280, оп. 1, д. 1553.

² ГАПО, ф. 280, оп. 1, д. 1553; ф. 176, оп. 1, д. 906; ф. 209, оп. 1, д. 65

годов через посредство земских начальников¹. В них отдельно по каждому заводу показано число наличных душ, число работающих на заводах (отдельно — местных и пришлых) и количество земли, находящейся в фактическом, платном, бесплатном и самовольном пользовании рабочих.

Интересны также и сведения, собранные в 1910 г. окружным инженером Пермского горного округа, о мастеровых заводах, не получивших окончательного земельного устройства². В них приводятся данные на 1861—1862, 1907, 1908, 1909 и 1910 гг. о количестве рабочих, количестве и продолжительности рабочих смен по отдельным цехам; количестве смен в месяц, приходящихся в среднем на одного рабочего; количестве гулевых смен, приходящихся на число отработанных смен; справки о том, сколько месяцев и суток действовали отдельные цеха по заводам в указанные годы.

Заслуживают внимания статистические сведения за 1910 г. о землевладении и землепользовании населения Кыновского, Очерского и Павловского заводов гр. С. А. Строганова, хранящиеся в фонде канцелярии Пермского губернатора³. В них содержатся данные о землевладении и землепользовании до реформы 1861 г., по уставным грамотам, на 1 января 1906 г. и по проекту окончательного землеустройства. Эти сведения ценны тем, что по указанным заводам уставных грамот в архиве нет.

К более раннему периоду (1867 г.) относятся статистические сведения о землях Х. Е. Лазарева с показанием количества земель по различным видам пользования и количества земель, поступивших в надел мастеровым заводам этого владельца⁴.

К информационным материалам следует отнести имеющиеся в фондах архива доклады заводоуправлений и официальных лиц, характеризующие как положение на вотчинных заводах Урала в целом, так и положение с землепользованием населения этих заводов. Здесь выделяется хранящийся в фонде Пермского губ. жандармского управления доклад о причинах упадка деятельности уральских горных заводов и о положении горной промышленности в Пермской губернии, составленный жандармским ротмистром Н. Н. Чувственным для представления в департамент полиции МВД в 1910 г.⁵ Доклад представляет собой историко-экономический и политический очерк горнозаводской промышленности. В нем приводятся данные о природных условиях губернии с точки зрения возможности земледелия, о росте народонаселения, сведения о количестве казенных, посессионных и частновладельческих заводов с перечислением заводов каждой из групп. Большой интерес представляют приводимые в докладе факты хищнического отношения заводовладельцев к своим предприятиям.

---

¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, д. 225

² ГАПО, ф. 174, оп. 1, д. 87.

³ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 148.

⁴ ГАПО, ф. 280, оп. 1, д. 971.

⁵ ГАПО, ф. 162, оп. 1, д. 116.

Материалы о борьбе рабочих за наделение земель представлены, в основном, их прошениями и жалобами. Прощения подавались как отдельными рабочими, так и целыми заводскими обществами. В индивидуальных прошениях рабочие просили, как правило, сенокосные угодья, причем подчеркивалась принадлежность просителей к заводским работам. Часто рабочие просили сенокосы за счет неработающих в заводе. Однако, наиболее интересными являются прошения заводских обществ, подаваемые их доверенными. В них в большинстве случаев подробно освещается история земельных отношений и землепользования мастеровых, начиная с периода введения уставных грамот. Яркие документы этого вида хранятся в фондах Главного правления заводами насл. А. В. Всеволожского и Главного управления имениями и железоделательными заводами кн. С. С. Абамелек-Лазарева.

Наиболее обширную группу представляют материалы о наделении рабочих земель в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. В первую очередь здесь следует отметить сенатские указы о разъяснении способа исчисления наличных душ горнозаводского населения при наделении его земель на основании закона 3 декабря 1862 г. и о порядке его применения, а также инструкции о производстве дел по земельному устройству мастеровых частных горных заводов в соответствии с законом 3 декабря 1862 г.¹

Дела этой группы объединяют самые различные виды документов. Однако, для всех заводов состав документов этой группы однороден, что объясняется одинаковой бюрократической процедурой ведения этих дел.

Обычно, основополагающим в делах этой группы является **прошение** мастеровых о наделении земель. Прощение подавалось в заводоуправление или же непременно члену уездного по крестьянским делам присутствия (позднее — земскому начальнику участка, к которому принадлежал завод). Заводоуправление, как правило, не соглашалось с наделением. Непременный член начинал собирать документацию, которая подтверждала или не подтверждала притязания мастеровых. Дело постепенно обрастало бумагами: появлялись на свет **справки, статистические сведения и переписка** с заводоуправлением о производительности заводов, количестве работающих, их заработках и т. п. На основании собранного материала непременный член (или земский начальник) выносил постановление о наделении, которое должно было утверждаться губернским присутствием. **Постановление присутствия** фиксировалось в журнале его заседания по этому вопросу, причем, в большинстве случаев подробно излагались все обстоятельства дела. Недовольный заводовладелец через своего доверенного обжаловал постановление присутствия, если оно было не в его пользу. В противном случае постановление обжаловалось мастеровыми. Появлялся новый журнал заседания губернского присутствия с постановлением

---

¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, дд. 126, 340.

по жалобе, оставлявшем, как правило, в силе первое постановление. После этого жалоба направлялась в Сенат, который реагировал в каждом отдельном случае специальным УКАЗОМ или ОПРЕДЕЛЕНИЕМ. Обычно, Сенат предлагал дело к новому рассмотрению — и все начиналось с начала.

Дела по наделению землей в порядке закона 3 декабря 1862 г. длились десятилетиями и по отдельным заводам представлены несколькими томами. Это классический пример бюрократической волокиты, процветавшей в царской России. В конце концов большинство дел решалось в пользу наделения рабочих земель, но практически это наделение не было осуществлено по большинству заводов вплоть до 1917 года. Интересно, что последнее сенатское определение по Полазнинскому заводу, например, датировано 23 октября 1917 г.

Таковы основные группы материалов по истории землевладения и землепользования рабочих вотчинных заводов Пермской губернии, хранящихся в Государственном архиве Пермской области.

Степень полноты материалов, представленных по отдельным заводам, далеко не одинакова. Наиболее полно и последовательно представлены материалы Пожевских заводов и заводов кн. Абамелек-Лазарева. Однако, и сведения, имеющиеся по другим заводам, дают достаточный материал для исследования.

* * *

Документальные материалы, вошедшие в обзор, сгруппированы по следующей схеме;

1. Общие материалы по истории землевладения и землепользования рабочих вотчинных заводов Пермской губернии.

2. Материалы по истории землевладения и землепользования рабочих отдельных заводоуправлений.

В начале I раздела обзора перечислены находящиеся в фондах архива правительственные положения и указы Сената, имеющие отношение ко всем владельческим заводам Пермской губернии. Далее материалы расположены в порядке хронологической последовательности.

Внутри II раздела документальные материалы объединены в группы в порядке алфавита заводоуправлений. Если заводов у владельца было несколько, то внутри владельческой группы характеристики материалов расположены в порядке алфавита названий заводов, а далее по тематическим подгруппам.

В обзоре отражены материалы по землевладению и землепользованию рабочих заводов следующих владельцев:

1) Кн. С. С. Абамелек-Лазарева (Кизеловский, Полазнинский, Хохловский, Чермозский з-ды).

2) Акционерного об-ва Кыштымских горных заводов (Каслинский, Кыштымский, Шемахинский з-ды).

3) Насл. А. В. Всеволожского (с 1901 г. — кн. С. Е. Львова) — Пожевской, Елизаветопожевский з-ды.

4) Кн. С. М. Голицына (в аренде Камского Акц. об-ва) — Нытвенский з-д.

5) Насл. П. П. Демидова кн. Сан-Донато (Александровский, Никитинский з-ды).

6) Гр. С. А. Строганова (Билимбаевский, Добрянский, Кыновской, Очерский, Павловский з-ды).

7) Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов (Михайловский, Верхне- и Нижне-Сергинский з-ды).

8) Насл. гр. А. П. Шувалова (Юго-Камский з-д).

9) Насл. гр. П. А. Шувалова (Кусье-Александровский, Лысьвенский з-ды).

Характеристика документальных материалов в обзоре дается в виде заголовков отдельных дел или документов, в отдельных случаях с дополнительными пояснениями о содержащихся в них сведениях. При наличии нескольких дел, посвященных одному вопросу, на них дается обобщающая характеристика. Вслед за заголовком или обобщенной характеристикой каждой группы материалов, в скобках указываются крайние годы материалов, номер фонда, номер описи, номера дел и листов (или страниц). К обзору прилагается список использованных фондов.

I. Общие материалы по истории землевладения и землепользования вотчинных заводов Пермской губернии.

Рукописная копия Положения 19 февраля 1861 г. (ф. 280, оп. 1, д. 1023). Указы Сената о порядке применения закона 3 декабря 1862 г. (1913 г., ф. 38, оп. 1, д. 126, лл. 16—19; д. 340, л. 23) и проект инструкции земского отдела МВД о производстве дел по земельному устройству мастеровых частных горных заводов по закону 3 декабря 1862 г. (1916, ф. 38, оп. 1, д. 126, лл. 2—14).

Репорт Соликамского поверенного Х. Е. Лазарева Ильина в Гл. упр. имениями и железодельными з-дами Лазарева в Чермозе¹ о ходе введения в действие уставных грамот в имениях Строгановых, Голицыных, Бутеро (1862, ф. 280. оп. 1, д. 1026, стр. 258—265). Переписка о положении поземельного устройства мастеровых частных горных з-дов Пермской губ., проект доклада Совета съездов Уральских горнопромышленников о рабочем и поземельноустойтельном вопросах (1903, 1906, ф. 176, оп. 1, д. 906).

Стат. сведения о частных горных з-дах Пермской губ. (1907—1908, ф. 38, оп. 1, д. 225), сведения о мастеровых з-дов, не получивших окончательного земельного устройства (1910, ф. 174, оп. 1, д. 87), перечень уральских горных з-дов с показанием производительности их на 1908 г. и сведениями о состоянии производства по

---

¹ В последующем тексте это управление будет именоваться «Чермозским главным управлением (гл. упр.)»

отдельным заводам (1910, ф. 65, оп. 1, д. 148, лл. 10—11), доклады о причинах упадка деятельности уральских горных з-дов и о положении горной промышленности в Пермской губ. (1910, ф. 65, оп. 1, д. 148, лл. 25—29; ф. 162, оп. 1, д. 116, лл. 328—340). Сведения о частных з-дах, по которым составлены дополнительные акты к уставным грамотам с указанием количества душ по каждому з-ду и количества отводимой земли; и о частных з-дах, по которым акты еще не составлены. Справка Пермского губ. присутствия с перечислением з-дов, в которых производится поземельное устройство населения по закону 3 декабря 1862 г., переписка по межеванию земель (1912—1917, ф. 38, оп. 3, д. 1007).

II. Материалы по истории землевладения и землепользования рабочих отдельных заводовладений

З-ды кн. С. С. Абамелек-Лазарева

Уставные грамоты Кизеловского, Полазнинского, Хохловского и Чермозского з-дов, материалы по введению их в действие и по осмотру мировыми посредниками земельных наделов, поступивших в пользование мастеровых и кр-н по уставным грамотам (1862—1863, ф. 280, оп. 1, дд. 1026, 1051, 1814а). Стат. сведения о землях владельца, сведения о землепользовании мастеровых, их прошения о наделении покосной землей, переписка о поземельном устройстве кр-н и мастеровых (1859—1876: ф. 280, оп. 1, дд. 716, 971, 986, 1039). Переписка о наделении мастеровых земель в связи с запиской Б. П. Цехановецкого (1903, ф. 280, оп. 1, д. 1553), ведомость земель кн. С. С. Абамелек-Лазарева, показывающая, кому и в каком количестве они были отчуждены (1906, ф. 280, оп. 1, д. 1589).

Кизеловский з-д. Секретная записка Кизеловской заводской конторы о возражении мастеровых против уставной грамоты с приложением копии письменных требований мастеровых по пунктам грамоты, черновик отзыва Чермозского гл. упр. на требования мастеровых (1862, ф. 280, оп. 1, д. 1026, стр. 222—233). Выкупной договор к уставной грамоте и приложения к нему (1909, ф. 280, оп. 1, д. 1619). Прогрешения мастеровых о наделении земельными угодьями и переписка по этому вопросу (1864—1909, ф. 280, оп. 1, д. 1569). Журнал Пермского губ. присутствия, прошения мастеровых и др. материалы по добровольному соглашению мастеровых с заводовладельцем о предоставлении мастеровым усадебной и полевой земли на выкуп при содействии правительства (1909—1910, ф. 280, оп. 1, дд. 1619, 2017).

Полазнинский з-д. Отношение мирового посредника 1 уч. Пермского у. П. Д. Соломирского управляющему Х. Е. Лазарева К. С. Наугольному по поводу приостановки введения в действие уставной грамоты по просьбе мастеровых (1862, ф. 280, оп. 1, д. 1026, стр. 202—204). Переписка по введению в действие дополнительного ак-

та к уставной грамоте (1878, ф. 41, оп. 1, д. 176). Стат. сведения о количестве земель, поступивших в надел мастеровых и кр-н по Пермскому у. (1867, ф. 280, оп. 1, д. 971, лл. 921—928). Материалы и переписка о наделении мастеровых земель в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. (1877—1914, ф. 38, оп. 2, д. 49; оп. 3, д. 1010; ф. 280, оп. 1, дд. 2141, 2221, 2226).

Хохловский завод. Выписка из журнала Пермского губ. по крестьянским делам присутствия об уменьшении оброка для Хохловской вол. и о внесении соответствующих изменений в уставную грамоту (1862, ф. 280, оп. 1, д. 1026, стр. 91—94), журнал того же присутствия об утверждении дополнительного акта к уставной грамоте (1879, ф. 280, оп. 1, д. 1216, лл. 10—11). Стат. сведения о количестве земель, отдающихся в пользование служащим и мастеровым, постоянно работающим в з-де, прошения мастеровых о предоставлении покосов, рапорт Хохловской заводской конторы в Чермозское гл. упр. о недовольстве мастеровых прекращением бесплатного пользования пахотной землей (1867—1872, ф. 280, оп. 1, д. 986). Дело по ходатайству мастеровых о предоставлении им на выкуп земельных угодий, бывших в их пользовании до 1861 года (1872—1885, ф. 280, оп. 1, д. 1216).

Чермозский з-д. Уставная грамота, протокол введения ее в действие, дополнительный акт к ней (1862, ф. 280, оп. 1, д. 1646), донесение Чермозского гл. упр. в Московскую контору Х. Е. Лазарева о ходе утверждения уставной грамоты по з-ду (1862, ф. 280, оп. 1, д. 1026, стр. 269). Постановление Чермозского гл. упр. о наделении чермозских мастеровых покосной землей и предписание вол. правлению об отобрании покосов от неработающих в з-де в пользу работающих; переписка об отказе мастеровых от полевого надела, о предоставлении им в дар усадеб и выгона (1864—1880, ф. 280, оп. 1, д. 986, лл. 327—333, д. 1081) и о незаконном' взыскании оброчных платежей за земельный надел из заработков мастеровых (1897—1907, 1909—1913, ф. 280, оп. 1, дд. 1506, 1621). Материалы и переписка о наделении мастеровых земель в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. (1913—1916, ф. 280, оп. 1, д. 1679).

3-ды Акционерного общества Кыштымских горных з-дов

Уставная грамота **Верхне- и Нижне-Кыштымского** з-дов с приложениями, акт ее поверки (1861, ф. 298, оп. 1, д. 9), дополнительный акт к ней (1908—1909, ф. 65, оп. 2, д. 639). Записка о порядке пользования землей мастеровыми Кыштымских з-дов и о видах землепользования (1898, ф. 230, оп. 1, д. 3). Материалы и переписка о наделении мастеровых в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. и о волнениях в Кыштымской вол. в связи с земельными наделами и неудовлетворительным отпуском заводоуправлением лесных материалов (1907—1916, ф. 38, оп. 1, д. 320; ф. 65, оп. 1, д. 299; оп. 2, д. 639).

Материалы и переписка о наделении в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. мастеровых **КАСЛИНСКОГО** з-да (1910—1915, ф. 449, оп. 1, д. 1).

Материалы и переписка о наделении в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. мастеровых Шемахинского з-да (1898—1916, ф. 38, оп. 1, дд. 216, 347; ф. III, оп. 1, д. 1591).

Пожевские з-ды наел. А. С. Всеволожского (с 1901 г. -кн. С. Е. Львова)

Уставные грамоты **Пожевского** и **Елизаветопожевского** з-дов и дополнительные акты к ним (1862, 1913, ф. 176, оп. 1, дд. 782, 783, 788, 789; ф. 298, оп. 1, д. 179; ф. 38, оп. 1, д. 344). Справки и сведения Гл. упр. з-дами Всеволожских о количестве земель, находящихся в пользовании мастеровых, условия заводоуправления на работы мастеровых, прошения мастеровых о предоставлении им льгот по землепользованию, прошения и переписка о земельном устройстве и о предоставлении мастеровым земель на выкуп при содействии правительства (1863, 1873—1875, 1885, 1889, 1895; ф. 176, оп. 1, дд. 790, 851, 853, 870, 902, 1120; ф. 298, оп. 1, д. 223). Материалы и переписка о наделении мастеровых з-дов в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. (1889—1897, 1911—1913, ф. 38, оп. 1, дд. 340, 344; оп. 3, д. 1007, лл. 16—19; ф. 176, оп. 1, д. 1123, 1124; ф. 434, оп. 1, д. 1).

Нытвенский з-д кн. С. М. Голицына

Дополнительный акт к уставной грамоте (1907, ф. 453, оп. 1, д. 1, лл. 12—20). Дела о разверстании наделных земель и материалы по ходатайству мастеровых о прирезке удобной земли к наделу, выкупленному ими при содействии правительства в 1907 г. (1910, 1914—1916, ф. 277, оп. 1, дд. 12, 13; ф. 453, оп. 1, д. 1).

З-ды насл. П. П. Демидова кн. Сан-Донато.

Указ Сената по делу о наделении землей мастеровых **АЛЕКСАНДРОВСКОГО** з-да в порядке закона 3 декабря 1862 г. (1914, ф. 38, оп. 2, д. 49, л. 121).

Уставная грамота **Никитинского** з-да, акт ее поверки, протокол введения в действие (1862, ф. 41, оп. 1, д. 250). Сообщение Пермского губ. присутствия в земский отдел МВД о состоявшемся 27 мая 1915 г. добровольном соглашении между поверенным заводо-владельцев и мастеровыми о наделении последних землей в порядке закона 3 декабря 1862 года (1915, ф. 38, оп. 3, д. 1007, л. 343).

З-ды гр. С. А. Строганова

Стат. сведения о землевладении и землепользовании населения Кыновского, Очерского и Павловского з-дов (1910, ф. 65, оп. 1, д. 148, лл. 18—19).

Билимбаевский з-д. Уставная грамота, акт ее поверки и протокол введения в действие (1862, ф. 38, оп. 1, д. 349, лл. 1—10; оп. 3, д. 1000, лл. 111—133). Материалы о наделении мастеровых землей в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. (1882—1916, ф. 38, оп. 1, дд. 348, 349; оп. 2, д. 479; оп. 3, дд. 999, 1000).

Добрянский з-д. Условие, заключенное Добрянской заводской конторой с мастеравыми с приложением плат за работы (1862—1863, ф. 186, оп. 1, д. 538) и переписка о взыскании оброка с неработающих мастеровых и распределении покосов между работающими, со сводкой о количестве пахотной, покосной и выгонной земли, поступившей в надел мастеровым (1867, ф. 186, оп. 1, д. 2376). Стат. ведомости с показанием количества и распределения земель в Добрянском и Софийском з-дах, числа мастеровых, производительности (1874—1875, ф. 186, оп. 1, д. 547). Книга заводоуправления на отдачу в аренду покосов (1896—1901, ф. 186, оп. 1, д. 2807).

Кыновский з-д. Материалы и переписка о наделении мастеровых земель в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. (1909—1914, ф. 38, оп. 1, дд. 120, 227; ф. 65, оп. 1, д. 148).

Очерский и Павловский з-ды. Указы Сената о наделении мастеровых в соответствии с законом 3 декабря 1862 г. (1909—1913, ф. 38, оп. 1, д. 340; оп. 2, д. 49, лл. 55—59, 76, 106—114). Сообщение Гл. упр. з-дами гр. С. А. Строганова в Пермское губ. присутствие об отказе мастеровых от принятия предложенных им наделов по числу ревизских душ, в связи с их желанием получить надел по числу наличных душ (1910, ф. 38, оп. 1, д. 227, лл. 122—123) и журнал Пермского губ. присутствия по указу Сената о признании за мастеровыми права наделения на количество наличных душ по состоянию на 1 ноября 1910 г. (1913, ф. 38, оп. 1, д. 351).

З-ды товарищества Сергинско-Уфалейских горных з-дов

Уставные грамоты **Михайловского** и **Нижне-Сергинского** з-дов, стат. ведомость имения Михайловского з-да, список мастеровых-владельцев пашен и покосов (1861—1876, ф. 298, оп. 1, дд. 10, 66, 174). Переписка о выдаче данных грамот на усадьбы мастеровым **Верхне-Уфалейского** и **Суховязского** з-дов (1889, ф. 41, оп. 1, д. 186, лл. 138—141). Материалы и переписка о применении к мастеровым Верхне- и Нижне-Сергинского з-дов закона 3 декабря 1862 г., переписка о самовольном сенокосении и рубке леса мастеровыми **Н.-Сергинского** з-да (1907—1916, ф. 38, оп. 1, дд. 71, 318, 319; ф. 162, оп. 2, д. 54).

Юго-Камский з-д насл. гр. А. П. Шувалова

Материалы и переписка о наделении мастеровых земель в соответствии с законом 3 декабря 1862 г.; объявления Пермского губ. по крестьянским делам присутствия по вопросам землепользования мастеровых (1863—1869, 1886—1888, ф. 41, оп. 1, дд. 224, 327).

З-ды Лысьвенского горного округа насл. гр. П. П. Шувалова

Материалы об исправлении уставной грамоты **КУСЬЕ-АЛЕКСАНДРОВСКОГО** з-да (1874—1881, ф. 41, оп. 1, д. 5).

Уставная грамота **Лысьвенского** з-да, прошение мастеровых и др. материалы о неправильном составлении уставной грамоты (1862—1865, ф. 41, оп. 1, д. 156). Стат. сведения о количестве земель в пользовании населения, о количестве постоянных и при-

шлых рабочих и зарплате; сведения о мастеровых Лысьвенского, Кусье-Александровского и Бисерского з-дов, не получивших окончательного земельного устройства; историческая справка о з-дах Лысьвенского округа (1902—1903, 1909—1910, ф. 209, оп. 1, дд. 65, 461).

Список сокращений

Акц. об-во	—Акционерное общество
вол.	— волость, волостной
ГАПО	— Государственный архив Пермской обл.
г., гг.	— год, годы
Гл. упр.	—Главное управление
гр.	— граф, графы
губ.	— губерния, губернский
др.	—другие
з-д, з-ды	—завод, заводы
кн.	— князь
кр-не	— крестьяне
л., лл.	—лист, листы
МВД	—Министерство внутренних дел
насл.	— наследники
нач.	— начальник
оп.	— опись
стат. сведения	— статистические сведения
стр.	—страницы
у.	—уезд, уездный
ф.	— фонд

СПИСОК

фондов, использованных в обзоре

	№№ фонд.	Названия фондов	Крайние годы материалов	Кол-во ед. хр.
1.	38	Пермское губ. присутствие	1891—1917	2778
2.	41	Пермское губ. по крестьянским делам при- сутствие	1861—1892	325
3.	65	Канцелярия Пермского губернатора	1797—1917	3975
4.	111	Пермская казенная палата	1775—1917	8625
5.	162	Пермское губ. жандармское управление	1862—1917	666
6.	174	Окружной инженер Пермского горного ок- руга	1882—1917	179
7.	176	Гл. упр. з-дами, промыслами и вотчинами насл. А. В. Всеволожского	1714—1917	1145
8.	186	Добрянский железнодорожный з-д гр. С. А. Строганова	1827—1916	3055
9.	209	Акц. об-во «Лысьвенский горный округ насл. гр. П. П. Шувалова».	1805—1917	1528
10.	230	Помощник нач. Пермского губ. жандарм- ского управления в Екатеринбургском и Красноуфимском уездах	1869—1917	36

№	№	Названия фондов	Крайние годы материалов	Кол-во ед. хр.
11.	277	Пермская губ. землеустроительная комиссия	1909—1916	27
12.	280	Гл. упр. именными и железоделательными з-дами кн. Абамелек-Лазарева	1744—1917	2924
13.	298	Мировые посредники Пермской губ.	1861—1873	226
14.	434	Земский нач. 4 уч. Соликамского у.	1889—1897	1
15.	449	Земский нач. 1 уч. Екатеринбургского у.	1910—1915	1
16.	453	Земский нач. 5 уч. Оханского у.	1915—1916	2

Часть вторая

Л. М. Гантман

БОРЬБА ЗА БОЛЬШЕВИЗАЦИЮ СОВЕТОВ ЗАПАДНОГО УРАЛА В 1917 ГОДУ.

В первые месяцы после победы Февральской буржуазно-демократической революции преобладающее влияние в большинстве Советов страны, в том числе и на Западном Урале, имели мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров. Это явилось результатом политической незрелости масс, отражением того факта, что Россия в 1917 г. была одной из наиболее мелкобуржуазных стран¹.

По нашим подсчетам на территории нынешней Пермской области в марте 1917 г. было создано до 30 Советов. Из них лишь в Лысьвенском Совете рабочих и солдатских депутатов большевики обладали большинством мест с первых дней его образования. Существовавшая здесь до Февральской революции большевистская организация возглавила дело создания Совета².

По мере восстановления, роста и укрепления большевистских организаций усиливались позиции большевиков в Советах всей страны, в том числе и Западного Урала. Процесс большевизации Советов Западного Урала изучен еще слабо. Обобщающих работ на эту тему до сих пор нет. Лишь отдельные стороны этой важной проблемы нашли освещение в статьях Ф. С. Горового³, Э. П. Ан-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 41—42.

² Партийный архив Свердловского обкома КПСС (в дальнейшем ПАСО). ф. 41, оп. I, д. 229, лл. 64—65; ф. 221, оп. 2, д. 287, л. 1; Государственный архив Пермской области (в дальнейшем ГАПО), ф. 732, оп. 1, д. I, лл. 163—164, 451; «Социал-демократ» (г. Лысьва), № 10, 31 июля 1917 г.; «Под красным знаменем». Пермь, 1957, стр. 170; «В борьбе за власть Советов». Свердловск, 1957, стр. 32.

³ Ф. С. Горовой. Победа Советской власти в Перми. «Ученые записки» Пермского госуниверситета им. А. М. Горького, т. VI. Вып. 4, Пермь, 1951.

дерсон¹, А. Н. Шеколдина², а также в общих работах по истории Октябрьской социалистической революции на Урале³.

В настоящей статье делается попытка проанализировать основные этапы процесса большевизации Советов Западного Урала в период от Февраля к Октябрю. В работе использованы некоторые новые документы и материалы, извлеченные, главным образом, из Государственного архива Пермской области, а также периодической печати Перми, Лысьвы и Кунгура за 1917 г.

* * *

В период мирного развития революции с марта по июнь 1917 г. коммунисты Западного Урала завоевали руководящую роль в Бисерском, Теплогорском и некоторых других Советах Лысьвенского горного округа. Большую помощь местным большевикам в их борьбе за Советы оказали Лысьвенская организация РСДРП (б) и руководимый большевиками Лысьвенский Совет. На путь борьбы за осуществление ленинского лозунга «Вся власть Советам!» встали Мотовилихинский и Чусовской Советы.

Разгромив июльскую демонстрацию рабочих и солдат Петрограда, требовавших перехода власти к Советам, контрреволюция перешла в наступление по всей стране. Временное правительство обрушилось с репрессиями против партии большевиков, рабочих, революционных солдат и крестьян.

В отдельных пунктах Западного Урала реакционное офицерство, кадеты, меньшевики и эсеры развернули травлю большевиков. Еще до кровавых событий в Петрограде, 25 июня, была разгромлена демонстрация мотовилихинских и пермских рабочих, проходившая под лозунгом «Вся власть Советам!» Как свидетельствуют документы, вина за кровавую расправу над демонстрантами в Перми ложится прежде всего на лидеров пермских меньшевиков и эсеров⁴.

---

¹ Э. П. Андерсон. Первый и второй областные съезды Советов Урала, в сб. «1917 год на Урале». Пермь, 1957.

² А. Н. Шеколдин. Борьба большевиков за, Советы в Кунгуре. В сб. «На Западном Урале». Пермь, 1960.

³ Из вышедших за последние 10 лет работ подобного рода укажем следующие: К. Я. Вотинова. Борьба за "победу Октябрьской революции в Пермской губернии. В сб. «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах», М., 1953; Ф. А. Александров. Победа пролетарской революции в Пермской губернии. В сб. «1917 год на Урале»; Ф. П. Быстрых. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. «Вопросы истории», № 8, 1957; его же. Большевики-организаторы народных масс в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. «Ученые записки» Уральского госуниверситета им. А. М. Горького. Вып. 29, 1958; «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале». Свердловск, 1961.

⁴ См. ГАПО, ф. 636 с, оп. I, д. I, лл. 71—72; ф. 732, оп. I, д. 8, л. 14; д. 10, л. 26; «Уральская правда», № 11, 30 июня и № 12, 4 июля 1917 г.; «Социал-демократ», № 7, 9 июля 1917 г.

В Кунгуре 9 июля молодчиками из «батальона смерти» были избиты рабочие депо — большевики Г. М. Коробейников и М. А. Анциферов¹.

Партии меньшевиков и эсеров и эсерово-меньшевистские лидеры центральных и местных Советов поддержали наступление контрреволюционных сил. Эсерово-меньшевистское руководство Пермского окружного Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского Совета крестьянских депутатов клеветнически характеризовало июльскую демонстрацию как «сепаратное» выступление «безответственной вооруженной толпы»² и цинично утверждало, что «всякая агитация против Временного правительства» является, якобы, «опасной для дела революции»³.

В результате этого предательства эсерово-меньшевистские Советы превратились, по меткому выражению В. И. Ленина, «в фиковый листок контрреволюции»⁴. Центральные Советы, разделявшие до июльских событий власть с Временным правительством, оказались безвластными. Двоевластие кончилось в пользу буржуазии. Мирное развитие революции стало невозможным. В связи с этим партия большевиков временно сняла лозунг «Вся власть Советам!», являвшийся в период двоевластия лозунгом мирного развития революции. На очередь дня выдвигалась задача подготовки к вооруженному восстанию с целью свержения контрреволюционного Временного правительства. Новая тактика партии была обоснована В. И. Лениным и принята VI съездом РСДРП (б), проходившем в Петрограде с 26 июля по 3 августа 1917 г.

Следует отметить, что большевики Прикамья, как и всего Урала, продолжали в июле — начале августа выдвигать лозунг «Вся власть Советам!» Это же требование фигурировало в резолюциях революционных Советов, митингов и собраний рабочих и солдат. Оценивая этот факт, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, большевики Урала смогли в достаточной мере ознакомиться с соответствующими ленинскими работами и решениями VI съезда РСДРП (б) лишь к середине августа, когда на Урал возвратились делегаты съезда и в «Уральской правде» были опубликованы работа В. И. Ленина «К лозунгам», резолюции VI съезда партии, а также статья одного из видных уральских большевиков С. Цвиллинга «Новая задача»; во-вторых, те Советы Прикамья, у руководства которыми находились большевики, сохраняли в июле—августе реальную власть на местах и боролись за ее укрепление. О положении же в целом в стране местные большевики имели недостаточно полную информацию; в-тре-

---

¹ «Уральская правда» № 17, 28 июля 1917 г.; «В борьбе за власть Советов», стр. 105. Воспоминания Ф. И. Коротаева; «Под красным знаменем», стр. 219. Воспоминания А. С. Попкова

² ГАПО, ф. 636 с, оп. I, д. I, 'л. 83.

³ ГАПО, ф. 636 с, оп. I, д. I, лл. 83, 91; Государственный архив Свердловской области, ф. 101, оп. I, д. 828, л. 3.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 158.

тых, требование перехода власти к Советам выдвигалось, как правило, в противовес соглашательскому лозунгу доверия Временному правительству и связывалось с признанием этого правительства контрреволюционным. Все это объясняет, но никак не оправдывает ошибки уральских большевиков, поскольку лозунг «Вся власть Советам!» в то время объективно не способствовал, а мешал разоблачению лидеров эсэро-меньшевистских Советов.

Перестав быть органами государственной власти, Советы оставались ареной борьбы за массы, за создание политической армии революции. Как подчеркивалось в решениях VI съезда РСДРП (б), партия должна «отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации... и в первую голову Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, всеми силами сохранять и укреплять позиции, завоеванные в этих органах интернационалистским крылом; энергично бороться за влияние в них, сплачивая вокруг себя все элементы, переходящие на точку зрения последовательной борьбы с контрреволюцией»¹.

Те из Советов Западного Урала, у руководства которыми находились большевики, решительно выступали против контрреволюционных мер Временного правительства и разоблачали эсэро-меньшевистских лидеров центральных и местных Советов. Так, 18 июля Лысьвенский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой подчеркивалось, что «кровь, пролитая 3 и 4 июля на улицах Петрограда, ложится на тех, кто своей антиреволюционной политикой вынудил петроградских рабочих и солдат выйти на улицу»². В резолюции выражался также протест против применения Временным правительством смертной казни на фронте³. С осуждением контрреволюционной пропаганды и погромной агитации расправы над большевиками выступил 12 июля исполком Кунгурского Совета⁴. В своем постановлении от 9 августа Кунгурский Совет рабочих и солдатских депутатов записал: «Министерство, применяющее смертную казнь, не может пользоваться доверием, поддержкой демократии»⁵.

На организованных большевиками в июле—августе митингах и собраниях рабочие Мотовилихи, Лысьвы, Кунгура, Добрянки, Губахи и др. гневно протестовали против травли большевистской партии, смертной казни на фронте и других репрессий Временного правительства. Рабочие требовали роспуска гнезд контрреволюции — Государственной думы и Государственного совета и перехода власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Бессознательно-доверчивое отношение масс к правительству капиталистов, в которое входили и представители соглашательских партий, сменилось возмущением против его контрреволюционных действий.

¹ «VI съезд РСДРП (б)» Протоколы, 1958 г., стр. 257.

² «Социал-демократ», № 9, 24 июля 1917 г.

³ Там же.

⁴ «Кунгурский листок», № 794, 15 июля 1917 г.

⁵ «Кунгурский листок», № 815, 10 августа 1917 г.

Пагубное влияние соглашателей не только обессиливало руководимые ими Советы, но и вело к разоблачению меньшевиков и эсеров, изживанию мелкобуржуазных иллюзий среди широких народных масс. Активное участие меньшевистско-эсеровских лидеров Советов в походе контрреволюционных сил подрывало доверие масс к соглашателям. На собственном опыте трудящиеся убеждались в том, что только Коммунистическая партия отражает их подлинные интересы. На этой основе из месяца в месяц росло влияние большевиков в Советах.

Возмущение масс против контрреволюционной политики Временного правительства и позорной роли министров-«социалистов» и эсеров-меньшевистских лидеров Советов усиливало процесс разложения мелкобуржуазных партий. Партии меньшевиков и эсеров и их фракции в Советах раскалываются на правое и левое крыло. Наоборот, фракции большевиков и примыкающих к ним численно увеличиваются. Так, мотовилихинские «левые» эсеры в июле—августе выступали уже с критикой правого руководства своей партии и голосовали в ряде случаев за большевистские резолюции. Большевики Мотовилихи, не обладая еще формальным большинством в Совете, добились избрания на пост его председателя члена Коммунистической партии с 1903 г. А. Л. Борчанинова¹. Как отмечает последний в своих воспоминаниях, большевистская фракция Совета второго созыва, «дисциплинированная, выступавшая весьма дружно с определенными, ясными лозунгами, всегда вносила раскол в эсеровскую и меньшевистскую фракции и проводила солидным большинством свои резолюции»². Делегация Пермской партийной организации на VI съезде РСДРП (б) могла с полным основанием записать в анкете, что общая физиономия Мотовилихинского Совета рабочих и солдатских депутатов большевистская³.

Таким образом, в июле 1917 г. большевики завоевали руководство Советом крупнейшего на Западном Урале Мотовилихинского завода.

Примерно в это же время был завоеван большевиками Очерский Совет рабочих и крестьянских депутатов, председателем которого стал большевик Н. В. Чазов⁴. Это был один из первых объединенных Советов рабочих и крестьянских депутатов Прикамья, ставший большевистским.

За счет голосов беспартийных депутатов, а также левого крыла фракций меньшевиков и эсеров, большевики в ряде случаев добивались принятия революционных решений и в тех Советах, где они еще не обладали формальным большинством. Чтобы удержаться у руководства такого рода Советами, меньшевикам и эсерам приходилось лавировать. Так, исполнительный комитет Губахинского

---

¹ ГАПО, ф. 732, оп. 1, д. 12, л. 9.

² Там же

³ «VI съезд РСДРП (б)» Протоколы, стр. 37?

⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 329, л. 42.

Совета рабочих депутатов, в котором преобладали соглашатели, принял постановление «выразить энергичный протест против травли большевиков»¹.

В Пермском городском Совете рабочих и солдатских депутатов, существовавшем отдельно от Советов Мотовилихи и завода Балашевой (ныне комбинат «Красный Октябрь»), а также в Советах уездных центров, влияние эсеров держалось, главным образом, за счет солдатских секций, превосходивших по своей численности рабочие секции. На отсталую часть солдат, подавляющая часть которых была крестьянами, опирались в своей травле большевиков контрреволюционеры, что явственно обнаружилось в событиях 25 июня в Перми и 9 июля в Кунгуре. Основной вывод из этого заключался в необходимости усиления большевистской работы среди солдат, завоевания их на свою сторону и большевизации на этой основе солдатских секций объединенных Советов. При Пермском комитете РСДРП (б) была создана Военная организация, во главе которой стал посланец ЦК партии Н. Г. Толмачев. Активными членами Военной организации являлись также В. И. Решетников, который специально для работы среди солдат вступил добровольцем в один из местных запасных полков, и член исполкома Пермского окружного Совета солдат—большевик А. А. Анишев². 10 августа Военная организация выпустила листовку «К солдатам Пермского гарнизона», в которой разоблачалась контрреволюционная политика буржуазных партий, разъяснялась позиция большевиков по основным вопросам революции и содержался призыв к солдатам встать под «красное революционное знамя» коммунистов³.

Усиление влияния большевиков нашло свое отражение в составе и характере решений II областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Урала, состоявшегося 17—21 августа в Екатеринбурге. Если на первом областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (май 1917 г.) большевики имели лишь 1/3 голосов, то на втором—большевистская фракция насчитывала 86 делегатов из 154⁴. Это был первый в стране областной съезд Советов, на котором преобладало влияние большевиков. По всем вопросам повестки дня съезд принял большевистские решения.

В резолюции съезда о политическом моменте, в частности, указывалось: «Потеряв в настоящий момент значение государственной власти в центре, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на местах сохранили значение революционных органов, и поэтому они должны, организуя вокруг себя широкие массы, всеми мерами охранять завоевания революции и быть готовыми к моменту, когда новый революционный подъем поставит их снова во

¹ «Социал-демократ», № 11, 7 августа 1917 г.

² ГАПО, ф. 732, оп. 1, д. 12, л. 11.

³ «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии». Док. и мат-лы. Пермь. 1957, док. № 162, стр. 218—220.

⁴ «Уральская правда», № 24, 21 августа 1917 г.; «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале», Свердловск, 1961, стр. 235.

главе революции»¹. Большое место в работе съезда заняли экономические вопросы. Задача ликвидации экономической разрухи совершенно правильно связывалась съездом с необходимостью установления рабочего контроля над производством и борьбой за власть, против контрреволюционной диктатуры. Как подчеркивалось в решениях съезда, для борьбы за власть пролетариат и беднейшее крестьянство должны организоваться «по всем направлениям», в том числе в Советы рабочих депутатов². В своем обращении к рабочим Урала съезд призвал провести 1 сентября однодневную политическую забастовку под лозунгом борьбы против контрреволюционных сил, за немедленный созыв Всероссийского съезда Советов и установление власти рабочих и трудящегося крестьянства³.

21 августа Уральский областной комитет РСДРП (б) выпустил листовку-обращение, в которой говорилось: «Закрывающийся сегодня съезд всех Уральских Советов рабочих и солдатских депутатов показал, что созрел уже перелом в сознании наших рабочих, что изжита тяжелая пора соглашательства»⁴. В новом составе исполнительного комитета областного Совета рабочих и солдатских депутатов Урала большевики имели 7 мест из 11⁵.

Революционные решения съезда и завоевание руководства областным Советом знаменовали собой серьезную победу коммунистов и создавали благоприятные условия для дальнейшей борьбы за большевизацию Советов не только Центрального, но и Западного Урала, где этот процесс заметно отставал. Революционизирующая и мобилизующая роль решений II областного съезда Советов Урала в полной мере сказалась в конце августа—начале сентября, в дни борьбы с военно-монархическим заговором генерала Корнилова.

В Перми 29 августа было созвано заседание исполкомов Пермских окружного и городского, Мотовилихинского, Балашевского и некоторых других Советов совместно с партийными организациями, на котором принято решение о том, что «вся полнота власти в Пермском округе по борьбе с контрреволюцией переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁶. Был создан «Комитет борьбы с контрреволюцией», введена охрана города и учреждений, установлен контроль над телеграфом и телефоном. При начальнике гарнизона и в полки назначены комиссары⁷. В Лысьве в дни борьбы с корниловщиной был создан «революци-

¹ «Уральская правда», № 25, 24 августа 1917 г. Приложение.

² «Уральская правда», № 25, 24 августа 1917 г. Приложение.

³ «Уральская правда», № 25, 24 августа 1917 г.

⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 237, л. 204.

⁵ Там же, д. 272, л. 33.

⁶ «Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов» (г. Пермь), № 51, 2 сентября 1917 г.

⁷ Там же; «Уральский рабочий», № 3, 10 сентября 1917 г., ГАПО, ф. 695 с, оп. 1, д. 7, л. 8.

онный комитет», установивший контроль над телефонными разговорами¹.

Чермозский Совет роздал депутатам оружие, захваченное у заводоуправления во время Февральской революции и хранившееся в Совете². Очерский Совет рабочих и крестьянских депутатов избрал добровольную милицию из 16 человек. Для контроля над милицией Временного правительства, которой рабочие не доверяли, комиссарам над ней был назначен председатель Совета Н. В. Чазов. 1 сентября Совет принял решение взять в свои руки всю полноту власти в борьбе с контрреволюцией³. Милиционеры, присланные в Очер из Оханска для ареста председателя Совета за неподчинение начальнику правительственной милиции, были разоружены рабочими⁴. В Кунгуре для борьбы с контрреволюцией был создан «Комитет революционной власти», пользовавшийся правом на аресты, конфискацию буржуазных газет, закрытие собраний буржуазных партий и т. п.⁵. Постановлением комитета 6 сентября была закрыта кадетская газета «Кунгурская жизнь»⁶.

В дни борьбы с корниловщиной эсеро-меньшевистские лидеры Советов, как это видно, в частности, и из приведенных выше примеров, под давлением революционной инициативы масс колебнулись влево. В то же время правительство Керенского находилось в полной растерянности. Даже Пермский губернский комиссар вынужден был признать, что «представители Временного правительства были на первое время отодвинуты на второй план»⁷. Таким образом, создалась обстановка, в которой обновленные и активизировавшиеся Советы вновь, как это было в период двоевластия, получили возможность взять в свои руки власть мирным путем. Ленин, партия большевиков предложили меньшевикам и эсерам воспользоваться этой возможностью⁸. Но последние вновь пошли на сговор с кадетами. «Вся ответственность за то, что эта возможность в тот период не была использована,—говорил Н. С. Хрушев,—лежит на представителях мелкобуржуазных партий, которые предпочли соглашение с буржуазией и выступили против коммунистов»⁹.

Ленинские положения о возможности мирного развития революции особенно актуальны в наше время. Они получили дальней-

---

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1592, л. 3.

² ГАПО, ф. 695 с, оп. 1, д. 23, лл. 402, 403, 411.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 329, лл. 42—44.

⁴ К. Я. Вотинова. Борьба за победу Октябрьской революции в Пермской губернии. В сб. «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах», М., 1953, стр. 262.

⁵ ГАПО, ф. 695 с, оп. 1, д. 7, л. 8.

⁶ «Борьба» (г. Екатеринбург), № 15, 12 сентября 1917 г.; «Речь» (г. Петроград), № 211, 8 сентября 1917 г.

⁷ ГАПО, ф. 695 с, оп. 1, д. 7, л. 8.

⁸ См. В. И. Ленин. «О компромиссах», Соч., т. 25, стр. 282—287.

⁹ Н. С. Хрушев. Выступление на VI съезде Социалистической единой партии Германии 16 января 1963 года, М., 1963, стр. 37.

шее творческое развитие в решениях XX и XXII съездов КПСС и в документах Московских совещаний коммунистических и рабочих партий. В Заявлении совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. подчеркивается, что в современных условиях в ряде капиталистических стран рабочий класс во главе со своим передовым отрядом имеет возможность «сломить сопротивление реакционных сил и создать необходимые условия для мирного осуществления социалистической революции»¹.

1 сентября рабочие Лысьвы, Кунгура и некоторых других пролетарских центров Западного Урала приняли участие во всеобщей политической стачке, проводившейся по решению II областного съезда Советов. Рекомендованные съездом лозунги исполком областного Совета постановил дополнить призывом к активной борьбе с корниловщиной². В Лысьве на организованном местным Советом митинге была принята резолюция с требованием скорейшего созыва Всероссийских съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, «которые должны будут взять в свои руки всю полноту власти»³. Революционные требования были выдвинуты и на манифестации, устроенной 1 сентября Кунгурским Советом⁴.

Корниловщина и борьба с ней явились открытым столкновением двух противоположных лагерей. Это столкновение наглядно показало обреченность не только открытых корниловцев, но и Временного правительства вкупе с его эсеров-меньшевистскими прихвостнями. В этом отношении интересно признание Пермского губернского комиссара Временного правительства. В своем отчете за август 1917 г. последний писал, что корниловский мятеж изменил отношение к Временному правительству «в смысле убеждения в непрочности этой власти»⁵.

Всю тяжесть борьбы с корниловщиной взяли на себя Советы и созданные ими «революционные комитеты». В огне этой борьбы Советы освобождались от мелкобуржуазных иллюзий. В сентябре 1917 г. большевики пришли к руководству Петроградским и Московским Советами.

Обновление состава Советов дало возможность партии большевиков вновь выдвинуть лозунг «Вся власть Советам!». Но теперь это был не лозунг мирного развития революции, а лозунг восстания большевистских Советов против Временного правительства, лозунг установления путем вооруженного восстания пролетарской диктатуры в форме Советской власти. Отношение партии большевиков к ло-

---

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1960, стр. 78.

² ПАСО, ф. 41 оп. 1, д. 272, л. 137; «Уральский рабочий», № 1, 6 сентября 1917 г.

³ «Известия Лысьвенского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 12, 8 сентября 1917 г.

⁴ «Борьба», № 15, 12 сентября 1917 г.

⁵ ГАПО, ф. 695 с, оп. 1, д. 7, л. 8,

зунгу «Вся власть Советам!» является замечательным образцом гибкости тактики¹.

Корниловщина дала рабочим, солдатам и беднейшим крестьянам хороший политический урок. Все усиливающаяся экономическая разруха, доходящий до голода продовольственный кризис, наступление капиталистов на рабочий класс, реакционная внешняя и внутренняя политика Временного правительства переполнили чашу народного терпения. «Недовольство, возмущение, озлобление в армии, в крестьянстве, среди рабочих растет, — писал В. И. Ленин, — все обещающая и ничего не исполняющая «коалиция» эсеров и меньшевиков с буржуазией нервирует массы, открывает им глаза, толкает их на восстание»².

Собственный жизненный опыт и работа большевиков убеждали народные массы в том, что без свержения Временного правительства они не смогут добиться осуществления своих требований и избежать новой корниловщины. С решительным осуждением «шестимесячной продолжительной соглашательской политики», создавшей корниловщину и развал в экономической жизни страны», выступили, например, рабочие Губахинских копей³. Собрание рабочих станции Чусовская Пермской ж. д. приняло 21 сентября резолюцию, в которой выдвигалось требование «создать власть из революционного пролетариата и трудового крестьянства, а для этого созвать немедленно II Всероссийский съезд (Советов) рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁴. Подобного рода примеры можно было бы умножить. Все они свидетельствуют о том, что большевистские лозунги свержения Временного правительства и установления диктатуры пролетариата в форме Советской власти стали требованиями масс.

В этих условиях состав ряда Советов, все еще находившихся в плену эсеро-меньшевистской тактики, уже не соответствовал подлинным настроениям трудящихся. Разуверившись в соглашателях, народные массы все решительней требовали проведения перевыборов. Начался новый, решающий этап борьбы за большевизацию Советов всей страны, в том числе и Западного Урала.

19 сентября были произведены перевыборы Добрянского Совета рабочих и крестьянских депутатов, в результате которых большевики получили в нем большинство мест⁵. 22 сентября Совет принял резолюцию по текущему моменту, в которой записал: «Дальнейшее соглашательство с буржуазией недопустимо (преступно)», «... вся власть должна перейти в руки революционной демократии»⁶. На Мотовилихинском заводе после корниловщины соглашатели окон-

---

¹ Подробней об этом см. И. Петров. Стратегия и тактика партии большевиков в Октябрьской революции. М., 1957, стр. 404—405.

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 38.

³ «Уральский рабочий», № 16, 11 октября 1917 г.

⁴ Там же, № 13, 4 октября 1917 г.

⁵ «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», Док. и мат-лы, т. III. Свердловск, 1927, стр. 444—445.

⁶ «Известия Уральского Совета», № 61, 3 октября 1917 г.

чательно потеряли влияние среди рабочих. Яркой иллюстрацией этого могут служить события 8 сентября. В этот день в Мотовилихе был проведен митинг. Несмотря на то, что он был организован меньшевиками, председателем рабочие избрали большевика В. М. Сивилева. Меньшевикскому оратору рабочие не дали говорить, а речь приехавшего в Пермь видного большевика М. К. Муранова выслушали с огромным вниманием¹.

28 сентября Совет принял решение о перевыборах. Последние были проведены 8 октября и принесли победу большевикам, получившим в Совете прочное большинство — 47 мест из 92².

Пример крупнейшего пролетарского центра Западного Урала оказывал революционизирующее воздействие и на другие Советы. В результате частичных перевыборов ко времени Октябрьской революции изменился в пользу большевиков состав Чусовского Совета рабочих и солдатских депутатов³.

В сложных условиях протекала борьба за большевизацию Совета в Кунгуре. Количество рабочих, занятых, главным образом, на небольших кожевенных и обувных предприятиях, было здесь невелико. В городе стоял запасной полк, среди офицеров и солдат которого пользовались влиянием эсеры. Решающую роль в отвоевании Совета из-под влияния соглашателей сыграла большевистская организация, существовавшая в Кунгурском депо с 1912 года. После победы Февральской революции организация быстро росла. В нее вступали не только рабочие, но, что особенно важно, и революционно настроенные солдаты местного гарнизона. Важной победой большевиков Кунгура явилось избрание в июле на пост председателя Совета солдата-большевика И. К. Попова. В сентябре были проведены перевыборы Совета, в результате которых коммунисты получили большинство мест в рабочей секции. В начале октября большевики добились ликвидации Гарнизонного комитета, существовавшего параллельно с Советом рабочих и солдатских депутатов и являвшегося оплотом эсеровщины. На II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Кунгурский Совет направил большевика И. К. Попова⁴.

Кунгур был единственным уездным центром Западного Урала, в котором еще до победы Октябрьской революции большевики завоевали руководящую роль и большинство мест в Совете.

Ко времени Великой Октябрьской революции еще более укрепилось влияние большевиков в Советах Лысьвенского горного ок-

---

¹ «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале», стр. 329—330.

² «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Сб., док. М., 1957, док. № 247, стр. 301, 302.

³ Там же, стр. 39G; «Под Красным знаменем», стр. 194, Воспоминания В. Ф. Сивкова.

⁴ «Уральский рабочий» № 18, 15 октября 1917 г. «Кунгурский листок» № 860 и 862 от 6 и 8 октября 1917 г.; ГАПО, ф. 732, оп. 1, д. 7, л. 14; ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 360, л. 35; д. 663, лл. 1—2; «В борьбе за власть Советов», стр. 107.

руга. На состоявшемся 8 октября районном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов все делегаты были большевиками¹. Съезд записал в своем постановлении, что «политика «коалиции» с буржуазией потерпела крушение», эсеро-меньшевистское большинство ЦИК Советов «своей политикой соглашательства привело страну к... тупику»². Съезд потребовал перехода власти в руки Советов, заключения демократического мира, рабочего контроля над производством и распределением, перехода земли в распоряжение земельных комитетов, отмены смертной казни и т. д. Делегатом на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов был избран большевик П. В. Баташев³.

Таким образом, ко времени Октябрьской революции большевики Западного Урала завоевали на свою сторону Советы крупнейших пролетарских центров (Мотовилиха, Лысьва, Чусовой), а также некоторых городов и ряда заводов (Кунгур, Бисер, Добрянка, Очер и др.).

В Пермском, Чермозском, Кизеловском и некоторых других Советах преобладание эсеров и меньшевиков сохранялось лишь благодаря тому, что длительное время не было перевыборов. Не случайно Чермозская большевистская организация приняла 24 октября решение «...развернуть агитацию среди рабочих и предложить на первом же собрании Совета переизбрать весь состав Совета»⁴.

С победой пролетарского восстания в Петрограде наступил завершающий этап большевизации Советов всей страны, в том числе и Западного Урала. Огромную роль сыграли в этом отношении исторические решения II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о переходе всей полноты власти в центре и на местах к Советам, о мире, о земле и о создании первого Советского правительства во главе с В. И. Лениным.

Получив известие о победе революции в Петрограде, исполком областного Совета рабочих и солдатских депутатов Урала 26 октября принял воззвание, в котором предписывалось всем местным Советам взять власть в свои руки, представителей старой власти сместить, а сопротивляющихся арестовать. Всякое сопротивление подавлять оружием⁵. Лысьвенский, Мотовилихинский, Кунгурский, Чусовской, Бисерский и другие Советы Западного Урала, в которых ко времени Октябрьской революции преобладало влияние большевиков, берут всю полноту власти, организуют охрану и направляют комиссаров на важнейшие объекты.

---

¹ «Второй Всероссийский съезд Советов»..., Док, № 239, стр. 293.

² «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии», док. № 301, стр. 378.

³ «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии», док. № 301, стр. 378.

⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 796, л. 76.

⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 272, л. 149; «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии», док. № 378, стр. 455—456.

В Кизеле эсеры и меньшевики после провала попытки скрыть сообщение о победе социалистической революции позорно бежали с заседания Совета. Произведя довыборы исполкома, Кизеловский Совет взял власть в свои руки¹. 4-го ноября состоялись перевыборы Чермозского Совета. Большинство мест в Совете получили большевики. Его председателем стал большевик Г. С. Третьяков. В Чермозе установилась Советская власть².

В Перми известие о событиях в Петрограде было получено 26 октября. Рабочие и солдаты восприняли победу пролетарской революции с огромным энтузиазмом. Об этом убедительно говорят решения многочисленных собраний и митингов. 27 октября под председательством большевика И. С. Сухобруса состоялось общее собрание рабочих завода Леснера, потребовавшее от местных Советов взять власть в свои руки и произвести перевыборы³. «Мы будем стойко защищать революционную власть и силой штыков подавим всякое сопротивление этой власти»⁴, — говорилось в резолюции многотысячного митинга солдат Пермского гарнизона, состоявшегося 29 ноября.

Опираясь на волю рабочих и солдат, большевики Перми развернули борьбу за перевыборы городского Совета и его объединение с Советами Мотовилихи и завода Балашевой. По настоянию большевистской фракции Пермский городской Совет принял 30 октября решение провести с 31 октября по 5 ноября перевыборы⁵.

Из созданного 27 октября соглашателями «революционного» комитета, который по характеру деятельности был фактически контрреволюционным, большевики 1 ноября вышли и сосредоточили свои основные силы на завоевании городского Совета⁶.

Стремясь дискредитировать Советскую власть, контрреволюционеры развязали в городе погром, который удалось подавить силами Мотовилихинской Красной гвардии.

Несмотря на всю сложность обстановки, в которой проходили перевыборы, большевики получили в Совете половину мест. Руководство Советом, председателем которого был избран В. И. Решетников, перешло к большевикам⁷.

Преодолев упорное сопротивление и саботажническую тактику меньшевиков и эсеров, большевики добились 17 ноября принятия решения о слиянии городского Совета с Мотовилихинским и Балашевским⁸. 23 ноября состоялось совместное заседание трех Советов, высказавшееся за объединение. Председателем объединенного Совета стал А. Л. Борчанинов. Этим решением был положен ко-

¹ «Под красным знаменем», стр. 222—223. Воспоминания С. П. Кесарева.

² «Пролетарское знамя», (г. Пермь), № 20, 24 ноября 1917 г.; «Под красным знаменем», стр. 213. Воспоминания М. Г. Деменева.

³ «Уральский рабочий», № 29, 5 ноября 1917 г.

⁴ «Пролетарское знамя», № 3. 1 ноября 1917 г.

⁵ Там же, № 5, 3 ноября 1917 г.

⁶ Там же.

⁷ Там же, № 12, 14 ноября 1917 г.

⁸ Там же, № 17, 19 ноября 1917 г.

нец тому нетерпимому положению, когда пролетарские окраины города по злому умыслу соглашателей оказывались искусственно отделенными от его центральной части, а силы рабочего класса распылены. Опираясь на прочное большинство голосов, большевики добились принятия объединенным Советом решения о переходе в его руки всей полноты власти в городе. Меньшевики, оказавшиеся в Совете в ничтожном меньшинстве, сделали заявление о своем непризнании власти Совета Народных Комиссаров и вышли из состава городского Совета¹. Вслед за Пермским резолюции о поддержке Советской власти приняли Усольский и Березниковский Советы².

30 ноября кадеты, меньшевики и эсеры сконструировали в Перми самозванный орган — «совет по управлению губернией». Разоблачая этот маневр контрреволюционных сил, большевики обратились к трудящимся массам с призывом: «Через свои Советы на местах откажитесь признать эту жалкую кучку обнаглевших буржуазных наймитов»³. Призыв большевиков нашел горячий отклик. В различных уголках губернии рабочие, солдаты, трудящиеся крестьяне заявляли о своей поддержке Советской власти и решимости бороться с контрреволюционным «советом по управлению губернией».

7 декабря Пермский городской Совет принял постановление о губернской власти. В постановлении указывалось на контрреволюционный характер «совета по управлению губернией», разоблачалось соглашательское руководство Уральского (Пермского) окружного Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского Совета крестьянских депутатов, отказавшееся от проведения губернского съезда Советов и не признавшее Советской власти, и подчеркивалось, что центральная власть в губернии должна быть создана губернским съездом Советов⁴.

Первый губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся в Перми 16 декабря 1917 г. Из-за раскольнических действий правозероковского руководства губернского Совета крестьянских депутатов крестьянские Советы были представлены на съезде лишь отдельными представителями. Из 139 делегатов съезда 108 вошло в большевистскую фракцию⁵.

По всем вопросам повестки дня съезд принял большевистские резолюции. По вопросу об отношении к центральной власти съезд признал центральным законодательным органом власти ЦИК Советов, и исполнительным — Совет Народных Комиссаров и направил им приветствие⁶. Съезд решил упразднить Пермский окруж-

¹ «Пермская жизнь», № 567, 26 ноября 1917 г.; Ф. А. Александров, «Победа пролетарской революции в Пермской губернии», В сб. «1917 г. на Урале», Пермь, 1957, стр. 239.

² «Пролетарское знамя», № 30 и 43 за 8 и 23 декабря 1917 г.

³ Там же, № 27, 3 декабря 1917 г.

⁴ Там же, № 37, 16 декабря 1917 г.

⁵ Там же, № 43, 23 декабря 1917 г.

⁶ «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов», № 8, 18 (31) января 1918 г.

ной Совет рабочих и солдатских депутатов, скатившийся в лагерь контрреволюции, и передать всю власть губернскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Что касается «совета по управлению губернией», то, как подчеркивалось в докладе на съезде члена Пермского комитета РСДРП(б) М. Н. Лукоянова, бороться с этой «властью» не приходилось, так как она «уже распалась, она умерла, не родившись»¹.

Съезд избрал губернский исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, в который вошло 11 большевиков и 4 «левых» эсера. Председателем губисполкома стал М. Н. Лукоянов. После состоявшегося в январе 1918 г. губернского съезда Советов крестьянских депутатов на объединенном заседании исполкомов обоих Советов 21 января 1918 г. был избран единый президиум губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Большевики получили в объединенном губисполкоме посты председателя и одного из двух его заместителей². Еще до этого, 20 декабря 1917 г., был распущен Уральский (Пермский) окружной Совет рабочих и солдатских депутатов.

Ломая сопротивление чиновников, меньшевиков и эсеров, губисполком в конце 1917 — начале 1918 гг. развернул работу по созданию губернского советского аппарата³.

В первые месяцы 1918 г. Советская власть была установлена на всей территории нынешней Пермской области. Упорная и длительная борьба большевиков за завоевание Советов и их превращение в органы диктатуры пролетариата завершилась полной победой. «Благодаря особым условиям, которые исторически сложились в России..., — писал В. И. Ленин, — большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России»⁴. Одним из таких центров был Западный Урал.

¹ «Пролетарское знамя», № 43, 23 декабря 1917 г.

² «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», № 22, 17 (4) февраля 1918 г.

³ Ф. С. Горовой. Победа Советской власти в Перми. «Ученые записки Пермского государственного университета, т. 6, вып. 4, стр. 131.

⁴ В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. (Главы первоначального варианта статьи). «Вопросы истории КПСС», № 6, 1962, стр. 4.

Е. Н. Лукьянова

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 ГОДУ

Изучение первых шагов советского строительства в нашей стране имеет большое научное и практическое значение. Показать превращение угнетенного и отсталого рабочего и крестьянина бывшей царской России в активного строителя новой жизни, показать становление первого в мире государства трудящихся можно лишь на основе всестороннего исследования этого процесса по отдельным районам. Одним из таких районов, отличающихся специфическими особенностями проведения Октябрьской революции в силу своих экономических и общественных условий, являлся Урал, основную часть которого занимала Пермская губерния.

Вопросы строительства советского государственного аппарата и первых культурных преобразований на территории Пермской губернии до сих пор еще не изучены в должной мере исследователями. Известное отражение они нашли в общих работах, посвященных истории борьбы за победу Советской власти в Пермской губернии, среди которых в первую очередь следует назвать работы Ф. А. Александрова¹, Ф. С. Горового², К. Я. Вотиновой³, А. И. Устькачкинцевой⁴. Однако эти вопросы нуждаются в специальном изучении.

Данная статья ставит целью осветить историю ликвидации старых органов местного самоуправления на территории Перм-

---

¹ Александров Ф. А. Победа пролетарской революции в Пермской губернии. В кн. «1917 год на Урале». Сб. статей. Пермь, 1957, стр. 209—249.

² Горовой Ф. С. Победа Советской власти в Перми. — Ученые записки (Пермский университет), т. VI, вып. 4, 1951. стр. 125—131.

Его же. Революционные события 1917 г. в Пермской губернии. — В кн. «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии». Документы и Материалы. Пермь, 1957, стр. 5—43.

³ Вотинова К. Я. Борьба за победу Октябрьской революции в Пермской губернии. — В кн. «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах». М., 1953, стр. 245—297.

⁴ Устькачкинцева А. И. Пермская партийная организация в борьбе за укрепление Советской власти (1918 год). Пермь, 1953, 131 стр.

ской губернии, историю оформления аппарата местных Советов до закрепления его Конституцией 1918 года, а также показать начало первых культурных преобразований в крае.

Источниками для работы послужили как опубликованные, так и, главным образом, неопубликованные материалы Государственного архива Пермской области (ГАПО), Центрального Государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) и других архивов, материалы периодической печати.

Образование Советской власти в центре положило начало социалистическому перевороту во всей стране. Процесс установления и дальнейшего упрочения Советской власти на местах, процесс формирования местных Советов и других местных органов государственного управления был чрезвычайно сложным.

II Всероссийский съезд Советов объявил Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов органами государственной власти на местах. Но специальных положений, определяющих форму организации Советов, порядок их работы, в первые два месяца после Октябрьской революции не было. Советы руководствовались в своей работе первыми декретами Советского правительства и определяли свои задачи, исходя из задач, стоящих перед всей страной. Единообразия в организации власти в этот период не существовало, да и не могло существовать. Упорядочение структуры всего советского аппарата, установление общих избирательных норм, единой системы советских органов, единого порядка их работы могло быть достигнуто лишь самой жизнью.

Изучение организации и опыта деятельности местных Советов в течение первых двух месяцев существования Советского строя позволило Народному комиссариату внутренних дел разработать положения, определяющие в общих чертах компетенцию местных Советов и систему их организации. 24 декабря 1917 года НКВД опубликовал обращение «Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов» и Инструкцию Народного комиссариата внутренних дел о правах и обязанностях Советов.

Обращение НКВД ко всем Советам об организации местного самоуправления указывало, что на местах органами власти являются Советы, которые заменяют все прежние органы местного управления (губернских и уездных комиссаров, городские думы, волостные правления и др.). Местные Советы призывались овладевать аппаратом местного управления, «захватывать все правительственные учреждения, подчиняя себе все стороны местной жизни»¹.

Инструкция «О правах и обязанностях Советов» определяла компетенцию Советов. Она указывала, что Советы «являются органами власти на местах, вполне самостоятельны в вопросах местного характера, но всегда действуют сообразно декретам и постановлениям как центральной власти, так и тех более крупных объединений (уездных, губернских и областных Советов), в состав которых они входят».

¹ СУ 1917 г. № 12, стр. 179.

На Советы возлагались задачи «обслуживания всех сторон местной жизни: административной, хозяйственной, финансовой и культурно-просветительной»¹.

Инструкция указывала, что Советы избирают из своей среды исполнительные органы (исполнительные комитеты, президиумы), которые должны проводить в жизнь их постановления и вести всю текущую работу по управлению. Инструкция определяла и порядок финансирования Советов. Советы должны были финансироваться из государственных средств по представлению ими подробных смет на три месяца.

Дальнейшим шагом в развитии и укреплении местных Советов явились решения III Всероссийского съезда Советов, который проходил 10—18 января 1918 года.

Таким образом, задачи и порядок работы Советов постепенно уточнялись, расширялись и закреплялись законами.

Строительство советского государственного аппарата встречало огромные трудности как в центре, так и на местах. Не было опыта в управлении, не хватало знающих делопроизводителей; вело открытую и тайную борьбу старое чиновничество. Все это накладывало свой отпечаток на формы организации местных Советов, определяло неустойчивость этой формы в первый период Советской власти.

Имела свои особенности и организация советского государственного аппарата в Пермской губернии.

После свершения Октябрьской революции и победы Советской власти в пролетарских центрах страны — в Пермской губернии губернской власти фактически не было. Ни меньшевистско-эсеровский Уралсовет, ни контрреволюционный «совет по управлению губернией» не имели реальной власти и не могли управлять краем. Работа в губернских государственных учреждениях шла старым заведенным порядком. Служащими руководили старые чиновники. Так продолжалось до середины декабря 1917 года.

16 декабря 1917 года в Перми открылся Пермский губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Большинство на нем принадлежало большевикам. Съезд объявил себя высшей властью в Пермской губернии и, призвав все Советы губернии взять власть в свои руки. На съезде был избран губернский исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, в который вошли 11 большевиков и 4 левых эсера. Исполнительным комитетом было организовано 8 отделов: административный, военный, промышленный, финансовый, продовольственный, транспортный, культурно-просветительный².

20 января 1918 года в состав губисполкома были избраны левой частью IV губернского съезда Советов крестьянских депута-

¹ «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов», № 1, 6 января 1917 г., стр. 2.

² «Известия Пермского губисполкома», № 23, 19 февраля 1918 г., стр. 5.

тов еще 15 членов; 5 большевиков и 10 левых эсеров¹. Таким образом, всего в составе первого исполнительного комитета Пермского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было 16 большевиков и 14 левых эсеров.

6—15 апреля в Перми состоялся Первый объединенный съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Пермской губернии. Он должен был выбрать новый состав губисполкома. Пользуясь численным перевесом, левые эсеры требовали большего количества мест в губисполкоме. Вопрос о составе губисполкома не был решен, фракции большевиков и левых эсеров к соглашению не пришли, и съезд разъехался, так и не выбрав нового состава губисполкома².

Конфликт поступил на рассмотрение Уральского областного Совета. 20 апреля 1918 года областной Совет решил оставить старый состав губисполкома до нового съезда, но переименовать его в Пермский окружной исполнительный комитет, поскольку на съезде было принято решение разделить Пермскую губернию на 2 округа — Пермский и Екатеринбургский³.

Утвержденный таким образом исполнительный комитет работал до ноября 1918 года. Название «округа» не закрепилось и новые объединения уездов стали называться Пермской и Екатеринбургской губерниями, а Пермский губисполком сохранил за собой старое название.

Пермский губисполком в этот период был разделен на две секции: административно-военную и Совет народного хозяйства, в которые входили уже 12 отделов⁴. К административно-военной секции относились отделы: управления, военный, юридический, врачебно-санитарный, социального обеспечения и народного просвещения. В Совет народного хозяйства входили отделы производства, труда, снабжения, земледелия, финансов, транспорта.

Секции собирались каждую неделю на свои заседания и, кроме того, еженедельно созывались пленарные собрания исполкома. Во главе отделов стояли или ответственный член исполкома или коллегия, в зависимости от объема работы отделов. Работа всего исполнительного комитета направлялась президиумом губисполкома⁵.

Одним из основных отделов губисполкома был отдел управления. В него входили три подотдела: административный, задачей которого являлись борьба с контрреволюцией и «общий надзор за губернией»; организационно-информационный, который вел работу по организации Советов на местах; и иностранный, занимавшийся

---

¹ «Известия Пермского губисполкома», № 23, 19 февраля 1918 г., стр. 5.

² Там же, № 70, 19 апреля 1918 г., стр. 3.

³ «Известия Пермского губисполкома», № 79, 30 апреля 1918 г., стр. 3; № 63, 11 апреля 1918 г., стр. 3.

⁴ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 2836, л. 17—22.

⁵ Там же.

регистрацией иностранцев, приемом в русское подданство, выдачей паспортов¹.

Губернский отдел управления в своей работе проводил в жизнь все постановления центральной власти и руководствовался указаниями НКВД.

Коммунистам Пермской губернии пришлось работать в очень трудных условиях. Дутовский мятеж, кулацкие восстания, выступление чехословаков вынуждали Пермскую партийную организацию лучших, самых опытных и закаленных своих членов, таких, как А. Л. Борчанинов, В. И. Решетников, вместе с десятками и сотнями преданных делу революции рабочих, посылать на фронты гражданской войны. Другая часть наиболее подготовленных и активных коммунистов, среди которых можно назвать П. М. Обросова, М. Н. Лукоянова, В. Ф. Сивкова, А. А. Анишева и многих других, была направлена на советскую работу.

Такое отвлечение сил неизбежно сказывалось на уровне работы партийной организации. Пермский окружной комитет РКП (б), как сплыведливо отмечалось на Пермской губернской конференции РКП (б), состоявшейся 15—19 ноября 1918 года, из-за отсутствия работников не мог оказывать должной помощи советской работе².

Деятельность Советов губернии направлялась фракциями коммунистов внутри Советов и очень осложнялась борьбой с левыми эсерами, саботировавшими самые важные мероприятия Советской власти.

С этими и целым рядом других трудностей Пермский губисполком столкнулся с самого начала своего существования.

Губисполком сразу же начал энергично проводить в жизнь решения Пермского губернского съезда Советов об организации Советской власти на местах.

Отдел управления Пермского губисполкома 25 января 1918 года направил уездным Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов письмо с предложением «немедленно приступить к организации власти на местах»³. Там, где исполкомы Советов крестьянских депутатов, говорилось в письме, из-за правой части действуют отдельно от Советов рабочих и солдатских депутатов,— следует просить левую часть объединиться для совместной работы. Письмо предлагало созывать объединенные съезды крестьян, рабочих и солдат и вести энергичную борьбу с контрреволюционерами.

Существенную помощь в организационном оформлении местных Советов оказали решения III Уральского областного съезда Советов о конструировании органов Советской власти на Урале. Съезд проходил 24—29 января 1918 года в городе Екатеринбурге. На нем была определена структура областного и местных Советов. В

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 2836, лл. 17—22.

² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 93, д. 125, лл. 25—26.

³ ГАПО, ф. 358, оп. 1, д. 663, л. 3.

отношении областной организации съездом было постановлено: Пермская, Уфимская, Вятская и Оренбургская губернии образуют единую Уральскую область, во главе которой стоит областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избираемый областным съездом. Областной исполнительный комитет состоит из 54 лиц, из состава которых съездом утверждается областной комиссариат¹.

Постановлением съезда устанавливалась структура местных Советов. Указывалось, что исполнительный комитет избирается для управления из состава Совета и образует 6 отделов: 1) юстиции, 2) административно-военный, 3) финансовый, 4) хозяйственный или экономический, 5) культурно-просветительный, 6) врачебно-санитарный. На районных, окружных или уездных съездах Советов избираются районные, окружные или уездные исполнительные комитеты, конструкция которых устанавливается самими съездами².

Но всех этих первых указаний было недостаточно, чтобы ввести в стремительный процесс формирования Советов какое-то единообразие.

В. И. Ленин в речи на съезде председателей губернских Советов 30 июля 1918 года указывал: «Лозунг «вся власть Советам» привел к тому, что на местах хотели придти к опыту государственного строительства путем собственных ошибок. Такой переходный период был необходим и оказался благотворным. В этом стремлении к сепаратизму было много здорового, доброго в смысле стремления к созиданию»³.

О чрезвычайном разнообразии форм организации уездных, городских и волостных Советов, о творческом, самостоятельном подходе масс к созданию своей власти можно судить на примере Пермской губернии.

Поскольку единых норм представительства в Советы не было, то количественный состав Советов, исполнительных комитетов, их президиумов был самый различный. Если Камышловский уездный Совет состоял из 18 депутатов⁴, то Усольский уездный Совет — из 38⁵, Ирбитский уездный Совет — из 160 человек⁶.

Таким же разнообразием отличался состав волостных Советов. Например, Сивинский волостной Совет крестьянских и солдатских депутатов Оханского уезда был избран 31 января 1918 года в количестве 19 человек⁷, Ныробский волостной Совет крестьянских депутатов Чердынского уезда — 58 человек⁸, а Сылвенский

---

¹ «Советский сборник», вып. 1, Екатеринбург, 1918, стр. 6—11.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 19.

⁴ ГАПО, ф. 359, оп. 1, д. 2, лл. 73—76.

⁵ Там же, лл. 77—81.

⁶ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 446, л. 47.

⁷ ГАПО, ф. 220с, оп. 1, д. 1, лл. 2—11.

⁸ «Уральский рабочий», № 24, 15 февраля 1918 г., стр. 4.

волостной Совет рабочих и крестьянских депутатов — в числе 100 человек¹.

В структуре самих Советов и их исполнительных комитетов существовала необычайная пестрота. Рекомендации III Уральско-го областного съезда об организации при исполкоме 6 отделов принимались далеко не везде.

Некоторые Советы, беря за образец организацию центральной власти, создавали комиссариаты и «Советы комиссаров». Так, Шадринский исполнительный комитет 25 января 1918 года для организационной работы по проведению в жизнь директив высших и местных органов Советской власти в г. Шадринске и уезде создал Совет комиссаров².

В конце января 1918 года такой комиссариат был создан при Нижне-Тагильском Совете³. Комиссариаты создавались не только уездными и районными Советами, но и волостными. Верхне-Уфалейский волостной Совет рабочих депутатов Екатеринбургского уезда на своем съезде 26—28 февраля постановил «создать комиссариат» и выделить «ответственных комиссаров для руководства отдельными отраслями управления»⁴. На съезде были избраны 10 комиссаров: военно-административный, народного образования, финансов, труда, продовольствия, путей сообщения, кустарно-промышленный, лесной, сельскохозяйственный и местного хозяйства. Последний должен был заведывать общественным имуществом — движимым и недвижимым⁵.

Пример подобной организации в какой-то мере был подан III областным съездом Советов Урала, на котором из членов областного исполнительного комитета был избран Областной комиссариат.

Более распространенной была организация Советов с созданием президиума и отделов исполкома. Но и здесь какого-либо единообразия не существовало. В некоторых волостных Советах отделов не создавалось. Так, Ныробский волостной исполком Чердынского уезда состоял из трех человек: председателя, товарища председателя и члена⁶. В Сивинский волостной исполком Оханского уезда входили: председатель, заместитель, 3 члена и секретарь⁷.

Исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Заводо-Михайловской волости Осинского уезда состоял из трех отделов: административно-хозяйственного, продовольствен-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 283а, лл. 140, 140 об.

² Установление Советской власти на территории Курганской области (март 1917 — июнь 1918 гг.). Сборник документов и материалов Курган, 1957, страницы 142-144.

³ ГАПО, ф. 359, оп. 1, д. 2, лл. 73—76.

⁴ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 283б, л. 156.

⁵ Там же.

⁶ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 283а, лл. 140, 140 об.

⁷ ГАПО, ф. 220с, оп. 1, д. 1, лл. 2—11.

ного и земельного¹. Исполком Совета Серебрянского завода Кунгурского уезда — из 6 отделов². Совет депутатов Серафимовской волости Оханского уезда организовал 8 отделов³. Исполком Усольского городского Совета состоял из 5 отделов⁴, исполком Оханского уездного Совета — из 14 отделов и президиума⁵.

Рассматривая структуру исполкомов, можно видеть, что общим для них было наличие административного, хозяйственного, продовольственного и земельного или земельно-лесного отделов.

Четкость структуры, умелое распределение обязанностей между членами исполкомов свидетельствовали, как правило, о лучшей постановке партийной работы в данной местности, о наличии более опытных, знающих дело партийных работников, о повседневном партийном руководстве работой Советов. И, наоборот, слабость партийной работы неизбежно отражалась на организации и деятельности Совета. Об этом можно судить на примере Осинского уездного исполнительного комитета. Он был избран волостным съездом Советов Осинского уезда 28—30 января 1918 года⁶. Однако, до марта уездный исполком работал, не создав отделов.

На тринадцатом заседании исполкома 1 марта 1918 года представитель Пермского губисполкома указывал на необходимость «в ближайшие же дни» разбиться на отделы, говорил о необходимости организовать Советы во всех волостях, «организовать фракции партий и комитеты, которые и дадут работников»⁷. И только в середине марта исполнительный комитет организовал работу по отделам.

Местные Советы чувствовали себя вполне самостоятельными в решении всех вопросов, касающихся жизни своего района. Учитывая преобладание буржуазии и чиновничества в старых уездных центрах, съезды Советов Соликамского (в январе) и Оханского (в марте) уездов приняли решение перенести центры уездов из города Соликамска в село Усолье, из города Оханска — на ст. Верещагино, переименовав сами уезды в Усольский и Красно-Верещагинский⁸.

25 января 1918 года взял в свои руки власть Совет Алапаевского завода Верхотурского уезда. Явочным порядком, как говорилось на областном съезде комиссаров управления 10 мая 1918 года, он выделился из Верхотурского уезда в самостоятельный Алапаевский уезд⁹. В Екатеринбургском уезде к маю 1918 года

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 4, д. 11, лл. 373, 374.

² «Известия Пермского губисполкома», № 71, 20 апреля 1918 г., стр. 3.

³ ГАПО, ф. 301, соч., оп. 2, д. 9, лл. 1, 2.

⁴ ГАПО, ф. 359, оп. 1, д. 2, лл. 77—81.

⁵ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 36 а, лл. 80, 80 об.

⁶ ГАПО, ф. 358, оп. 1, д. 20, л. 6.

⁷ ГАПО, ф. 360, оп. 1, д. 1, лл. 15, 16.

⁸ ГАПО, ф. 301, оп. 1, д. 20, лл. 1—19; ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 283а, лл. 20, 20 об.

⁹ ГАПО, ф. 359, оп. 1, д. 2, лл. 73—76 об.

имелось 80 Советов в 64 волостях¹. Это объяснялось тем, что многие волости разделились, считая неудобным старое административное деление. Такое явление наблюдалось во всех уездах губернии.

Нередко в решениях местных Советов указывалось, что они будут исполнять решения вышестоящих Советов и центральных органов в той мере, в какой это не противоречит местной обстановке и местным интересам.

На пленарном заседании Осинского уездного исполнительного комитета 1 марта 1918 года была принята такая резолюция: «Ввиду того, что г. Оса и уезд есть отдельный пункт от центра, где пролетариат победил буржуазию и вводит порядки организованным порядком, а рабочие и крестьянство Осинского уезда находятся еще в первой стадии социальной революции, поэтому уездный исполнительный комитет Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов оставляет за собой свободу действий, пока не укрепится Советская власть»².

Все эти факты отражали стремление масс к осуществлению лозунга «Вся власть Советам!», к самостоятельному творчеству. Массы учились на собственном опыте, преодолевая ошибки, неизбежные в переходный период.

Строительство советского государственного аппарата велось в обстановке ожесточенного сопротивления свергнутых классов. В период проведения Великой Октябрьской социалистической революции на местах, наряду с Советами, существовали местные самоуправления. В волостях — установленные Временным правительством вместо волостных правлений и волостных старшин волостные земские собрания и волостные земские управы, в городах и уездах — городские думы и управы, уездные земские собрания и управы. Избранные в течение лета и осени 1917 года, эти органы по постановлению Временного правительства получили полномочия до 1 января 1919 года³.

В борьбе за массы большевики старались использовать все формы деятельности и уделяли значительное внимание работе в местных самоуправлениях. Большевики Пермской губернии активно участвовали в избирательных кампаниях по выборам в городские думы, уездные и волостные земские собрания. Эта работа давала положительные результаты, о чем можно судить на примере Лысьвы, Мотовилихи, Кыштыма. Волостные управы этих рабочих центров в большинстве своем состояли из большевиков и проводили в жизнь все указания Советов⁴.

Но в большинстве своем местные самоуправления были оплотом буржуазии, сопротивление которой необходимо было сломить.

¹ ГАПО, ф. 359, оп. 1, д. 2, лл. 73—76 об.

² ГАПО, ф. 360, оп. 1, д. 1, лл. 15, 16.

³ «Вестник Временного правительства», № 62 (108), 25 мая 1917 года.

⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 1, д. 13, лл. 23, 24; «Пролетарское знамя», № 24, 30 ноября 1917 г., стр. 4; ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 242, л. 2; д. 240, лл. 5, 6.

Ликвидация старого государственного аппарата и создание нового — советского в Пермской губернии имели свои особенности. Здесь в ряде случаев органы старого аппарата уничтожались полностью. Однако большей частью при ликвидации старых учреждений их технический административно-хозяйственный аппарат передавался в руки Совета, служащие продолжали свою работу под контролем Совета.

На первых порах существования Советской власти это было необходимо, т. к. рабочие и крестьяне не имели нужных знаний и навыков в административно-хозяйственной деятельности. Но для того, чтобы работу таких учреждений направить на пользу советского строительства, понадобились энергичные меры для подавления открытого сопротивления и саботажа врагов Советской власти.

Уже с момента победы Октябрьской революции в центре, чиновничество и буржуазная интеллигенция Пермской губернии выступили против Советов. Осинское, Оханское, Чердынское земства приняли резолюции протеста против установления Советской власти в Петрограде¹.

Соликамская городская дума 26 ноября 1917 года постановила не признавать СНК и защищать Учредительное собрание, с оружием в руках².

В связи с решением Оханского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов взять власть в свои руки, служащие Оханского земства и других учреждений Оханска на общем собрании профессионального союза служащих 10 декабря 1917 года постановили объявить бойкот Совету. Из состава Совета вышли члены этого профсоюза — депутаты от земской управы и земской типографии³.

Бастующие служащие Верхотурского казначейства поставили под угрозу финансовое обеспечение Богословского горного округа и Николае-Павдинского округа. 12 января 1918 года Верхотурский исполком был вынужден просить перевести для этих округов деньги в сумме 3 млн. 400 тыс. рублей на имя своих доверенных лиц вместо казначейства⁴.

Наиболее активным было выступление старого чиновничества Перми. В связи с победой Советской власти в Перми и роспуском созданного при участии земцев «Совета по управлению Пермской губернией», служащие губземства объявили забастовку, как они заявляли, «против насилий местного Совета»⁵. К забастовке присоединились служащие губернского казначейства, Казенной палаты, Пермского окружного суда, служащие нотариа-

¹ ГАПО, ф. 44с, оп. 1, д. 1, лл. 138, 139; «Пролетарское знамя», № 40, 20 декабря 1917 г., стр. 4.

² ГАПО, ф. 44с, оп. 1, д. 1, лл. 130—132.

³ «Пролетарское знамя», № 40, 20 декабря 1917 г., стр. 4.

⁴ НТФ ГАСО, ф. 9, оп. 1, д. 15, л. 1.

⁵ ГАПО, ф. 44с, оп. 1, д. 1, л. 158.

та, прокуратуры, почт и телеграфа. В забастовке участвовали все учреждения Перми, кроме Государственного банка. Губернское казначейство, Пермский окружной суд распространили свою забастовку на все подчиненные им организации губернии¹. Для руководства забастовкой в Перми был создан «Стачечный комитет общества служащих государственных учреждений»². В выпущенном от имени этого комитета объявлении саботирующие чиновники самоуверенно заявляли, что ни на какие соглашения с Советской властью они не пойдут и приступят к занятиям лишь тогда, «когда из всех учреждений будут отозваны комиссары с красногвардейцами» и власть перейдет к Учредительному собранию³.

Губисполком, понимая, что большинство мелких служащих участвует в забастовке под давлением своего начальства, понимая политическую отсталость этих служащих, провел 10 января 1918 года собрание служащих, желающих работать с Советской властью. На это собрание явилось более 100 человек, которые приняли решение работать на пользу Советской власти⁴.

Запугивания и угрозы «Стачечного комитета», грозившего «штрейкбрехерам» неприятными последствиями, не помогли. Энергичные меры, принятые Губисполкомом, по реорганизации учреждений, увольнение большинства старых чиновников помогли сломить стачку и это «только облегчило начинания будущей работы», — как писал в своем отчете Отдел управления Пермского губисполкома⁵.

Отношение большевиков к органам местного самоуправления было определено III Уральской областной конференцией РСДРП (б), состоявшейся 2—5 января 1918 года. Конференция обратила внимание партийных работников «на необходимость упорного и настойчивого разъяснения массам: 1) временного и преходящего значения дум, земств; 2) их подчиненного положения по отношению к Советам и неизбежности замены их в будущем всеохватывающими органами самоуправления революционных классов»⁶.

Этим решением и руководствовались большевики Пермской губернии. Советы Пермской губернии брали органы самоуправления под свой контроль. Пермский, Мотовилихинский Советы направили своих инструкторов для организации перевыборов волостных земств⁷. Перевыборы производились и по требованию самих трудящихся масс. После перевыборов волостные земства вставали на платформу Советской власти. В ряде мест рабочие и крестьяне добивались полной ликвидации земств. С такими тре-

¹ ГАПО, ф. 100, оп. 1, д. 1, л. 5; НТФ ГАСО, ф. 9, оп. 1, д. 15, л. 1.

² ГАПО, ф. 146 с. оп. 1, д. 28, л. 2.

³ ГАПО, ф. 146 с. оп. 1, д. 27 л. 11.

⁴ «Известия Пермского губисполкома», № 4, 12 января 1918 г., стр. 4.

⁵ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 2836, л. 17—22.

⁶ «Уральский рабочий», № 4, (101), 6 января 1918 г.

⁷ «Известия Пермского губисполкома», № 19, 31 января 1918 г., стр. 4.

бованиями выступали рабочие Ревдинского завода, крестьяне Фокинской волости Осинского уезда и другие¹.

Постепенно, с организационным оформлением Советов, с переходом всех отраслей хозяйства в их руки, встал вопрос о полной ликвидации старых органов местного самоуправления.

29 января 1918 года III Уральским областным съездом Советов было принято решение о ликвидации городских и земских самоуправлений. В резолюции съезда говорилось: «Все городские, волостные и земские самоуправления упраздняются по мере охватывания Советами хозяйственных функций. Хозяйственные функции этих учреждений передаются Советам, которым надлежит использовать существующий хозяйственный и технический аппарат»².

Ликвидация органов местного самоуправления в Пермской губернии началась с окраин. В первую очередь были ликвидированы наиболее контрреволюционные земства — Чердынское, Соликамское, Осинское.

29 января 1918 года Соликамская уездная земская управа была занята отрядом красногвардейцев Лысьвы, прибывшим на подавление контрреволюционного выступления³.

3 февраля Чердынский Совет рабочих и солдатских депутатов занял помещение Чердынской уездной управы и типографию. Уездное земское собрание вынуждено было разъехаться, «не окончив дел», как сообщалось в его телеграмме Пермскому земству⁴.

5 февраля 1918 года перешла в руки Совета Осинская уездная земская управа⁵. 24 февраля по требованию Соликамского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов вынуждены были объявить о своем роспуске Соликамская городская дума и городская управа⁶. 25 февраля исполком Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов принял постановление о роспуске Екатеринбургской городской думы. До сдачи дел городская управа объявлялась органом, ответственным перед Советом⁷.

27 февраля 1918 года Пермский губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял решение о ликвидации Пермского губернского земства. Уездным Советам предлагалось взять земства в свои руки, дела земских управ передать в отделы Советов⁸.

¹ ГАПО, ф. 321, оп. 1, д. 1, л. 7; «Уральский рабочий», № 36, 2 марта 1918 г., стр. 4.

² «Советский сборник», вып. 1, Екатеринбург, 1918 г., стр. 6—11.

³ ГАПО, ф. 19 с, оп. 1, д. 2, л. 11; «Уральский рабочий», № 24, 15 февраля 1918 г., стр. 4.

⁴ ГАПО, ф. 19 с, оп. 1, д. 1, л. 14.

⁵ ГАПО, ф. 301, оп. 1, д. 11, л. 10.

⁶ Березниковский краеведческий музей. Отдел фондов, папка 3.

⁷ «Известия Уральского областного Совета», № 26, 28 февраля 1918 г., стр. 2.

⁸ ГАПО, ф. 301, оп. 1, д. И, л. 17.

Решения III Уральского областного съезда Советов и Пермского губисполкома способствовали ускорению дальнейшей ликвидации органов местного самоуправления и налаживанию советской работы в крае. 14 марта решением Пермского уездного съезда Советов было ликвидировано Пермское уездное земство¹. В марте же было окончательно ликвидировано и Оханское земство². В апреле 1918 года были распущены Ирбитское³, Шадринское⁴ и Красноуфимское уездные земства⁵.

Не везде, однако, уничтожение земских органов принимало форму их разгона. Так, 25 марта 1918 года состоялось объединенное заседание Мотовилихинского Совета рабочих и солдатских депутатов с Мотовилихинской волостной земской управой. На этом заседании был избран новый орган — Исполнительный комитет Мотовилихинского Совета рабочих и крестьянских депутатов⁶. Такое преобразование было естественным, потому что в пролетарской Мотовилихе волостное земство, как и Совет, давно уже были в руках большевиков.

Процесс ликвидации органов земского самоуправления шел на всей территории губернии — в уездных центрах и волостях. Но в волостях эта работа встречала еще большие трудности. В местах, удаленных от рабочих центров, контрреволюционные элементы запугивали население, агитаторам угрожали расправой. «Приходилось ездить вооруженными отрядами и отбирать оружие и тогда можно было морально убеждать забитую бедноту», — говорил делегат Нижне-Тагильского завода на областном съезде комиссаров управления⁷.

Местные Советы принимали все меры для того, чтобы сохранить народное хозяйство края. Отдел управления Пермского губисполкома обратился ко всем районным и волостным Советам, ко всем не распущенным еще волостным земствам с призывом защитить все культурные ценности, все завоевания революции и предложил принять решительные меры к немедленному взысканию недоимок с земских плательщиков, к беспощадному обложению налогом богатых на все расходы по народному хозяйству (вплоть до применения арестов и конфискации всего имущества) и произвести самообложение всех граждан, «чтобы в критическую минуту не дать погибнуть тому или другому культурному учреждению»⁸. «Прежде чем не использованы все меры к поддержанию школ, лечебниц и фельдшерских пунктов, последние не могут закрываться», — говорилось в обращении Пермского уездного исполкома к учителям и медицинскому персоналу Пермского уезда

¹ ГАПО, ф. 301, оп. 2, д. 11, лл. 38—41.

² ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 36 а, лл. 80, 80 об.

³ ИФ ГАСО, ф. 66, оп. 1, д. 22, лл. 22, 22 об.

⁴ «Известия Пермского губисполкома», № 76, 26 апреля 1918 г., стр. 4.

⁵ Там же, № 63, 11 апреля 1918 г., стр. 3.

⁶ «Известия Пермского губисполкома», № 54, 31 марта 1918 г., стр. 4.

⁷ ГАПО, ф. 359, оп. 1, д. 2, лл. 73—76.

⁸ ГАПО, ф. 301, оп. 1, д. 11, л. 14.

21 марта 1918 года. Исполком предупреждал, что служащие, оставившие работу без разрешения комитета, будут считаться саботажниками и караться судом революционного трибунала¹. Технический аппарат ликвидированных земских и городских самоуправлений оказал существенную помощь в налаживании работы Советов.

Ход работы по ликвидации земств и дальнейшему улучшению деятельности Советов обсуждался 31 марта 1918 года в Перми на совещании представителей губернского и уездных Советов². Это совещание было созвано для подготовки губернского съезда Советов, открытие которого было назначено на 6 апреля. В совещании приняли участие представители всех 12 уездов губернии. На него явились также представители губернского земства и «Союза земских служащих», но не получив права решающего голоса, земские деятели ушли с совещания. Справедливо расценив это как саботаж, совещание предложило губернскому и уездным исполкомам уволить со службы ушедших.

Совещание обсудило доклад председателя отдела управления Губисполкома Даниленко о ходе ликвидации земств и заслушало доклады с мест. В резолюции по докладу совещание отметило, что земское хозяйство стоит на краю развала, что руководители земств выступили против Советской власти и, потеряв доверие масс, не смогли собрать необходимые средства на содержание школ и других культурных учреждений. «Чтобы не дать окончательно погибнуть народному хозяйству губернии,— говорилось в резолюции,— совещание постановило ликвидировать земство, как самостоятельную единицу и все земское хозяйство перевести в Совет и, в [целях] экономии сил, слить все отделы земства с однородными отделами при Советах»³.

Много внимания совещание уделило организации работы местных Советов. Лучшей была признана организация Осинского уездного Совета. «Инструкция» Осинского Совета с описанием структуры Совета и задач, стоящих перед его отделами, была рекомендована совещанием в качестве образцовой. По этой инструкции Совет состоял из президиума и 14 отделов: административно-организационного, финансового, военного, юридического, земельного, продовольственного, промышленного, призрения, хозяйственного, статистического, кооперативного, культурно-просветительного, национального, мануфактуры и ветеринарии. Но, учитывая сложность такой рекомендации, в дополнении к инструкции указывалось: «проводить в жизнь постольку, поскольку позволяет местная жизнь»⁴.

Совещание приняло решение о разделении Пермской губернии на два округа.

¹ ГАПО, ф. 446, оп. 1, д. 11, л. 1 а.

² ГАПО, ф. 301, оп. 2, д. 11, лл. 38—41.

³ ГАПО, ф. 301, оп. 2, д. 11, л. 39.

⁴ ГАПО, ф. 301, оп. 2, д. 11, лл. 38—41.

Решения совещания были подтверждены I Объединенным Пермским губернским съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, открывшимся 7 апреля 1918 года. Хотя преобладание на нем имели левые эсеры и беспартийные, но под давлением трудящихся масс при решении важнейших вопросов съезд встал на большевистские позиции.

Съезд послал приветствие ВЦИК и Совету Народных Комиссаров и одобрил деятельность Пермского губисполкома по укреплению Советской власти¹.

На съезде обсуждался вопрос о ликвидации городских и земских самоуправлений. Съезд признал, что «при существовании диктатуры пролетариата и трудового крестьянства является не только излишним, но даже вредным дальнейшее участие в государственной жизни городских и земских самоуправлений»². Съезд постановил распустить земские собрания и земские управы, земские отделы слить с советскими отделами под руководством комиссара или председателя отдела. Таким же образом был решен вопрос и о городском самоуправлении. Городские думы и городские управы распускались, при городском Совете должен был быть организован отдел городского хозяйства³.

Съезд принял решение об организации и налаживании советской работы на местах, утвердил резолюции, выработанные секциями (на съезде работали 6 секций: организационная, юридическая, военная, народного хозяйства, народного образования, социального обеспечения). Весьма важным был обсуждавшийся на съезде вопрос о разделении Пермской губернии на два округа. Съезд утвердил деление губернии на Пермский и Екатеринбургский округа и поручил Пермскому окружному исполкому совместно с Областным исполнительным комитетом провести это разделение в жизнь.

Решения губернского съезда и указания совещания помогли дальнейшему развитию и укреплению рабочего аппарата Советов. Ликвидация земского и городского самоуправления проводилась на территории всей Пермской губернии и к июню 1918 года была, в основном, закончена. В июне лишь в некоторых волостях Верхотурского уезда существовали еще волостные земские управы⁴.

С ликвидацией земств и городских дум Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Пермской губернии сосредоточили в своих руках все местное управление. Советы проделали громадную работу по ликвидации старого государственного аппарата и созданию нового Советского аппарата. Советы обеспечили охрану народного достояния от посягательств врагов, провели национализацию промышленности, банков, земли, решали вопросы

---

¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 93, д. 445, л. 62; «Известия Пермского губисполкома», № 63, 11 апреля 1918 г., стр. 3.

² «Известия Пермского губисполкома», № 74, 24 апреля 1918 г., стр. 3.

³ Там же.

⁴ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 36 а, лл. 80, 80 об.

снабжения и финансирования предприятий, обеспечения населения продовольствием, вопросы труда. Советы устанавливали новые границы между волостями и уездами, создавая наилучшие условия для развития хозяйства этих районов. Большое внимание Советы уделяли культурному строительству.

Самоотверженная работа большевиков в Советах приносила свои плоды. Трудящиеся массы на собственном опыте убеждались в правильности политики большевистской партии и на пере выборах Советов отдавали ей свои голоса.

Фракционный состав уездных исполкомов Пермской губернии резко изменился в пользу коммунистов. В июне 1918 года во всех 6 уездных исполкомах Пермской губернии большинство принадлежало коммунистам и председателями исполкомов были коммунисты¹.

Советская власть побеждала и развивалась в обстановке отчаянного и все более растущего сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и их прислужников.

Ряд контрреволюционных выступлений в Пермской губернии в начале 1918 года был организован партией правых социалистов-революционеров, открыто выступивших против Советской власти. В январе 1918 года правые эсеры попытались вызвать вооруженные выступления в губернии против Советской власти в защиту Учредительного собрания². В марте был ликвидирован контрреволюционный мятеж правых эсеров в Кизеловском заводе³. Большую роль в организации контрреволюционных выступлений играло духовенство Пермской губернии. Открытую и тайную борьбу против Советской власти вело кулачество.

В таких условиях одной из самых важных задач партии большевиков было создание надежной вооруженной силы, карательных и судебных органов для защиты и упрочения нового строя.

В период проведения Великой Октябрьской социалистической революции отряды Красной гвардии были той реальной силой Советов, которая позволила им уверенно и твердо брать власть в свои руки. Большую работу по формированию Красной гвардии провели большевики Пермской губернии. Только в губернском центре, городе Перми, к началу декабря 1917 года в красногвардейских отрядах состояло около полутора тысяч человек⁴. Сильные отряды Красной гвардии были и в других городах и промышленных центрах губернии.

Однако в первое время после Октябрьской революции во многих местах губернии продолжала существовать милиция, ос-

¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 283 б. лл. 17—22.

² «Известия Пермского губисполкома», № 13, 24 января 1918 года, стр. 1—2.

³ ГАПО, ф. 19 сч. оп. 1, д. 2, л. 49.

⁴ Черемных В. Г. Первая Пермская окружная конференция РСДРП (б) и вопрос о Красной гвардии.—В кн. «1917 год на Урале». Сб. статей. Пермь, 1957, стр. 187.

тавшаяся от Временного правительства. Естественно, эта милиция не могла выполнять задачи, ставившиеся Советской властью. Тем более, что под предлогом защиты населения от уголовных элементов, под флагом этой милиции, дружин самообороны и тому подобных отрядов собирались контрреволюционеры. Стали создаваться отряды «белой» гвардии, как это имело место в Соликамске, Чердыни и других городах с преобладанием буржуазного и мелкобуржуазного населения.

Все это вызывало необходимость ликвидации милиции Временного правительства. В Пермской губернии такая ликвидация проходила повсеместно. В помещениях милиции производили обыски, изымали оружие¹. В конце января 1918 года Пермский городской Совет занял помещения Пермской городской милиции и бюро уголовного розыска². В январе-феврале старая милиция была ликвидирована в Осинском, Оханском, Красноуфимском, Усольском, Камышловском и других уездах. По решению I Осинского уездного съезда Советов 31 января 1918 года вместо милиции был организован Комиссариат по охране порядка при уездном Совете. В волостях должны были создаваться отделы волостных Советов по охране порядка; там же, где имелись народные крестьянские дружины, обязанности милиции поручались тем членам дружины, которые могли вести переписку и производить дознание³.

Процесс, происходивший на местах, был закреплён на III Областном съезде Советов Урала. 29 января 1918 года съезд принял решение о ликвидации постоянной милиции. Все обязанности по охране революционного порядка, по обеспечению безопасности граждан, приведению в исполнение постановлений Советов, установлений судов и т. д. возлагались на административные отделы Советов, реальной силой которых должны были стать отряды Красной гвардии⁴.

Процесс реорганизации милиции продолжался длительное время. В большинстве случаев обязанности милиции возлагались на отряды Красной гвардии, боевые дружины (Камышловский уезд), Советские дружины (Шадринский уезд), Советскую охрану (Алапаевский завод) и тому подобные формирования. Организация таких отрядов происходила по инициативе и при самой активной поддержке трудящихся масс. Об этом говорят многочисленные резолюции с мест. Таково, например, решение солдат и бедноты с. Большая Уса Осинского уезда 7 марта 1918 года просить Осинский Совет об отпуске оружия «для защиты здесь, на месте, Совет-

---

¹ ГАПО, ф. 59, оп. 1, д. 12, л. 26.

² ГАПО, ф. 35 сч, оп. 1, д. 5, л. 106.

³ «Материалы Второго съезда Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Осинского уезда, состоявшегося 19—27 апреля 1918 г. в г. Осе» Оса, 1918 г., стр. 92.

⁴ Сб. «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции». Свердловск, 1957, стр. 285—286.

ской власти, которую обязуемся и согласны защищать, несмотря на все препятствия, до смерти»¹.

На отряды Красной гвардии, боевые дружины, являвшиеся вооруженной опорой Советов, возлагались борьба с контрреволюционными выступлениями, саботажем и спекуляцией, обеспечение порядка, охрана общественной собственности, первоначальное дознание по преступлениям, помощь судебным органам в проведении следствия, выдача повесток в суд, охрана арестованных, выдача удостоверений личности и различных справок гражданам и другие обязанности. Многообразие и сложность этих обязанностей требовали их разграничения. Поэтому Советы настойчиво искали наилучшие формы организации административных органов. Как пример таких поисков можно привести решение 1 Оханского уездного съезда Советов, который 28 марта 1918 года признал необходимым отделу управления исполкома помимо «вооруженной рабоче-крестьянской Красной гвардии» иметь «Советскую милицию от 2 до 5 человек для ведения чисто гражданских дел, как-то: составления протоколов, вызова граждан в Совет и т. п.»². Было принято также решение разоружить волостные дружины и создать при подрайонных штабах Красной гвардии «постоянные летучие отряды для защиты Советской власти»³.

Постановление о реорганизации милиции было принято 11 марта 1918 года исполкомом Усольского уездного Совета. Но уже 24 апреля Усольский исполком решил милицию упразднить, следственные функции возложить на следственных судей и волостные следственные комиссии при волостных Советах, а охрану порядка — на членов Рабоче-Крестьянской Красной Армии⁴.

Это было сделано во исполнение решений I Объединенного Пермского губернского съезда Советов. В постановлении съезда от 8 апреля 1918 года «О резерве Красной Армии» предлагалось упразднить волостную и участковую милицию. Ее обязанности должны были выполнять выборные из волостной резервной дружины красноармейцы. Ведение дознаний, составление протоколов поручалось военному отделу Совета в составе начальника дружины, его помощника и членов, в зависимости от местных условий⁵.

Подобная организация охраны общественного порядка не могла обеспечить выполнения всех задач, выдвигаемых жизнью. Вопрос о создании постоянной милиции оставался злободневным.

В июле 1918 года I Всероссийский съезд председателей губсовдепов принял решение о немедленной организации рабоче-крестьянской милиции. В конце сентября 1918 года было создано Пермское губернское управление рабоче-крестьянской милиции, которое ор-

---

¹ ГАПО, ф. 358, оп. 1, д. 289, л. 11.

² ГАПО, ф. 301, оп. 1, д. 20, лл. 1—19.

³ Там же.

⁴ Березниковский краеведческий музей. Отдел фондов, дело протоколов.

⁵ «Известия Пермского губисполкома», № 74, 24 апреля 1918 г., стр. 3—4.

ганизовало и объединило работу уездных управлений Советской милиции¹.

Упорядочению работы органов милиции способствовало создание чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, народных судов, следственных органов.

Пермская губернская Чрезвычайная комиссия была создана 15 марта 1918 года². Она активно боролась с контрреволюционными выступлениями буржуазии, меньшевиков и правых эсеров, раскрывала и ликвидировала ряд антисоветских организаций, контрреволюционных заговоров.

Большое значение для упрочения Советской власти на местах имела организация судебных органов. Декретом СНК о суде от 24 ноября 1917 года упразднялась старая система судебных органов. Судьи должны были выбираться временно местными Советами, до назначения прямых выборов. Для борьбы с контрреволюционными силами, мародерством, хищничеством и саботажем учреждались рабочие и крестьянские революционные трибуналы. Ликвидация старых судов поручалась особым комиссарам, избираемым Советами.

Декрет о суде проводился в жизнь по мере установления Советской власти в Пермской губернии. В уездах губернии вместе с комиссариатами Временного правительства ликвидировались и судебные органы. Так, 28 января 1918 года при взятии власти Советом в Оханском уезде был ликвидирован институт мировых судей³.

Там, где Советы не могли сразу реорганизовать судебные учреждения, они брали их под свой контроль, сами производили аресты и освобождения лиц, вмешивались в деятельность судебных следователей. В Кунгурском и Красноуфимском уездах у некоторых судебных следователей были отобраны дела и им было предложено прекратить свою деятельность⁴.

19 января 1918 года, после прекращения финансирования окончил свою деятельность Пермский окружной суд со всеми подведомственными ему учреждениями (административными судьями, судебными следователями, нотариатом, прокурорским надзором)⁵.

Взамен ликвидируемых судебных органов на местах создавались революционные трибуналы. Уже в декабре 1917 года газета «Пролетарское знамя» сообщала о выборах революционного трибунала в Лысьвенской волости Пермского уезда⁶.

В январе-феврале 1918 года революционные трибуналы были организованы во многих волостях Осинского, Оханского, Пермского уездов. Народный трибунал действовал на Чусовском заводе Пермского уезда⁷.

¹ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 596, лл. 26, 27

² СПА. Ф. 41, оп. 1, д. 670. л. 14.

³ ЦГАОР, ф. Я93, оп. 3, д. 36 а. лл. 80, 80 об.

⁴ ГАПО, ф. 100, оп. 1, д. 1, л. 5.

⁵ Там же.

⁶ «Пролетарское знамя», № 29, 6 декабря 1917 г., стр. 4.

⁷ ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 32 а, л. 37.

В основу работы Советов по организации судебных органов на местах были положены решения III Уральского областного съезда Советов. В своей резолюции от 29 января 1918 года «О судебных установлениях» съезд разъяснял порядок создания местных судов, революционных трибуналов и следственных комиссий¹.

Уже 16 марта 1918 года в циркуляре Пермского губисполкома отмечалось, что «в Пермской губернии идет успешная организация революционных трибуналов, следственных комиссий и народных судов»².

Процесс образования советских судебных органов, упорядочение их деятельности продолжались и в последующие месяцы. В апреле 1918 года революционные трибуналы и следственные комиссии были организованы в Усольском, Кунгурском и Ирбитском уездах³. В Кунгурском уезде к этому времени действовали камеры народных судей и съезд местных народных судей.

Повсеместная организация народных судов, революционных трибуналов и следственных комиссий отмечалась в докладах с мест на областном съезде комиссаров управления Урала 10—11 мая 1918 года⁴.

Отряды Красной гвардии, милиции, судебные органы, принимая на себя всю тяжесть борьбы с контрреволюцией, помогали устоять и укрепнуть молодой Советской власти.

В тесной связи со строительством государственного аппарата находилось и культурное строительство.

С самого начала своего существования одной из важнейших задач, несмотря на все трудности, Советская власть считала задачу поднятия культурного уровня населения. Необходимо было ликвидировать старые органы в области просвещения и создать новый советский аппарат, способный приобщить миллионные массы трудящихся к грамотности и культуре.

Советское государство не могло опираться ни на аппарат Министерства народного просвещения, ни на созданный при Временном правительстве Государственный комитет по народному образованию. 9 ноября 1917 года ВЦИК утвердил декрет об учреждении Государственной комиссии по просвещению. Народным комиссаром по просвещению, возглавившим Государственную комиссию, был назначен А. В. Луначарский⁵.

В первой же своей беседе с наркомом просвещения В. И. Ленин указал на необходимость подчинения всей деятельности Наркомпроса интересам просвещения широких масс народа⁶.

---

¹ Сб. «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции», Свердловск, 1957, стр. 286—288.

² НТФ ГАСО, ф. 9, оп. 1, д. 2, л. 18.

³ «Известия Пермского губисполкома», № 71, 20 апреля 1918 г., стр. 3; ИФГАСО, ф. 53 р, оп. 1, д. 3, л. 64.

⁴ ГАПО, ф. 359, оп. 1, д. 2, лл. 73—81.

⁵ «Декреты Советской власти». Т. 1, М., 1957, стр. 59—62.

⁶ И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. М., 1960, стр. 200.

Задачи, поставленные В. И. Лениным, успешно выполнялись Наркомпросом в ходе его работы. В январе 1918 года в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства» были опубликованы постановления Наркомпроса о ликвидации старого аппарата органов просвещения на местах. Были ликвидированы должности попечителей учебных округов, главных и окружных инспекторов, директоров и инспекторов народных училищ и других чиновников учебных заведений.

Огромное значение для развития культуры в стране имело отделение церкви от государства, декрет об этом был опубликован 21 января 1918 года. Еще ранее, 11 декабря 1917 года, постановлением Наркомпроса, подписанным В. И. Лениным, все учебные заведения духовного ведомства (церковно-приходские школы, учительские семинарии, женские епархиальные училища и др.) были переданы Комиссариату народного просвещения¹. С 1 января 1918 года во всех учебных заведениях были упразднены должности законоучителей². Все эти мероприятия закрепляли отделение школы от церкви.

Состояние и задачи в области просвещения обсуждались на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года. В выступлении А. В. Луначарского на съезде был дан план коренной реформы школы и всего дела народного образования.

Перестройка школы, проведенная Советской властью, заключалась в уничтожении устаревших методов и устоев дореволюционной школы, в ликвидации методов муштры, зубрежки, неравенства среди учащихся. Постановление народного комиссара по просвещению «О реформе средней школы», опубликованное 30 ноября 1917 года, устанавливало демократический порядок управления школами³. Работой школ должны были руководить педагогические советы, в которые входили учителя, представители от родителей, учащихся старших классов и представители местных Советов.

После того, как был накоплен и обобщен опыт работы школ в новых условиях, Совет Народных Комиссаров 18 июня 1918 года утвердил «Положение об организации дела народного образования в Российской Советской Социалистической Республике»⁴. По этому положению общее руководство народным образованием возлагалось на Государственную комиссию по просвещению. Для управления ею создавалась коллегия под руководством народного комиссара. На местах при Советах должны были создаваться губернские, уездные и волостные отделы народного образования. При них должны были существовать советы по народному образованию из педагогов, учащихся и представителей общественности.

Таким образом, законом были закреплены подчинение органов народного образования Советской власти, связь с партийными организациями и трудящимися массами.

¹ «Декреты Советской власти». Т. 1, М., 1957, стр. 210—211.

² И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. М., 1960, стр. 60.

³ Там же, стр. 213.

⁴ Там же, стр. 214.

Необходимость организации культурно-просветительной работы, перестройки дела народного образования хорошо понималась и пермскими большевиками. Уже на Пермском губернском съезде, провозгласившем Советскую власть в губернии, 17 декабря 1917 года помимо административной, промышленно-экономической и продовольственной секций была создана культурно-просветительная секция. И, хотя по составу она была небольшой (в секцию записалось 5 делегатов), сам факт организации секции и принятия съездом ее резолюции подчеркивает большое значение, признанное съездом за этим вопросом¹.

В резолюции предлагалось создать при губернском исполнительном комитете особый культурно-просветительный отдел, который был бы центральным учреждением, объединяющим и ведающим «всеми рабоче-крестьянскими культурно-просветительными организациями в губернии». Резолюция определяла задачи отдела, которому предлагалось вести пропаганду «пролетарских педагогических идей устно и печатно, путем устройства лекций и курсов, издания примерных программ рабочих клубов, вечерних школ, справочников, учебных пособий, издания педагогической и другой литературы»².

Отделу поручалось создание и поддержка культурно-просветительных организаций для рабочих и крестьян, для чего предлагалось организовать посылку на места книг, газет и инструкторов, а также проводить созыв съездов этих культурно-просветительных организаций. Особое внимание предлагалось обратить на создание кинематографов и театров «как популяризаторов знаний и источников средств» и таким путем вести борьбу с частными зрелищными предприятиями³.

Не поднимая пока вопроса о реформе школы, съезд предлагал культпросветотделу быть «посредником между школой и общественными организациями в случае возникновения между ними конфликтов»⁴.

Большое внимание культурному строительству уделяли и большевистские партийные организации. 13 января 1918 года вопрос о пролетарском культурном строительстве обсуждался на общегородском собрании Пермской организации большевиков⁵. Доклад на собрании делала работница народного образования коммунистка Ткаль. По этому докладу в основу организации учреждений культуры предлагалось положить принцип демократического централизма. Небольшие кружки должны были объединяться в рабочие клубы. Характер кружков мог быть самым разнообразным (кружок желающих научиться читать, кружок любителей природы,

---

¹ «Пролетарское знамя», № 43, 23 декабря 1917 г., стр. 3—4; «Известия Пермского губисполкома», № 11, 21 января 1918 г., стр. 3.

² «Известия Пермского губисполкома», № 1, 6 января 1918 г., стр. 3.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, № 11, 21 января 1918 г., стр. 3.

кружок любителей сценического искусства, кружок приобретения знаний по культуре овощей, кружок подготовки к общественной деятельности и др.). Центром кружков являлось управление клуба, которое имело бы представительство в следующей автономной единице.

Собрание поручило Пермскому комитету РСДРП (б) созвать конференцию всех культурно-просветительных организаций Перми для выработки устава рабочих клубов, подыскать помещения и «хотя бы небольшое количество культурно-просветительных работников»¹.

Идея об организации рабочих клубов со временем была проведена в жизнь. К лету 1918 года Пермский городской исполком разделил город на 7 районов. В каждом районе предполагалось открыть библиотеку, детские площадки и рабочие клубы с читальным залом.

2 июня 1918 года во всех районах города состоялись организационные собрания рабочих районных клубов (в Балашовском районе — в Народном доме, в Заимском районе — в Народном клубе, в Городском центральном районе — в бывшем Общественном собрании, Слободском районе — в училище слепых, в Разгуляйском районе — в Стефановском училище, в Горкинском районе — в школе, Гарюшкинском и Данилихинском — в доме Лаптева)².

Организация культурно-просветительной работы обсуждалась также на 2-й конференции городских районов Пермской организации РСДРП (б) 16—17 февраля 1918 года.

Конференция признала необходимым для получения средств на культурно-просветительную работу провести займы для организации книжных складов, издательства и типографии, путем выпуска облигаций. Использовать доходы с партийных клубов, столовых и общежитий, доходы с гуляний, концертов, вечеров, лекций и др.³

Вопросы народного образования обсуждались на III Уральском областном съезде Советов. В резолюции съезда указывалось, что существовавшая до сих пор буржуазная школа ни в коем случае не может удовлетворять интересы рабочих и беднейших крестьян. Поэтому необходимо немедленно приступить к организации классовых общих и политических школ от низших до высших. Эти школы должны носить пролетарский классовый характер, широко развивать общественно-производительный труд, давать бесплатное и обязательное обучение всем детям до 16 лет.

Управление школами поручалось культурно-просветительным комиссиям местных Советов с представительством в 2/3 от рабочих и крестьянских организаций и 1/3 от учащихся, преподавателей и родителей.

¹ «Известия Пермского губисполкома», № 11, 21 января 1918 г., стр. 3.

² «Известия Пермского губисполкома», № 102, 2 июня 1918 г. стр. 3.

³ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 520, л. 1—11.

Съезд постановил «немедленно принять меры к организации школы и курсов для учителей новых рабоче-крестьянских школ»¹.

Обсуждение вопросов культурного строительства на губернском и областном съездах Советов, руководимых большевиками, показывают, какое огромное значение придавала партия большевиков развитию народного просвещения.

Работу по созданию органов народного образования и руководству культурным строительством возглавил Пермский губисполком, в состав которого входил культурно-просветительный отдел, позднее, в апреле 1918 года, переименованный в отдел народного просвещения².

В качестве инструкции по созданию органов народного образования на местах отдел народного просвещения Пермского губисполкома опубликовал инструкцию, принятую культурно-просветительной секцией III Всероссийского съезда Советов, «О порядке заведывания учебными заведениями на местах»³.

Эта инструкция предусматривала создание при местных Советах особых волостных, уездных, губернских, областных и городских советов по народному образованию. На эти советы возлагалось заведывание всеми низшими и средними учебными заведениями, народными университетами, выставками, театрами, гуляньями, библиотеками, учреждениями дошкольного воспитания. Сами советы в политическом отношении подлежали контролю местных Советов, в педагогическом и бюджетном отношении — своему высшему совету по народному образованию⁴.

Еще раньше отделом народного просвещения Пермского губисполкома было принято постановление о ликвидации безграмотности среди рабочей и крестьянской молодежи. В нем отмечалось, что неграмотные юноши и девушки до 18 лет обязаны посещать школы грамоты и получить свидетельство об их окончании. За исполнением этого обязательства должны следить заводские комитеты, профсоюзы, юношеские организации, земельные комитеты, крестьянские Советы, а хозяева ремесленных и промышленных заведений, фабриканты, заводчики обязаны в течение трех месяцев ежедневно на 2 часа занятий отпускать подростков обоего пола в школы грамоты. Организация таких школ возлагалась на культурно-просветительные комиссии Советов.

Интересна программа школ грамоты. Учащихся предполагалось научить уменью бегло и сознательно читать, толково излагать свои мысли, знанию 4-х правил арифметики. Предполагалось познако-

---

¹ Сб. «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции». Свердловск, 1957, стр. 370.

² «Известия Пермского губисполкома», № 23, 19 февраля 1918 г., стр. 5; ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 283 б, лл. 17—22.

³ «Декреты и постановления по народному просвещению, изданные по 1 апреля 1918 г.» Пермь, 1918 г., стр. 37—39.

⁴ Там же, стр. 28—29.

мить учащихся с планом и географической картой, частями света, главными государствами, а также с государственным строем России и других стран. Познакомить со строением человеческого тела и первыми правилами гигиены.

В губернии широко проводился в жизнь декрет СНК об отделении церкви от государства и школы. 26 февраля 1918 года циркуляром отдела народного просвещения Пермского губисполкома всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, председателям педагогических советов низших и средних учебных заведений предлагалось принять меры к тому, чтобы преподавание религии было прекращено¹.

Трудящиеся губернии всемерно поддерживали этот декрет. Показательна в этом смысле резолюция собрания рабочих солеваренного цеха Березниковского содового завода, состоявшегося 11 апреля 1918 года. Рабочие постановили: «Приветствовать Усольский уездный исполнительный комитет за его начинания в проведении декрета о свободе совести и отделении церкви от государства»².

Результаты работы органов народного образования, перспективы дальнейшего развития культурного строительства обсуждались на уездных и губернском съездах Советов Пермской губернии. По материалам этих съездов можно судить о состоянии народного образования в крае.

Общим требованием этого периода было стремление к открытию в уездах высших и низших начальных училищ.

Так, в докладе Пермского уездного отдела народного образования Пермскому уездному съезду, состоявшемуся 14—16 марта 1918 года, отмечалось, что заявления об открытии училищ поступили из различных селений уезда. Идя навстречу требованиям, Пермский уездный исполнительный комитет наметил открыть в 1918 году 50 низших начальных училищ и 4 высших начальных училища в Архангело-Пашийском заводе, Верхне-Чусовских городках, Юговском и Юго-Камском заводах³. В докладе отмечалось, что население этих заводов уже в течение нескольких лет хлопотало об открытии училищ.

На съезде говорилось о необходимости расширения программ занятий со взрослыми, предлагалось кроме обычного курса ввести беседы и лекции по научным и специальным предметам. На занятия со взрослыми выделялись ассигнования в сумме 55.500 рублей.

Специальные ассигнования были выделены на расширение одного из популярных видов внешкольного образования — народных чтений с волшебным фонарем. Предусматривалось увеличение количества лекций научного и специального характера, пополнение изобразительного материала⁴.

---

¹ «Известия Пермского губисполкома», № 29, 26 февраля 1918 г., стр. 4.

² Газ. «Известия Усольского уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов», № 22, 23 апреля 1918 г., стр. 4.

³ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 594, лл. 16—18.

⁴ Там же.

Оханский уездный съезд Советов, состоявшийся 28 марта 1918 года, заслушал доклад культурно-просветительного отдела и обсудил ход школьного строительства. Съезд принял решения: закончить постройку 50 школьных зданий, изыскав средства с помощью населения; открыть средние учебные заведения в с. Сиве и Очерском заводе; ввести обязательное школьное обучение с осени 1918 года везде, где есть школы, и обязательное вечернее обучение взрослых до 18 лет¹.

О выполнении этих решений можно судить по материалам позднейшего IV съезда Советов Оханского уезда, открывшегося 15 октября 1918 года. В докладах с мест указывалось, что в некоторых волостях уезда уже проводится в жизнь обязательное всеобщее обучение детей в школах².

Большая работа по культурному строительству велась Осинским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В отчете культурно-просветительного отдела II съезду Советов Осинского уезда (19—27 апреля 1918 года) отмечалось, что культурно-просветительный отдел состоит из двух секций: школьной и просветительной, которая ведает внешкольным образованием, а также освещались задачи, стоящие перед этими секциями³.

Съезд принял инструкции об организации школьных советов и волостных уездных советов по народному образованию и назначил проведение выборов учителей к 15 мая 1918 года. В резолюции по внешкольному образованию съезд одобрил «метод проведения в жизнь просветительных мероприятий, опирающийся на принципы широкой самодеятельности масс», признал «неотложной и главной просветительной задачей момента» немедленную организацию сети народных домов и утвердил смету на их организацию в сумме 45.000 рублей⁴. Всего же на народное образование съездом выделено 1.987.403 рубля из общего бюджета уезда 3.302.175 руб.⁵

Важное значение для перестройки дела народного образования в Пермской губернии имели решения Первого объединенного Пермского губернского съезда Советов, проходившего в Перми 6—15 апреля 1918 года.

14 апреля на вечернем заседании съезда был заслушан доклад секции по народному образованию. Съезд утвердил положение о местных советах народного образования, положение о школьном совете и инструкцию о перевыборах педагогического персонала. Были утверждены также ассигнования на дело народного образования. Съезд принял резолюции по вопросам профессионального,

¹ ГАПО, ф. 301, оп. I, д. 20, лл. 1—19.

² «Известия Пермского губисполкома», № 211, 24 октября 1918 г.

³ «Материалы Второго съезда Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Осинского уезда». Оса, 1918, стр. 76—78.

⁴ Там же, 1918, стр. 46—59.

⁵ Там же, стр. 46.

внешкольного, дошкольного, школьного образования и физического воспитания¹.

Съезд призвал местные волостные, заводские и уездные Советы позаботиться о материальном обеспечении школ и учителей и выразил уверенность, что учителя приложат все силы для перестройки школьного образования в интересах трудящихся масс.

Выполнение решений о перестройке школы и осуществление советских принципов образования и воспитания могло быть успешным лишь в том случае, если учительская масса активно включится в строительство нового общества.

В Пермской губернии так же, как и в других местах страны, учительство, опутанное старыми буржуазными взглядами на школу, не сразу освободилось от этого груза. Реакционно настроенные учителя приняли участие в забастовке служащих государственных учреждений, начавшейся после победы Советской власти в губернском центре, саботировали распоряжения Советской власти.

Большую помощь Советской власти в борьбе за учительство оказал организовавшийся в ноябре 1917 года союз учителей-интернационалистов.)

Выступление В. И. Ленина на съезде учителей-интернационалистов (июнь 1918 г.) сыграло большую роль в ускорении объединения учительской массы вокруг Советов. По всей стране прошли собрания, конференции и съезды учителей, призвавшие учительство к активному сотрудничеству с Советской властью, с народом.

Такой съезд - съезд комиссаров народного просвещения Пермской губернии, учителей-интернационалистов и учителей, стоящих на советской платформе, состоялся и в Перми в июле 1918 года². На этом съезде были подведены итоги работы по перестройке школы, намечены дальнейшие пути развития народного образования.

Съезд послал приветственную телеграмму Ленину, Луначарскому, Крупской и избрал их своими почетными председателями.

В отчетном докладе Пермского губернского отдела народного просвещения и в докладах с мест была дана характеристика положения народного образования в губернии. Выступавшие отмечали трудные условия работы органов народного образования из-за отсутствия учительских кадров и саботажа старых педагогов. Случаи сопротивления новым порядкам со стороны реакционно настроенных групп родителей, учителей и учащихся отмечались по городу Перми, Верхотурскому, Оханскому и Кунгурскому уездам.

Однако, всюду эти трудности преодолевались, и на съезде сообщалось о первых достижениях в области просвещения. Работа по перестройке школы велась в Верхотурском уезде. Состоялись переборы педагогов. В Нижнем Тагиле одна четверть старого состава была забаллотирована. В 6 волостях уезда организованы детские площадки.

¹ «Известия Пермского губисполкома», № 83, 9 мая 1918 г., стр. 3,

² «Съезд комиссаров народного просвещения Пермской губ., учителей-интернационалистов и учителей, стоящих на советской платформе». Пермь, 1918 г., стр. 1—24. В дальнейшем цитируется без ссылки на источник.

В Усольском уезде прекратили преподавание закона божьего, произвели перевыборы учителей, организовали в 9 пунктах лекции-курсы на тему «Религия и наука», приступили к изданию научно-популярной литературы и журнала «Народное просвещение». Трудовой повинности для учителей не было введено, за исключением Кизеловского района. Учителя сами пошли навстречу мероприятиям Советской власти.

Докладчик от Кунгурского уезда сообщил, что дело народного образования было получено отделом в печальном состоянии, но энергичная работа коллегии позволила добиться значительных успехов. Учительство было привлечено к трудовой повинности. Образовано 5 групп учителей, которые работали под контролем комиссариата. Организованы детские площадки, кружки молодежи, школы для взрослых, народные дома-клубы.

Специальный доклад на съезде был сделан об организации в Перми Дома народного просвещения. Учредителями этого дома стали 70 пролетарских организаций (партийные организации, клубы, союзы и цехи Мотовилихинского завода, Совет Балашовского завода и др.). Дом народного просвещения поставил своей задачей создание народного университета, народного политехникума и школы народного искусства. В основу всех отделов университета был положен отдел общеобразовательный. Для поступления в университет не требовалось никакого ценза.

В резолюции по докладу съезд одобрил сам почин организации Дома народного просвещения и структуру его.

На съезде были обсуждены доклады секций о введении всеобщей грамотности, о реформе школы, о дошкольном воспитании, о внешкольном образовании, о мусульманской школе.

Была принята трехступенная организация школы, соответственно школьным возрастам. Первые две ступени должны были давать общую подготовку, а третья — специальную. По вопросу о введении всеобщей грамотности съезд постановил повсеместно в Пермской губернии до осени 1919 года открыть школы первой ступени. После создания трехступенной школы считать обязательными для всех граждан две ступени.

Серьезное внимание было обращено съездом на просвещение мусульманского населения. Съезд предложил организовать подотделы по народному образованию мусульман, открыть в Перми татарскую учительскую семинарию и педагогические курсы, уравнивать в содержании учителей мусульманских и русских школ.

Важнейшее место в постановлениях съезда было уделено вопросу о политическом воспитании масс. Съезд указал, что «политическое воспитание должно быть положено в основу всей внешкольной работы отделов народного просвещения. Оно должно занимать главнейшее место в циклах лекций и бесед на курсах как политических, так и общеобразовательных; ему должна быть посвящена большая часть деятельности Народных домов, рабочих и крестьянских клубов, библиотек и книжных складов».

Решения съезда послужили программой дальнейшей работы органов народного образования, способствовали организации учительства, объединению его вокруг Советской власти.

Тяжелое экономическое положение Пермской губернии, осложняемое борьбой с контрреволюционными мятежами, создало крайне неблагоприятные условия для культурного строительства. Но и в этих условиях самоотверженная работа большевиков, советской интеллигенции, героические усилия самих трудящихся, получивших доступ к знаниям, приносили свои плоды. Несмотря на все трудности, в Пермской губернии в 1918 году работало 1739 школ I степени, в которых обучалось 110.581 учащийся и 80 школ II степени с 8506 учащимися, действовало 1545 библиотек, 644 избы-читальни¹.

Большое значение для политического воспитания и просвещения трудящихся имела деятельность Дома народного просвещения в Перми, народных университетов в Екатеринбурге, в Кунгуре и Нижнем Тагиле, повсеместное открытие рабочих клубов, национализация кинематографов.

Таким образом, в первой половине 1918 года, в период победы и упрочения Советской власти, трудящимися Пермской губернии под руководством большевиков была проделана огромная работа по ликвидации старого и строительству нового советского государственного аппарата.

Отличительной чертой этого периода являлось чрезвычайное разнообразие форм организации местных Советов и их органов, свидетельствующее о пробуждении инициативы народных масс, о творческом самостоятельном подходе их к конструированию своей власти.

В процессе этой работы трудящиеся на собственном опыте убеждались в правильности политики большевистской партии. В результате этого состав Советов Пермской губернии резко изменился в пользу коммунистов.

Создание советского государственного аппарата находилось в тесной связи с хозяйственным и культурным строительством. Уже в первый период существования Советской власти, несмотря на тяжелое экономическое и политическое положение края, в Пермской губернии были осуществлены важнейшие культурные преобразования. Были созданы органы народного образования, проводилась большая работа по поднятию политического и общеобразовательного уровня трудящихся, началась перестройка школы, велась борьба за создание кадров советской интеллигенции.

---

¹ «Протокол заседаний 5-го съезда Советов Пермской губернии». (Пермь, 1920), стр. 5.

В. Г. Черемных.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

(1926—1929 годы)

К концу 1925 года героический советский народ под руководством Коммунистической партии достиг значительных успехов в строительстве социализма. Восстановление народного хозяйства приближалось к концу. Валовая продукция крупной промышленности СССР в 1925 году составила 75% довоенного уровня производства. Наибольшие достижения имелись в восстановлении и развитии электроэнергетики, машиностроения, хлопчатобумажной промышленности¹. Медленней, чем другие отрасли тяжелой индустрии, восстанавливалась черная металлургия, которая подверглась в годы империалистической и гражданской войн наибольшим разрушениям².

Крупные достижения были достигнуты уральской промышленностью. Ее продукция в 1925—1926 году составила 93,1% довоенного уровня. Значительно превосходили довоенные размеры производства каменноугольная (130,8%), химическая (117,5%), текстильная (106%); приближались к довоенным размерам бумажная (91,1%), металлургическая (90,8%)³; отставали в своем развитии горная (64,8%) и деревообрабатывающая (16,7%)⁴.

Но доведение выпуска промышленной продукции в целом по стране до довоенного уровня — уровня царской России — не могло удовлетворить советских людей, так как этот уровень был уровнем отсталой, аграрной страны. В 1913 году в России на душу населения приходилось промышленной продукции в 21 раз меньше,

¹ Экономика социалистической промышленности. М., 1957, стр. 29

² КПСС в резолюциях..., ч. II. 1953, стр. 141.

³ ГАПО, ф. 122, ст. 1, д. 1894, л. 13.

⁴ Профсоюзы Урала в 1926—1928 годах. Свердловск, 1928, стр. 7; Политическое и хозяйственное состояние области и работа парторганизации Урала. Свердловск, 1925, стр. 32.

чем в США, в 13 раз меньше, чем в Германии, в 14 раз меньше, чем в Англии, в 7,7 раза меньше, чем во Франции¹.

Восстановленная и доведенная, в основном, до довоенных размеров промышленность Урала, как и в целом по Советскому Союзу, была отсталой, маломощной и в техническом отношении слабо вооруженной. Она далеко не соответствовала возросшим потребностям экономики Урала и исключительно богатым его природным возможностям. «Ни один другой район в Союзе,— отмечается в материалах VIII Уральской областной партийной конференции,— не получил в наследство от старой России столь технически несовершенной и хозяйственно нерациональной организации промышленности, как уральская промышленность; ни в каком другом районе проблема роста хозяйства не связана в такой степени, как на Урале, с проблемой решительной ломки прежнего хозяйственного уклада и коренной перестройки его производственно-технической основы»².

Перед Уралом, как и перед всей страной, в связи с окончанием восстановительного периода встали задачи быстрого развития всей промышленности вообще и, прежде всего, тяжелой индустрии — металлургии, машиностроения, топливной и энергетической промышленности, транспорта.

Эти задачи выдвинул XIV съезд партии, вошедший в историю как съезд индустриализации. Он проходил в декабре 1925 года. Указав на необходимость ускорения темпов движения к социализму, съезд дал установку проводить в жизнь ленинский план индустриализации страны. В его решениях выражен ленинский курс партии на быстрое развитие тяжелой индустрии, крупной машинной социалистической промышленности, способной вооружить фабрики, заводы, сельское хозяйство новейшей техникой и переделать крестьянское хозяйство на социалистический лад. Превратить нашу страну из аграрной, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование, в страну индустриальную, представляющую собой самостоятельную экономическую единицу, не зависящую от капиталистического окружения,— вот в чем заключалась суть, основа генеральной линии Коммунистической партии.

В индустриализации страны партия отводила видное место Уральскому промышленному району.

«Уральская область,— говорил на VIII областной партийной конференции тов. Куйбышев,— должна развиваться со значительно большим темпом, чем это было до сих пор, и значительно большим темпом, чем это было в довоенное время по отношению к другим районам. Мы должны поставить перед собой творческую задачу увеличения удельного веса Урала во всей экономике нашей страны. Это тем более необходимо, что не использованы ко-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., том XVIII, стр. 559.

² Перспективы развития хозяйства Урала, Свердловск, 1927, стр. 1.

лоссалнейшие богатства Урала, что мы здесь имеем такое сочетание, которое встречается редко в мире, что если действительно будет разрешена коксовая проблема Урала, то разрешатся тем самым все вопросы и отпадут все последние сомнения и тогда Урал становится наиболее благоприятным местом для развития тяжелой индустрии, в частности, металлургии»¹.

В соответствии с указаниями ЦК партии и Советского правительства хозяйственные органы Уральской области провели учет ресурсов и разработали перспективный план развития хозяйства области. 14 января 1927 года Совнарком РСФСР рассмотрел этот план, представленный Уралоблисполкомом, и утвердил его основные задания². В нем предусматривалось развитие металлургической, угольной, химической промышленности Урала, строительство ряда крупных электростанций, новых железнодорожных линий, обеспечение Урала кузнечным углем и развитие машиностроения. Были намечены значительное расширение и реконструкция промышленности и дальнейшее развитие других отраслей: текстильной, кожевенной, лесной, пищевой, жилищного строительства³.

На осуществление этих мероприятий отпускались большие капитальные вложения. Уже в 1925—1926 году в промышленность Урала было вложено 27 млн. рублей, в 1926—1927 г. 60 млн. рублей, в 1927—1928 г. — 89 млн. рублей, в 1928—1929 г. — 161 млн. рублей⁴. Из этой суммы больше 50% было направлено в металлургическую и горную промышленность⁵. Это дало возможность приступить к расширению, обновлению и коренному переоборудованию старых предприятий и строительству новых.

В металлургической промышленности весьма важные работы были проведены по укреплению горнорудной базы Урала. Из 300 мелких железных рудников, представлявших собой полукустарного типа карьеры, было создано 11 рудных баз, объединенных двумя железорудными трестами «Уральским» и «Бакальским»⁶. В результате этой концентрации производства многие рудники превратились в мощные железорудные предприятия. На руднике горы Благодать, являвшемся по тому времени одним из крупнейших в Союзе, в 1928—1929 г. ежегодная добыча руды составила 234 тыс. тонн, вместо 100 тыс. тонн в 1913 г. Многие работы, связанные с добычей руды, были уже механизированы, узкоколейный вагонеточный транспорт был заменен ширококолейным с применением большегрузных думпкаров. В 1928 году на руднике вошли в строй дробильно-сортировочная, магнитообогатительная и агломерационная фабрики, причем последняя была первой

¹ «На смену», № 123, 27 ноября 1927 года.

² «Уральский рабочий», № 15, 19 января 1927 г.

³ Журнал «Хозяйство Урала» № 1, 1927, стр. 11—19.

⁴ Свердловский партийный архив (в дальнейшем СПА), ф. 4, оп. 7. д. 36, л. 3; оп. 9, д. 178, л. 23; ГАПО, ф. 122, оп. 1, д. 1894, л. 14.

⁵ Там же, оп. 8, д. 12а, л. 5.

⁶ А. С. Осинцев. Черная металлургия Урала. Свердловск, 1960 г., стр. 33.

в Советском Союзе в этом роде¹. Уже в 1926—1927 году рудники Бакальского, Тагило-Кушвинского, Надеждинского и Алапаевского районов дали 94,7% всей добычи руды на Урале².

Проведение такой же решительной концентрации в металлургическом производстве, как в железорудном, было невозможно по самому характеру древесно-угольной металлургии, связанной с эксплуатацией определенных лесных площадей и ограниченной известными ресурсами заготовки топлива. Тем не менее и здесь была достигнута довольно значительная концентрация производства. Выплавка чугуна была сосредоточена на 20 заводах с 27—30 действующими домнами³. Заводы эти давали в 1928—1929 году до 760 тыс. тонн чугуна вместо 424,6 тыс. тонн в 1913 году, в том числе 545 тыс. тонн чугуна на древесно-угольном топливе и 186 тыс. тонн чугуна на минеральном топливе⁴. Несмотря на выход из строя (не считая заводов Башкирии и бывшей Вятской губернии) свыше 50% всех доменных заводов, выплавка чугуна в 1928—1929 г. близко подошла к максимальному довоенному уровню производства⁵.

Увеличился и объем выплавленной стали с 776,3 тыс. тонн в 1925—1926 г. до 912,4 тыс. тонн в 1928—1929 г.⁶ В связи с недостатком качественной стали в СССР была поставлена и разрешена важнейшая задача — развитие на Урале электроплавки, трансформаторной стали на Верх-Исетском заводе и инструментальной — на Златоустовском.

Прокатное производство Урала в первые годы индустриализации в основном было сосредоточено на выпуске кровельного железа и прокате жести, необходимой для производства листового железа. Высокое качество уральского металла позволило также решить задачу по организации производства специальных сортов железа. Производство этих сортов железа было налажено на Верх-Исетском и Михайловском заводах⁷. На основе возросшей мощности прокатных цехов уральских металлургических заводов увеличился и общий объем продукции проката. Она возросла с 502,8 тыс. тонн в 1925—1926 г. до 667 тыс. тонн в 1928—1929 году, т. е. на 33%, а выпуск кровельного железа возрос с 186,8 до 278,5 тыс. тонн, т. е. на 37%⁸.

Очень важным мероприятием для дальнейшего развития уральской металлургии была минерализация ее топливного баланса. Старый дореволюционный Урал почти целиком основывал свое хозяйст-

---

¹ ГАСО, ф. 225, оп. 1, д. 305, л. 106.

² С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск, 1936, стр. 281.

³ Там же.

⁴ Пермский партийный архив (в дальнейшем ППА), ф. 65, оп. 1, д. 21, л. 1.

⁵ Госархив Ярославской области, ф. 25с, 372, оп. 21—5, д. 14, л. 29.

⁶ СПА, ф. 4, оп. 9, д. 226, л. 9.

⁷ И. В. Маевский. Тяжелая промышленность СССР в первые годы социалистической индустриализации (1926—1929), М., 1959, стр. 102.

⁸ Там же.

во на древесном топливе: в топливном балансе уральской металлургической промышленности в 1913 году каменный уголь составлял всего 7,7 процента, дрова — 56% и древесный уголь — 36,3%¹.

Это приводило к хищническому истреблению лесов, лежащих вблизи заводов, сильно сдерживало производительность доменных агрегатов и удорожало себестоимость продукции. В общей стоимости чугуна, выплавленного на уральских заводах в 1927 г., доля древесного топлива составляла от 41,6 до 56,1 процента². Это объяснялось тем, что лесозаготовки и выжег угля базировались исключительно на ручном труде сезонных рабочих, вывозка древесины и угля к металлургическим заводам производилась только средствами гужевого транспорта. Для того, чтобы выплавить 900 тыс. тонн чугуна в год, необходимо было привлечь только на лесозаготовки и лесовывозки 150 тыс. человек, в том числе не менее 20 тыс. возчиков³. Рост себестоимости древесного топлива в связи с вздорожанием лесозаготовок настоятельно требовал перевода черной металлургии и всей промышленности Урала на минеральное топливо.

Первая пробная плавка чугуна на сибирском коксе была произведена на Нижне-Салдинском заводе в июне 1924 года⁴. Вслед за этим все доменные печи Кушвинского, Нижнетагильского, Верхне-Туринского и других заводов постепенно начали переводиться на минеральное горючее. В этот же период была разрешена исключительно важная проблема—коксование кизеловских углей⁵. В 1925—1926 годах опытами, проведенными лабораторным путем в ползуновском масштабе, было окончательно установлено, что коксуются не только угли Луньевских копей, но и угли других копей Кизеловского бассейна — Губахи, Половинки, Усьвы. Первая пробная батарея коксовых печей начала работать при шахте им. Калинина в Губахе в 1928 году⁶.

Однако, говоря о количественных и качественных сдвигах, нельзя забывать и о том отставании, которое имело место в черной металлургии Урала. Особенно велико это отставание было по сравнению с передовыми промышленными районами нашей страны и развитыми капиталистическими странами.

Характерной особенностью черной металлургии Урала являлось то, что на большинстве предприятий не имелось завершенного цикла производства — доменного, мартеновского и прокатного. Из 35 заводов, объединенных трестом «Уралмет», лишь 6 предприятий имели полный производственный цикл, 8 заводов —

---

¹ Пятилетний план хозяйства Урала. Свердловск, 1929, стр. 7.

² Политическое и хозяйственное состояние области и работа парторганизации Урала. Свердловск, 1925, стр. 39.

³ А. С. Осинцев. Черная металлургия Урала. Свердловск, 1960 г., стр. 31.

⁴ СПА, ф. 4, оп. 3, д. 8, л. 540. Экономическая жизнь СССР. М., 1961, стр. 145.

⁵ Коксумость кизеловских углей была известна еще в 90-х годах XIX в. Однако начатые тогда испытания не были доведены до конца. Они возобновились лишь после Октябрьской социалистической революции.

⁶ ГАСО, ф. 225, оп. 1, д. 305, л. 171.

только доменное производство, 4 — доменное и мартеновское, 2 доменное, мартеновское и суточное, 8 заводов не имели своего чугуна, 7 заводов не имели ни своего чугуна, ни своей стали и производили лишь кровельное железо и другие изделия проката из привозных слитков и заготовок¹.

Резко отставала уральская металлургия по производительности агрегатов. Средняя суточная производительность домны на заводах Урала составляла 103 тонны на минеральном топливе и 76 тонн на древесно-угольном топливе, против 290 тонн на заводах Украины². Суточная производительность домны № 5 на заводе им. Г. И. Петровского (самая большая домна на Украине) в 1928—1929 году составляла 420 тонн, а производительность уральской домны № 2 на Нижне-Салдинском заводе (самая большая домна на Урале) равнялась 139 тоннам³. На самую маленькую домну на Украине приходилось 163 тонны, против 116 тонн на Урале. Следовательно, производительность самой маленькой домны на Украине была выше производительности самой большой домны на Урале. В результате 70 тыс. рабочих Урала, занятых на металлургических заводах в 1928—1929 г., выработали 760 тыс. тонн чугуна, а 80 тыс. рабочих Украины, занятых в этой же отрасли производства, дали за этот же период 2.500 тыс. тонн чугуна⁴.

Это объясняется тем, что черная металлургия Урала по техническому оснащению находилась на более низком уровне, чем металлургические заводы юга. Размеры и производительность уральских металлургических заводов и агрегатов, созданных в основном еще в XVIII—XIX веках, несмотря на частичную их реконструкцию в первые годы индустриализации, были крайне малы. Даже самый «молодой» и самый крупный из дореволюционных уральских металлургических заводов — Надеждинский — был относительно небольшим предприятием и для дореволюционного времени. Продукция черной металлургии, получаемая в основном со старых, хотя и значительно реконструированных заводов, даже к началу первой пятилетки не достигла довоенного уровня и не могла удовлетворить возросших потребностей машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности как главного потребителя металла. По данным Госплана СССР, дефицит в балансе черных металлов составлял в 1928—1929 году только по чугуну около 1,5 млн. тонн⁵. Все это выдвинуло перед черной металлургией Урала, как и всей страны, важнейшую задачу, связанную с коренной ее технической реконструкцией и расширением производственно-технической базы.

---

¹ ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 135, л. 11.

² Там же.

³ Там же, л. 12.

⁴ Там же.

⁵ Построение фундамента социалистической экономики в СССР. М., 1960, стр. 148.

Цветной металлургии Урала пришлось так же, как и черной, начинать свое развитие с крайне низкого уровня. Дело в том, что дореволюционная уральская цветная металлургия, перешедшая в наследство Советскому государству, представляла собой еще более отсталую отрасль тяжелой промышленности, чем черная металлургия. В 1925—1926 году добыча руды к довоенному уровню составила 52,5%, производство черновой меди — 50%, не производились на Урале никель и цинк, хотя все возможности для их производства были налицо¹.

Отставание цветной металлургии Урала настоятельно требовало ее коренной технической реконструкции и расширения основных производственных мощностей. После длительного перерыва в 1922 году возобновил работу Калатинской (ныне Кировоградский) завод². В 1924—1925 году было восстановлено производство на Пышминско-Ключевском и Карабашском заводах, причем последний являлся самым крупным по тому времени предприятием медеплавильной промышленности³. Это была большая победа, одержанная рабочими и инженерно-техническими работниками Урала, ибо медеплавильные заводы были восстановлены и пущены в эксплуатацию своими собственными силами, без какой бы то ни было помощи иностранного капитала. В дальнейшем Пышминско-Ключевской завод был остановлен, а производство меди сконцентрировано на Калатинском и Карабашском предприятиях. В 1927—1928 году эти два завода давали уже большее количество меди, чем все медеплавильные заводы на Урале, действовавшие в довоенный период⁴. По удельному весу в общесоюзном производстве меди Урал занимал 70%⁵.

В 1926 году началось строительство нового Красноуральского медеплавильного комбината — самого крупного и технически передового предприятия медной промышленности, с проектной мощностью в 20 тыс. тонн черновой меди в год (больше, чем давали все медеплавильные заводы Урала до революции)⁶. В 1929 году разворачиваются работы по строительству Калатинской и Карабашской обогатительных фабрик, никелевого завода на станции Уфалей, цинкового завода в районе Челябинска, крупнейшего Пышминского медеэлектролитного завода вблизи Свердловска⁷.

В этот период на Урале шло освоение новейших технических методов обогащения и плавки меди. Начала применяться плавка меди в больших отражательных печах, которая

---

¹ Перспективы развития хозяйства Урала. Свердловск, 1927, стр. 45—46.

² СПА, ф. 4, оп. 3, д. 8, л. 540.

³ Там же.

⁴ С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936, стр. 281.

⁵ ГАСО, ф. 339, оп. 3, д. 234, л. 3.

⁶ Экономическая жизнь СССР. М., 1961, стр. 759.

⁷ Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск, 1957, стр. 132.

имела ряд преимуществ по сравнению с прежним методом. Это позволяло рационально использовать не только руду с большим содержанием меди, но и руду с минимальным содержанием меди, улавливать при этом до 90% всех остальных металлов, содержащихся в руде¹. Техническое новшество позволило также цветной металлургии переходить на дешевое и низкосортное топливо, в то время как открытый способ плавки меди целиком базировался на высоких сортах кокса. Все это способствовало росту производительности труда и улучшению качественных показателей медеплавильных предприятий. Если в 1925 году Карабашский и Калатинский медеплавильные заводы проплавляли от 36 до 44 тонн руды на 1 тонну условного топлива, то в 1928 году, в результате технической реконструкции медеплавильных процессов, проплавлялось уже от 41 до 56 тонн руды на 1 тонну условного топлива. Значительных результатов добились цветная металлургия Урала по извлечению меди из руды. В 1928 году извлечение меди из руды составило по Калатинскому комбинату 80% и по Карабашскому — 88% вместо соответственно 71% и 79% в 1925 году, а обогащение медных руд было доведено с 1,8 до 8,7% всей выплавленной меди². Однако в первые годы индустриализации эти новые способы обогащения и плавки меди не были еще господствующими.

Ведущую роль в технической реконструкции промышленности, транспорта и сельского хозяйства играет машиностроение. Между тем до революции на Урале эта важная отрасль промышленности была развита слабо³. К 1927—1928 году уральское машиностроение состояло из нескольких десятков мелких предприятий, большей частью еще не совсем отпочковавшихся от металлургических заводов и в значительной мере сохранивших характер вспомогательных ремонтных или передельных метизных цехов металлургии. В машиностроении тогда преобладали простейшие метизные и инструментальные заводы. Более сложные и высшие по техническому уровню отрасли имели лишь зачаточное развитие. Около половины продукции давали отрасли, обслуживавшие, главным образом, широкий рынок крестьянского и бытового потребления: конные плуги, бороны, мелкие молотилки и веялки, косы, топоры, пилы, посуда, гвозди и др.⁴ Предприятия акционерного общества «Уралсельмаш» производили конные грабли, сепараторы, известковые веялки, корчевальные машины, стогометатели⁵. Выпуск промышленного оборудования составлял весьма небольшую часть производства. Кусинский завод выпускал некоторое оборудование для котельных установок, Нязе-Петровский и

¹ ГАСО, ф. 339, оп. 5, д. 510, л. 7.

² И. В. Маевский. Тяжелая промышленность СССР в первые годы социальной индустриализации (1926—1929), М., 1959, стр. 113.

³ Пятилетний план хозяйства Урала..., Свердловск, 1929, стр. 18.

⁴ ГАПО, ф. 122, оп. 1, д. 1894, л. 17 об.

⁵ Политическое и хозяйственное состояние области. Свердловск, 1925, стр. 32; ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 428, л. 3.

Миньярский — металлические изделия, необходимые для строительства¹. Прокатные валы и изложницы для металлургической промышленности изготавливались на Надеждинском, В-Туринском и Саткинском заводах; на Златоустовском механическом заводе было сосредоточено производство стальных инструментов².

Продукция машиностроения и металлообработки уральских заводов и цехов, хотя и значительно реконструированных, не удовлетворяла растущих потребностей промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Это со всей необходимостью выдвинуло задачу строительства на Урале крупного завода, способного обеспечить реконструируемые и вновь строившиеся предприятия машинами и другим сложным оборудованием.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство, осуществляя курс на социалистическую индустриализацию в соответствии с решениями XIV съезда партии, предложили хозяйственным организациям спроектировать и построить на востоке страны крупнейший завод тяжелого машиностроения. 3 июня 1927 года Совет Труда и Оборона СССР вынес специальное постановление о создании завода машиностроения на Урале, оснащенного самой передовой техникой³. 6 сентября того же года Совет Труда и Оборона своим постановлением местом постройки этого завода определил район города Свердловска. Для строительства завода и социалистического города при нем была отведена большая территория — 1600 гектаров земли⁴.

Зимой 1927 года на строительную площадку уральского гиганта пришли уже первые строители, а 2 марта 1928 года Президиум ВСНХ СССР создал государственное управление по постройке Уралмашзавода — Уралмашинострой. Начальником этого строительства был утвержден испытанный коммунист-хозяйственник, член ЦИК СССР А. П. Банников⁵. 15 июля 1928 года, в десятую годовщину освобождения Урала от колчаковских банд, был заложен первый производственный цех металлоконструкций⁶, сыгравший впоследствии исключительно важную роль в обеспечении строительства завода и центральной электростанции металлическими колоннами, балками, фермами и другими необходимыми материалами. Это коренным образом изменило установившиеся традиции организации строительных работ. Если раньше строители получали готовые металлические конструкции с действующих предприятий, удаленных от стройки на значительные расстояния, то на Уралмашинострое они производились на месте. Сооружение мощного цеха металлических конструкций делало стройку независимой от поставщиков колонн, ферм и других составных частей будущих

¹ Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск, 1957, стр. 117.

² ГАПО, ф. 423, оп. 1, д. 720, л. 490. Пятилетний план хозяйства Урала..., Свердловск, 1929, стр. 20.

³ История народного хозяйства СССР, 1960, М., стр. 513.

⁴ «Вопросы истории», № 6, 1955, стр. 105.

⁵ ГАСО, ф. 225, оп. 1, д. 54, л. 46.

⁶ «За индустриализацию», 16 июля 1933 г.

цехов, упрощало организацию материально-технического снабжения стройки¹. Уралмашзавод строила вся страна. Здесь были представители многих национальностей, крупнейших промышленных центров и самых отдаленных уголков страны².

Весьма важной отраслью современного производства является химическая промышленность. Между тем, Урал, представляющий единственный в Союзе район по богатству, разнообразию и дешевизне химического сырья, в прошлом крайне слабо использовал свои ценнейшие ресурсы. В дореволюционный период химическая промышленность Урала была представлена несколькими заводами малой мощности с примитивным техническим оборудованием. Березниковский содовый завод, являвшийся по тому времени крупным предприятием, в 1913 году вырабатывал всего лишь 58 тыс. тонн кальцинированной и каустической соды³.

Производственные возможности химической промышленности Урала, как и всей страны, не отвечали требованиям времени. Все отрасли бурно развивающегося народного хозяйства — черная и цветная металлургия, машиностроение, текстильная, легкая и пищевая, нефтяная, целлюлозно-бумажная, сельское хозяйство и транспорт — нуждались в химической продукции. Народное хозяйство не могло обойтись без серной, азотной и соляной кислот, продуктов соды и хлора, минеральных удобрений и многих других химикатов. Чтобы обеспечить все эти потребности народного хозяйства страны, приступившей к осуществлению грандиозной программы социалистической индустриализации, необходимо было быстрое развитие химической промышленности, строительство ряда новых крупных заводов, оснащенных самым современным техническим оборудованием и новейшими приборами.

В 1926—1929 годах старые химические заводы были подвергнуты реконструкции, которая способствовала росту вырабатываемой продукции. На всех уральских заводах за этот период производство соды возросло с 51 тыс. тонн до 65 тыс. тонн, суперфосфата с 15 тыс. тонн до 50 тыс. тонн, серной кислоты с 18,6 тыс. тонн до 29,6 тыс. тонн⁴.

Одним из новых заводов-гигантов, строительство которого началось в этот период, был Соликамский калийный комбинат⁵. В 1926 году в районе Соликамска было открыто богатейшее в мире месторождение высокопроцентных калийных солей⁶. «Открытие калийных удобрений, — говорил В. В. Куйбышев, — имеющее буквально мировое значение, создает у нас новую отрасль промышленности — химическую, освобождая нас от импорта⁷». Общие геоло-

¹ ГАСО, ф. 225, оп. 1. д. 54, л. 40.

² Уралмашзавод — первенец тяжелого машиностроения. Москва. 1958, стр. 7.

³ Н. Л. Сигов. Указ. соч., стр. 283.

⁴ Пятилетний план хозяйства Урала..., Свердловск, 1929, стр. 79.

⁵ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 2, л. 146 об.

⁶ «Звезда», 6 октября 1927 г.

⁷ В. В. Куйбышев. Статьи и речи, т. V, 1927 г., стр. 342.

гические запасы верхнекамского месторождения исчислялись по тому времени в 18,4 миллиарда тонн и составляли пять шестых всех мировых запасов калия¹.

10 декабря 1926 года постановлением Совета Труда и Оборона был организован калийный трест для разведки, добычи и переработки этих солей, а 7 ноября 1927 года, в день десятилетия Октябрьской социалистической революции, в Соликамске был заложен первый рудник — первенец отечественной калийной промышленности². С этого дня и началось строительство самого крупного в мире предприятия калийной промышленности.

Первый калийный комбинат имени X-летия Октябрьской революции партия и правительство выдвинули в число передовых и важнейших строек Урала. Строительство велось в сложных геологических условиях и с большими трудностями, вызванными отсутствием опыта и механизации³. Для проходки стволов калийных шахт была приглашена немецкая фирма «Гфриршахбау», которая на подрядных началах обязалась пройти шахту № 1 методом замораживания и шахту № 2—методом цементации. Представители фирмы всячески тормозили работу, скрывали от наших специалистов и рабочих способы проходки, особенно метод цементации. Самые элементарные вопросы, возникавшие в процессе строительства, они делали секретом и пытались разрешать без участия наших представителей. Приходилось буквально с боем перенимать опыт, овладевать техникой и методами проходки калийных шахт⁴.

Трудности усугублялись еще и тем, что строительство комбината развертывалось в 35 километрах от ближайшей железнодорожной станции Усольская. Все оборудование и различные материалы, необходимые для комбината, приходилось доставлять автомобильным и гужевым транспортом, при неоднократных перевалках грузов, поступавших в адрес строителей. В это же время велись подготовительные работы к строительству Березниковского химического комбината⁵.

Большое значение для развития химической промышленности Урала имело постановление Центрального Комитета партии «О деятельности Северного химического треста», принятое 29 августа 1929 года⁶. В нем говорилось, что химия стала «одним из основных факторов развития производственных сил народного хозяйства и источником новых средств материальной культуры»⁷. Основное внимание в этом постановлении обращалось на необходимость приближения химических производств к источникам сырья. Одним

---

¹ В. Ф. Тиунов. Промышленное развитие Западного Урала. Пермь, 1954, стр. 178.

² Экономическая жизнь СССР, М., 1961, стр. 184.

³ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 2, л. 146.

⁴ И. И. Вайнштейн. Советский калий. М., 1933, стр. 32.

⁵ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 193.

⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, сб. док., 1957, т. 2, стр. 107.

⁷ Там же.

из таких районов, располагавших богатейшими сырьевыми химическими ресурсами, был Урал. В его недрах в больших размерах залегают фосфорные руды, калийные соли, серные колчеданы, коксовые газы, хромовые руды и отходы черной и цветной металлургии¹. Наличие химического сырья позволило развернуть на Урале большое строительство предприятий химической промышленности, способной производить химические продукты, необходимые для народного хозяйства и обороны страны.

Это постановление легло в основу деятельности партийных, советских и хозяйственных организаций по развитию химической промышленности на Урале, способствовало наиболее полному и рациональному использованию его сырьевых и производственных возможностей.

Важную роль в хозяйственной жизни области играет лесная промышленность. По размерам удобной лесной площади и запасам древесины Урал являлся одним из основных лесопромышленных районов Союза. Общая площадь лесов Уральской области (с Тобольским Севером) на 1 января 1927 года составляла 79,5 млн. гектаров; в том числе удобной лесной площади 38 млн. гектаров, что составляло 15% общей и 11% удобной лесной площади РСФСР². Около 10% лесов Урала находилось во владении местного населения, по преимуществу прежние наделные леса³; свыше 18% было приписано к промышленности, главным образом леса, ранее принадлежавшие уральским заводчикам или находившиеся в эксплуатации у казенных заводов, и остальная часть (72%) — главным образом северные леса, не исследованные и не освоенные для эксплуатации — принадлежали Народному Комисариату Земледелия⁴.

Лесное хозяйство Урала было расстроено бессистемными рубками еще в довоенное время и в значительной мере за период империалистической и гражданской войн. Поэтому важнейшей задачей, ставшей перед уральскими советскими и сельскохозяйственными органами, явилось быстрее восстановление и упорядочение лесного хозяйства. На Урале в первые годы индустриализации было начато лесозастройство, которое способствовало более рациональной разработке лесосек⁵.

Общий объем лесозаготовок в 1927—1928 году составил 14.645 тыс. куб. метров, вместо 11.769,6 тыс. куб. м в 1925—1926 году. Из этого количества заготавлилось соответственно: дров 10.465,8 тыс. и 7.758,6 тыс. куб. м., деловой древесины 4.179,2 тыс. и 4.010,9 тыс.

---

¹ Директивы КПСС и Советское правительство по хозяйственным вопросам, сб. док., 1957, т. 2, стр. 110.

² Перспективы развития хозяйства Урала, Свердловск, 1927, стр. 51

³ ГАЛО, ф. 38, оп. 1, д. 1136, л. 18.

⁴ Там же, л. 19.

⁵ Государственный архив Коми-Пермяцкого округа, ф. 20, оп. 3, д. 3, лл. 17—18; Материалы к VIII Уральской областной конференции ВКП(б), Свердловск, 1927, стр. 51.

кубометров¹. Первое место по лесозаготовкам на Урале принадлежало металлургической промышленности, которая в 1927—1928 году заготовила 7262,1 тыс. куб. м, в том числе 6.828,2 тыс. куб. м. дров и 436,9 тыс. куб. м. деловой древесины². Это свидетельствовало о том, что дровозаготовки металлургической промышленности занимали основное место в дровяном балансе Урала. На Чусовском металлургическом заводе в 1928 году заготовка дров равнялась 80% общей заготовки древесины³. Лесная промышленность была почти монополистом в заготовке деловой древесины. Ее удельный вес в общеуральском производстве составлял 63—73%. По удельному весу лесозаготовок Уральская область вместе с Башкирией в 1928—1929 году давала 24% общесоюзного производства⁴.

В 1927—1928 году металлургическая промышленность Урала впервые вложила 1231 тыс. рублей в реконструкцию лесозаготовок⁵. В лесах, приписанных к Надеждинскому, Чусовскому, Алапавскому и Аша-Балашовскому заводам, в 1927—1928 году на лесозаготовках применялись тракторы для перевозки леса по ледяным дорогам, а также механизированные пилы и валуны, была расширена сеть узкоколейных переносных железных дорог⁶.

Однако механизация лесозаготовок в первые годы индустриализации только начиналась. Как видно из материалов X Уральской областной партийной конференции, «в 1928—1929 году механизированная заготовка древесины в лесозаготовительных организациях Урала составила лишь 1,5% от общего итога заготовок, а вывозка по ледяным дорогам не превышала и 0,3% от всей вывезенной древесины»⁷.

Почти аналогичное состояние было в лесопильной промышленности. В 1927—1928 году на Урале действовало 77 лесопильных заводов с 112 рамами. Большею частью заводы являлись однорамными. Самые крупные из них (9 заводов) были объединены трестом «Камуралбумлес», который давал почти 70% всей лесопильной продукции Урала. Крупными производителями пиломатериалов являлись также трест «Уралмет» и Наркомата земледелия (13 заводов)⁸.

На большинстве лесозаводов, вследствие их давней постройки, оборудование было сильно изношено и устаревших конструкций, а сырьевые базы в значительной степени истощенными. Поэтому в первые годы индустриализации переоборудованию подвергались

---

¹ Б. С. Петров. Очерки о развитии лесной промышленности Урала, М., 1952, стр. 62.

² Там же.

³ ГАСО, ф. 1150, оп. 2, д. 3, л. 57.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1956 г., М., 1957, стр. 63.

⁵ Б. С. Петров. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М., 1952, стр. 63; ГАПО, ф. 319, оп. 1, д. 73, л. 127 об.

⁶ СПА, ф. 4, оп. 8, д. 12а, л. 8.

⁷ Там же.

⁸ «Хозяйство Урала», 1928, № 4, стр. 59.

лишь некоторые лесопильные заводы, наиболее технически пригодные и обеспеченные сырьем из ближайших лесных массивов. В этот период вошел в строй новый Тавдинский лесопильный завод № 9 на 4 рамы, объединенный со старым заводом № 7, построенным еще в 1916 году; было установлено 3 новых лесопильных рамы на действующих заводах. В результате увеличения мощностей лесопильная промышленность Урала в 1928—1929 году произвела 823 тыс. куб. метров пиломатериалов, вместо 400 тыс. куб. м. в 1926—27 г.¹ Несмотря на некоторый рост продукции лесопиления, Урал продолжал отставать от передовых районов страны. Его удельный вес составлял 5,8% общей выработки пиломатериалов в СССР².

Остальные деревообрабатывающие производства Урала в первые годы индустриализации почти не получили существенного развития. Только на некоторых старых заводах было налажено производство столярных изделий (двери, оконные рамы и ящичная тарра). Большинство же заводов были чисто лесопильными, в том числе и вновь построенный Тавдинский.

Бумажная промышленность Урала была объединена с лесопильно-деревообрабатывающей промышленностью — трест «Камуралбумлес». В ведении «Камуралбумлеса» находилось 4 предприятия: Лялинская (Николо-Павдинская) бумажная фабрика с древесно-массовым и целлюлозным заводом, Сибирская писчебумажная фабрика, Знаменская и Оханская картонные фабрики³. В 1928—1929 году было приступлено к строительству двух новых крупных бумажных комбинатов (Вишерского и Тавдинского) с общей производственной мощностью до 180 тыс. тонн бумаги и целлюлозы в год⁴. На существующих предприятиях были проведены реконструктивные работы, направленные на увеличение выпуска продукции, рост производительности труда и снижение себестоимости продукции. В итоге производство бумаги поднялось с 9 тыс. тонн в 1925 году до 17,9 тыс. тонн в 1929 году, потребление древесины деревообрабатывающими предприятиями возросло соответственно с 3,4 млн. рублей до 10 млн. рублей⁵.

В соответствии с планом развития лесной и химической промышленности, в первые годы индустриализации было начато строительство Аша-Балашовского и Надеждинского предприятий, положивших начало созданию крупной лесохимической промышленности на Урале⁶. Между тем в прошлом лесохимическая промыш-

¹ Контрольные цифры пятилетнего плана РСФСР. М., 1929, стр. 82.

² Народное хозяйство СССР в 1956 г., М., 1957, стр. 63.

³ Ж. «Хозяйство Урала», 1929, № 6, стр. 14—20.

⁴ Отчет Уралобкома ВКП(б) VII Уральской областной партконференции. Свердловск, 1925, стр. 32; Контрольные цифры пятилетнего плана РСФСР. М., 1929, стр. 82.

⁵ Перспективы развития хозяйства Урала. Свердловск, 1927, стр. 52; материалы к IX Уральской областной конференции ВКП(б) и к VII Уральскому областному съезду Советов. Свердловск, 1929, стр. 30, 86.

⁶ ГАСО, ф. 339, оп. 3, д. 234, л. 5.

ленность строилась на совершенно неправильной основе, в отрыве от лесной промышленности, на использовании лесных богатств страны исключительно как сырья для себя. Обсуждая перспективы развития Уральской промышленности на первое пятилетие, VIII Уральская областная партийная конференция признала «необходимым лесохимическое производство вести в тесной связи с планом рационализации лесного хозяйства и углежжения на Урале»¹. Эти указания легли в основу развития лесохимической промышленности на Урале. Сухой перегонкой дерева занимались Михайловский, Ивакинский и Всеволодовильевский заводы.

Углежжение тогда, в основном, производилось в металлургической и кустарной промышленности. В лесах бывшего Южного Уральского горнозаводского округа вырабатывались скипидар и канифоль. Сырьем для их выработки явилась сосновая живица, добываемая подсечкой сосны. В 1928 году было добыто 2125 тонн живицы, что составило 32,3% всесоюзной добычи. Производство канифоли в 1927 году достигло 200 тонн и 26 тонн скипидара². Это явилось крупным шагом по пути освобождения советской страны от завоза этих видов продукции из-за границы³.

Неуклонный рост промышленности, транспорта и сельского хозяйства предъявлял повышенные требования к топливной базе Урала. Между тем, угольная промышленность Урала, как и всей страны, была развита крайне слабо. Примитивное рудничное хозяйство, разбросанное по многим мелким, слабо механизированным шахтам, было малопродуктивным; добыча угля на Урале в 1913 году составила всего 1217 тыс. тонн, или 6% общей добычи в стране⁴.

Для ликвидации отставания уральской угольной промышленности, унаследованного от царского строя, необходима была коренная ее техническая реконструкция, значительное расширение рудничного хозяйства, комплексная механизация основных процессов производства, производство высококачественного кокса, необходимого для металлургического и химического производства.

Состоявшийся ноябрьский (1926 г.) пленум областного комитета партии и VIII Уральская областная партийная конференция (1927 г.) наметили широкую программу развития топливно-энергетической базы Урала⁵. Особое внимание в решениях было обращено на повышение механизации добычи угля, его транспортировки

---

¹ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 2, л. 214 об.

² Б. С. Петров. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М., 1952, стр. 67.

³ До революции высшие сорта скипидара и канифоли ежегодно завозились из Америки и Франции.

⁴ Стат. сборник «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», М., 1957, стр. 81; народное хозяйство СССР в 1956 г., ст. ежегодник, М., 1957, стр. 74.

⁵ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 2, л. 133 об.

и ускорение опытов коксования кизеловских углей¹. Опираясь на эти директивные указания, партийные, профсоюзные и хозяйственные органы провели большую работу, направленную на развитие угольной промышленности Урала. С 1926—1927 года в Уральской угольной промышленности начался процесс замены старого оборудования новым, более экономичным и производительным. На многих крупных шахтах в этот период стали появляться тяжелые электрические врубовые машины, отбойные молотки и другие сложные машины и агрегаты. Как видно из материалов топливного сектора Госплана СССР, главные штольни северной группы Кизеловского района обслуживались контактовыми электровозами мощностью около 135 л. с., которые тянут 25—30 вагончиков обычной на каменноугольных копиях СССР емкости в 0,75 тонны каждый². То же самое относится и к Богословским угольным копиям, которые по оценке топливного сектора Госплана уже в 1926—1927 году были в значительной степени механизированы. На копиях имелось шесть многоковшовых и одноковшовых экскаваторов. Экскаваторами производилась основная работа по вскрытию породы. Пустая порода удалялась в отвал с помощью двух экскаваторов, транспортеров и вагонок³.

Технический прогресс, проникавший во все угольные бассейны Урала и основные процессы производства, быстро вытеснял тяжелый ручной труд и заменял его более производительным механизированным трудом. Рост механизации добычи угля виден на примере Кизеловского бассейна за период с 1925 по 1928 год, что показано в таблице 1.

Таблица 1⁴

Г о д ы	Добыча угля механизированным способом (в тыс. тонн)	% к общей добыче
1925	149,6	19,3
1926	235,2	28,0
1927	359,6	37,0
1928	434,3	39,2

Из приведенной таблицы видно, что механизация добычи угля в Кизеловском бассейне возросла за указанный период в 2 с лишним раза и значительно превзошла средний процент механизированной добычи в угольной промышленности СССР, где он составил к концу 1928—29 года 24,6%. Техническое перевооружение коснулось и вспомогательных участков. Полностью была механизирована транспортировка угля, установлены конвейеры, колонковые

¹ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 2, л. 146 об.

² И. В. Маевский. Тяжелая промышленность СССР в первые годы социалистической индустриализации (1926—1929), М., 1959, стр. 64.

³ Там же.

⁴ «Уральский рабочий», № 195, 17 июля 1931 г.

лебедки, применялись скреперы, во много раз возросла электрификация шахт¹.

Крупные капитальные вложения в угольную промышленность Урала, рост ее технической вооруженности и механизации оказали влияние прежде всего на увеличение добычи угля (таблица № 2). Вот динамика добычи угля на Урале за 1913—1929 годы в тыс. тонн²:

	Г о д ы					
	1913	1924-1925	1925-1926	1926-1927	1927-1928	1928-1929
Все бассейны Урала	1.217	1.254	1.572	1.865	1.986	2.072

Еще более значительный рост добычи угля произошел в основном каменноугольном бассейне Урала — Кизеловском, где она поднялась с 70 тыс. тонн в 1917 году до 1.109 тыс. тонн в 1928—1929 г.³

Возросла производительность труда в угольной промышленности Урала. На одного забойщика месячная добыча угля составила 58,2 тонны в 1927—1928 году, против 52,1 тонны в 1913 году⁴.

Вследствие механизации основных процессов производства снизилась себестоимость угля, добываемого в бассейнах Урала.

Реконструкция и расширение уральской угольной промышленности привели к росту потребления каменного угля и увеличению его удельного веса в топливном бассейне хозяйства Урала. Это видно из таблицы 3.

Таблица 3⁵

Наименование видов топлива	1927—28 г. (в тыс. тонн)	1927-28 г. в % к итогу	1913 г. в % к итогу
1. Дрова и древес. уголь	1666	40,8	92,3
2. Торф	99	2,6	—
3. Каменный уголь	2134	50,8	7,7
в том числе:			
а) уральский	1442	34,4	
б) сибирский	692	16,1	
4. Нефть	242	5,8	—
Итого	4141	100,0	100,0

Приведенная таблица показывает, что доля древесного топлива в общем топливном балансе сократилась с 92,3% в 1913 году до 40,3% в 1927—28 году, а доля минерального топлива соответственно возросла с 7,7% до 50,8%.

¹ ГАСО, ф. 225, оп. 1 д. 255, л. 322.

² Народное хозяйство СССР в 1956 г., ст. ежегодник, М., 1957, стр. 74.

³ «Уральский рабочий», № 258, 2 ноября 1928 г.

⁴ Там же, 7 ноября 1927 года.

⁵ Пятилетний план хозяйства Урала, Свердловск, 1929, стр. 7.

Быстрые темпы развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства Урала потребовали усиления и их электроэнергетической базы. По Ленинскому плану ГОЭЛРО из 30 новых электростанций 4 намечалось построить на Урале на общую установочную мощность 165 тыс. квт., в том числе: Кизеловскую ГРЭС — на 40 тыс. квт., Челябинскую ГРЭС — на 60 тыс. квт., Егоршинскую ГРЭС — на 40 тыс. квт. и Чусовскую ГЭС — на 25 тыс. квт.¹.

Следует заметить, что строительство этих районных электростанций велось чрезвычайно медленными темпами. Губахинская (Кизеловская) районная электростанция, строительство которой началось еще в 1921 году, была пущена в эксплуатацию в 1924 году. На ней были установлены первоначально два турбогенератора по 3 тыс. квт. каждый. Она работала на местных низкосортных углях и фактически обеспечивала электрической энергией только копи Кизеловского каменноугольного бассейна². С 1928 года начались работы по дальнейшему расширению Кизеловской районной электростанции на общую мощность 28 тыс. квт.³.

Строительство Егоршинской электростанции, начатое еще в 1916 году, но вскоре законсервированное, возобновилось лишь в 1921 году. Через 5 лет, т. е. в 1927 году, мощность Егоршинской ГРЭС была доведена до 4500 квт. Работавшая на углях Егоршинского бассейна и находившаяся в ведении треста «Ураласбест», она фактически снабжала электроэнергией его предприятия, расположенные в 60 км от станции на юг, и Алапаевский металлургический завод, находившийся в 60 км от станции на север⁴. В 1930 году был дополнительно введен турбогенератор № 5 фирмы Юнгстрем мощностью 9 тыс. квт.⁵.

Особое место в развитии энергетики и всей промышленности Урала занимало сооружение Челябинской ГРЭС на базе использования челябинских углей. Создание этой мощной, первоклассной по тому времени, электростанции знаменует начало нового этапа в развитии энергетики и всей экономики Урала. Еще 1 марта 1921 года Президиум ВСНХ признал целесообразным построить районную электростанцию на Южном Урале, местом которой был избран город Челябинск⁶. В течение довольно длительного времени производились поиски площадки для ее строительства и неоднократно обсуждались различные проекты мощности будущей электрической станции. И только спустя 6 лет, в канун десятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, — 6 ноября 1927 года — состоялась торжественная закладка

¹ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 30.

² ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 126 об.

³ «Уральский коммунист», № 8—9, 1930, стр. 12.

⁴ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 126 об.

⁵ Энергетика Урала за 40 лет. М., 1958, стр. 9.

⁶ ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 19, л. 32.

главного корпуса ГРЭС¹. Первый турбогенератор мощностью 24 тыс. квт. на Челябинской ГРЭС был пущен в сентябре 1930 года².

Это была крупная победа не только уральских рабочих, но и всех советских людей. Южный Урал получил мощную энергетическую базу, способную обеспечить электроэнергией заводы и стройки огромного промышленного района. С пуском первого генератора ГРЭС были введены в строй и первые на Урале подстанции напряжением 110 кв: в Кыштыме, Карабаше, Златоусте, и первые линии электропередачи: Челябинск — Кыштым, Кыштым — Карабаш, Карабаш — Златоуст, Златоуст — Челябинск, Карабаш — Свердловск, общей протяженностью 435 километров³.

Одной из причин медленного строительства и ввода в эксплуатацию агрегатов районных электростанций на Урале, как и в других районах страны, являлась несвоевременная поставка оборудования. Кизеловская (Губахинская) районная электростанция при готовности здания и почти полной законченности монтажа оборудования не могла вступить в эксплуатацию из-за несвоевременного (опоздавшего на 5 месяцев) поступления импортных котлов. Другой причиной, задерживавшей строительство электростанций, была неправильная практика капиталовложений по основным административно-экономическим районам страны. Из выстроенных к 1928 году 19 районных станций, 12 приходилось на Москву и Ленинград с установленной мощностью в 442 тыс. квт. и только 184 тыс. квт. падало на все остальные районы страны⁴. Такой крупнейший промышленный центр, как Урал, имел всего лишь 6 тыс. квт что составляло 3,6% установленной планом ГОЭЛРО мощности⁵.

Отставание строительства районных электростанций являлось серьезным тормозом в ликвидации диспропорций и дефицита в электроэнергии. Это выдвинуло необходимость реконструкции старых и строительства новых заводских электростанций. Мощность заводских электростанций в 1926—1927 году составляла 79,7 тыс. квт⁶.

Самой крупной по тому времени на Урале была электростанция при Надеждинском металлургическом заводе. Мощность ее была 8200 квт, а наибольший агрегат 3000 квт⁷.

На электростанции при Кушвинском металлургическом заводе, постройка которой началась еще в 1920 году, в 1927 году был

---

¹ ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 19, л. 32.

² Энергетика Урала за 40 лет. М., 1958, стр. 9.

³ ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 19, л. 32.

⁴ ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 135, л. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же, д. 87, л. 126.

⁷ Энергетика Урала за 40 лет, М., 1958, стр. 9.

пущен первый турбогенератор мощностью 7000 квт фирмы Юнгстрем¹. Второй такой же турбогенератор вступил в эксплуатацию в 1928 году.

Электроснабжение города Свердловска до 1927 года производилось от нескольких мелких электростанций. Вполне понятно, что город переживал острый недостаток в электроэнергии, так как его многоотраслевая и растущая промышленность не получала необходимого количества электроэнергии для нормальной и бесперебойной работы. Поэтому в 1923 году было начато строительство Свердловской ГЭС на базе использования Широкоречинского торфяного месторождения. Это была мощная по тому времени электростанция, призванная с пуском ее в эксплуатацию обеспечить промышленные и бытовые нужды города в электроэнергии. В 1927 году на ней были установлены первые два турбогенератора мощностью по 3000 квт каждый, а в 1930 году ее мощность уже достигла 11 тыс. квт².

Одной из первых электростанций на Урале, вступивших в эксплуатацию после Великой Октябрьской социалистической революции, была Пермская ГЭС. Первый турбогенератор мощностью 1,5 тыс. квт был установлен на ней еще в 1918 году, второй турбогенератор мощностью 800 квт. — в 1921 году и 3-й турбогенератор мощностью 5.000 квт — в 1931 г. Работая на отходах кизеловских каменных углей Пермская ГЭС сыграла весьма важную роль в развитии металлообработки и машиностроения на Западном Урале³. Вступили также в строй после проведенных реконструктивных работ многие другие заводские электростанции на Урале.

Для усиления электроснабжения промышленности Западного Урала на базе кизеловских углей в 1929 году было приступлено к сооружению Березниковской ТЭЦ мощностью 80 тыс. квт — первой в Советском Союзе теплоэлектроцентрали высокого давления⁴. В 1928 году начались работы по строительству центральной электрической станции на Магнитогорском металлургическом комбинате мощностью в 60 тыс. квт⁵.

Работы по расширению старых и строительству новых районных и заводских электростанций, проведенные на Урале в 1925—1929 годах, обеспечили наращивание мощностей и увеличение выработки электроэнергии.

Динамику мощности электростанций и выработку электроэнергии на Урале показывают данные таблицы⁶, см. на стр. 232.

¹ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 79, л. 5.

² Энергетика Урала за 40 лет. М., 1958, стр. 9.

³ «Звезда», 30 октября 1947 года.

⁴ ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 574, л. 19; СПА, ф. 4, оп. 7, д. 3, л. 53.

⁵ Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск, 1957, стр. 131.

⁶ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 126; контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и культурного строительства РСФСР (1928/1929—1932/33 годы), М., 1929, стр. 53.

	Един, измере- ния	Г о д ы				
		1913	1925- 1926	1926- 1927	1927- 1928	1928- 1929
Мощность электростан- ций	тыс. квт.	33,6	88,5	101,3	125,3	140,1
В том числе районных	тыс. квт.		6,0	6,0	6,0	6,0
Выработка электроэнер- гии	млн. квт.		95,3	190,7	286,0	364,6
В том числе районными станциями	„	ч.	10,0	15,0	16,7	22,2

Таким образом, по сравнению с довоенным (1913) годом мощность электростанций Урала возросла в 1928 году почти в 4 раза.

Развитие промышленности и других отраслей хозяйства Урала потребовали расширения транспортных связей. Транспортному хозяйству Урала в годы империалистической и особенно гражданской войны были нанесены глубокие раны: разрушены мосты, железнодорожные пути и станции, кладбищенские парки пополнялись разбитыми вагонами и паровозами, в течение нескольких лет не ремонтировались железнодорожные пути и паровозы¹.

В результате максимального напряжения сил рабочего класса и мобилизации всех материальных и финансовых ресурсов разруха на железнодорожном транспорте Урала была ликвидирована. В 1925—1926 году грузооборот железных дорог превзошел довоенный уровень (5,9 млн. тонн) и составил к этому времени 10,5 млн. тонн². Общая длина железных дорог на Урале составила 6888 километров, из них 5622 км. являлись дорогами общего пользования (широкие колеи) и 1236 километров принадлежали промышленным предприятиям (подъездные пути). Из железнодорожной сети общего пользования Пермская дорога имела 3422 километра, Самаро-Златоустовская — 571 км, Московско-Казанская — 574 км., Троицко-Орская — 227 км. и Омская — 808 километров³.

По густоте железных дорог Урал отставал от промышленных центров страны. На тысячу квадратных километров территории области приходилось всего лишь 8 км. железных дорог, если не учитывать слабо заселенную территорию Тобольского Севера⁴. Если же принять во внимание весь Тобольский округ, то плотность железнодорожной сети Урала снижалась до 3,5 километра

¹ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 29; Перспективы развития хозяйства Урала..., Свердловск, 1927, стр. 91.

² СПА, ф. 4, оп. 5, д. 319, л. 3; КК-РКИ в борьбе за Урало-Кузнецкий комбинат. Свердловск, 1932, стр. 23.

³ Народное хозяйство СССР, ст. справочник, М., 1932 г., стр. 204; Перспективы развития хозяйства Урала, Свердловск, 1927 г., стр. 91.

⁴ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 29

против 4 км. в среднем по Союзу и 10,6 км, в среднем по Европейской части СССР¹.

По техническому оснащению уральские железные дороги находились на весьма низком уровне². Сооруженная в разное время, с различным назначением, железнодорожная сеть Урала представляла собой соединение далеко не однородных линий, частью устаревших, различно оборудованных, частью недостроенных, с тяжелым горным профилем, с неразвитыми узлами, короткими станционными путями и плохо оборудованной связью³.

В неудовлетворительном состоянии находились устройства депо и мастерские, не хватало квалифицированных рабочих кадров железнодорожников, особенно работников линейной службы; имевшийся на уральских дорогах парк паровозов и вагонов, в результате большой его изношенности, в значительной массе нуждался в обновлении⁴. Трудности работы уральских железных дорог усугублялись еще и тем, что они выполняли две важнейшие задачи: с одной стороны принимали и перерабатывали грузы, предъявляемые уральской промышленностью, а с другой — по своим артериям пропускали транзитный поток сибирских грузов.

Все это требовало коренной реконструкции уральских железных дорог, усиления провозной и пропускной их способности, строительства новых дорог общего пользования и подъездных путей к промышленным и лесозаготовительным предприятиям. Большие работы были проведены по переустройству Пермской дороги, которая в большей части, чем другие, состояла из линий изношенных, сравнительно давнего происхождения (горнозаводская магистраль) или линий, строившихся в предвоенный или военный период, и вступивших в эксплуатацию в незаконченном виде⁵. На Самаро-Златоустовской линии был восстановлен второй путь, снятый в годы восстановительного периода, смягчены наиболее трудные и опасные для движения уклоны⁶; на многих дорогах открыты ранее закрытые разъезды и сооружены новые; проведены работы, связанные с удлинением станционных путей, где не вмещались длинные составы поездов, ведомые тяжелыми по тому времени паровозами. Проведены также некоторые работы по расширению и строительству главных мастерских для ремонта подвижного состава — паровозных в Перми и вагонных в Свердловске⁷. Расширены депоовские устройства (со значительным увеличением числа паровозных стойл), переоборудованы и усилены сооружения по водоснабжению (особенно на Челябинском участке Омской

¹ Материалы к VIII Уральской областной конференции ВКП(б), Свердловск, 1927, стр. 92.

² ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 29.

³ Там же.

⁴ Перспективы развития хозяйства Урала..., Свердловск, 1927, стр. 92.

⁵ Горнозаводская ж. д. Пермь-Чусовой — Н. Тагил-Екатеринбург построена в 1880 г.; дорога Пермь—Кунгур—Екатеринбург построена в 1909 году.

⁶ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 33.

⁷ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 29.

дороги) и многие другие работы, связанные с техническим переустройством железных магистралей области¹.

Наряду с расширением старых сооружались и новые железные дороги. В плане нового строительства важное место отводилось железной дороге Карталы — Магнитная, протяжением 145 километров и общей стоимостью капитальных вложений 15 млн. рублей. Ее строительство началось в 1927 году и закончилось в 1929 году². В июне того же года с участием многих тысяч представителей рабочих, крестьян и трудящегося казачества Троицкого округа состоялось торжественное открытие новой железнодорожной магистрали. Месяцем позже по ней уже началось регулярное движение пассажирских поездов.

Вновь построенная дорога имела исключительно важное значение. Она связала строительство крупнейшего в СССР гиганта черной металлургии — Магнитогорский комбинат со всей страной и создала тем самым благоприятные условия для быстрого развития Урало-Кузнецкого комбината. О значении дороги Карталы — Магнитная можно судить по многочисленным статьям, помещенным в ту пору на страницах многих центральных и местных газет. По поводу ее сдачи в эксплуатацию выступили и центральные газеты «Правда», «Известия» и «Торгово-промышленная». «Открытие новой дороги, — писала газета «Известия», — соединившей Магнитогорский металлургический комбинат с железными магистралями Урала и Сибири, является большой победой не только строителей, но и всех советских людей»³.

Другой новой железной дорогой, построенной в первые годы индустриализации, была дорога Усолье — Соликамск, вызванная к жизни необходимостью обеспечить разработку месторождений калийных солей удобными транспортными средствами⁴. Закладка рудников для добычи калийных солей в районе Соликамска началась, как указывалось выше, еще в ноябре 1927 года. Это с особой остротой и необходимостью выдвинуло задачу строительства железнодорожной линии, соединяющей Соликамск — центр калийной промышленности — со всей страной⁵. Строительство дороги к советскому калию длиной 35 километров было закончено в рекордно короткий срок, за 4 месяца⁶.

Трасса, по которой прокладывалась линия железной дороги, в значительной части проходила по заболоченной местности. Пришлось выполнить огромные земляные работы, вынуть около 753 тыс. кубометров грунта, произвести насыпи, сделать выемки, построить фермы, мосты, укрепить откосы. Работы велись круг-

¹ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 29.

² ГАСО, ф. 339, оп. 6, д. 584, л. 46.

³ Газ. «Известия», 2 июля 1929 г.

⁴ СПА, ф. 4, оп. 6, д. 72, л. 73.

⁵ ГАПО, ф. 319, оп. 1, д. 35, л. 48.

⁶ Строительство железной дороги Усолье—Соликамск началось в июне 1928 года и в ноябре того же года было закончено.

лые сутки, они не прекращались ни днем, ни ночью. Когда наступала ночная темнота, строители разводили костры и при их свете продолжали работу. Успехи на строительстве дороги были достигнуты благодаря самоотверженному труду рабочих и технического персонала, которые, разбившись на бригады и соревнуясь между собой, работали по две и по три смены. Если учесть, что работы в основном производились вручную, то станет ясным какой поистине героический труд выполнили строители, закончив сооружение железной дороги в рекордно короткий срок.

7 ноября 1928 года, в XI годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, на станцию Соликамск прибыл первый поезд, доставивший калийному комбинату необходимые грузы и строительные материалы¹. Поезд встречало все население Соликамска. На привокзальной площади состоялся многочисленный митинг, на котором с приветствиями к строителям выступили представители калийного рудника, шахтеров Кизеловского бассейна, трудящихся крестьян района, райкома партии и комсомола, городского Совета и других общественных организаций, города Соликамска².

В эти годы строились также железные дороги Свердловск — Курган, Троицк — Орск, подъездные пути к промышленным, лесозаготовительным предприятиям и новостройкам³.

В результате грузооборот железных дорог увеличился с 10,5 млн. тонн в 1925—1926 году до 17,8 млн. тонн в 1928—1929 г.*.

Важное значение в хозяйственной жизни Урала имеет водный транспорт. Наличие широко разветвленных артерий Камского и Обь-Иртышского бассейнов дают большие преимущества этому краю по сравнению с другими районами страны. При недостаточно развитой железнодорожной сети, особенно на Севере Урала, водные пути являются важным фактором, способствующим развитию производительных сил этого района. Особенно велико значение Камского бассейна, связывающего Урал дешевым водным путем с обширными и экономически развитыми районами Европейской части Союза. Около 85% общего грузооборота в 1927 году перерабатывал Камский бассейн и лишь 15% грузов приходилось на долю всех рек восточного склона Урала⁴.

Общая длина водных путей Урала в 1927 году характеризуется данными, показанными в таблице⁵, см. стр. 237.

---

¹ Ф. Пермяков. «Двадцать лет калийной промышленности СССР», сб. по обмену опытом, Соликамск, 1946, стр. 4.

² Ф. Пермяков. «Двадцать лет калийной промышленности СССР», сб. по обмену опытом, Соликамск, 1946, стр. 4.

³ СПА, ф. 4, оп. 8, д. 12а, л. 17 об.; материалы к VIII Уральской областной партийной конференции, Свердловск, 1927, стр. 95.

⁴ Народное хозяйство СССР, ст. справочник, М., 1932, стр. 244.

⁵ Перспективы развития хозяйства Урала..., Свердловск, 1927, стр. 98.

⁶ Материалы к VIII Уральской областной конференции ВКП(б), Свердловск, 1927, стр. 97.

Наименование бассейна	Судоход. путей	Сплавных путей	Всего
Камский	2595	10097	12692
Обь-Иртышский	8763	16397	25160
	11358	26494	37852

Водные пути, допускаявшие судоходство, почти вдвое превосходили длину железных дорог Урала. Между тем, богатейшие возможности водного транспорта использовались явно недостаточно; в своем развитии он резко отставал от других отраслей хозяйства Уральской области¹. Поэтому в первые годы индустриализации основное внимание было сосредоточено на ликвидации запущенности водного транспорта и создании на нем наиболее благоприятных условий, необходимых для все возрастающих перевозок грузов².

С развитием калийной промышленности в районе Соликамска, усиленной эксплуатации месторождений верхнекамских фосфоритов и ростом бумажной и лесной промышленности в бассейне реки Вишеры потребовалось выполнение больших работ, связанных с реконструкцией русла реки Камы на участке ее верхнего течения. Были проведены работы по углублению дна реки на отдельных мелях и перекатах с 30—65 см. до 110—120 см., усилен землечерпательный караван за счет ремонта существующего и строительства нового со всем необходимым для него оборудованием³.

Нормальные условия были созданы для зимовок Камского флота: очищены, углублены и приведены в порядок Заозерский и Усольский затоны; заново оборудован затон-гавань у Соликамска в устье реки Усолка; значительной реконструкции подверглись пристани: поставлены приспособления для погрузочно-разгрузочных работ, произведена подчистка и подрезка пристанских берегов, устроены эстакады, давшие возможность удешевить передачу грузов с воды на берег и обратно. Особое внимание было уделено переустройству Пермского речного порта — главного узла камского грузооборота, где была оборудована причальная линия достаточной длины, построены необходимые складские помещения и мастерские⁴.

На реках Обь-Иртышского бассейна были проведены работы, связанные с расчисткой русла, углублением дна, ремонтом пришедших в негодность гидротехнических сооружений и улучшени-

¹ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 2, л. 147, 215.

² Перспективы развития хозяйства Урала..., Свердловск, 1927, стр. 97.

³ Материалы к IX Уральской областной конференции ВКП(б) и к VII Уральскому областному съезду Советов, Свердловск, 1929, стр. 51.

⁴ Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (в дальнейшем ЦГАНХ), ф. 562, оп. 127, д. 129, л. 5; ГАПО, ф. 122, оп. 1, д. 1894, л. 19.

ем общих условий судоходства. На все эти цели, а также железнодорожный транспорт и связь было израсходовано около 63,5 млн. рублей¹.

Еще в более неудовлетворительном состоянии, чем железнодорожные и водные пути, находились местные гужевые дороги Уральской области. Урал, являвшийся одним из наиболее бездорожных районов среди других промышленных районов Союза, имел всего лишь 180 км. шоссейных дорог и 1287 километров устроенных грунтовых дорог при общей протяженности дорожной сети около 150 тыс. км². Между тем многие из заводов Урала, при разбросанности их на большом пространстве и отсутствии железнодорожных подъездных путей, остро нуждались в благоустроенных гужевых дорогах. Имевшиеся же гужевые подъездные пути к заводам в большинстве своем не отвечали самым элементарным требованиям, что тормозило снабжение заводов сырьем, топливом, затрудняло вывоз продукции, приводило к частым перебоям в работе предприятий и значительному росту себестоимости продукции³.

В первые годы индустриализации в дорожное строительство Урала были вложены значительные средства за счет государственного и местного бюджета. Рост ассигнований на эти цели виден из таких данных: в 1923—1924 году на дорожное строительство было израсходовано 312 тыс. рублей, в 1924—1925 году — 795 тыс. руб., в 1925—1926 году — 1886 тыс. рублей, в 1926—1927 году — 5175 тыс. рублей и в 1927—1928 году — 6116 тыс. рублей⁴.

Активное участие в дорожном строительстве принимало крестьянское население. Оно выполнило работ: в 1925—1926 году на сумму 480 тыс. рублей, в 1926—1927 году — на 3.245 тыс. рублей и в 1927—1928 году — на 3.723 тыс. рублей⁵. Однако это не удовлетворяло растущих запросов промышленности и предъявляло новые требования к работе Уральского транспорта.

Таким образом, после трех лет упорного труда по выполнению плана социалистической индустриализации на Урале были достигнуты первые успехи. Произошло увеличение продукции всей Уральской промышленности. В 1928 году она составила 120% к уровню 1913 года⁶. Удельный вес производства средств производства в общей продукции промышленности повысился с 69% в 1926 г.

---

¹ Контрольные цифры хозяйства Пермского округа на 1927—1928, Пермь, 1927, стр. 73.

² А. Ослонский и А. Орлов. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928, стр. 138.

³ Там же, стр. 137.

⁴ Контрольные цифры хозяйства Урала на 1927—1928 г., Свердловск, 1928, стр. 82.

⁵ Контрольные цифры хозяйства Урала на 1927—1928 г., Свердловск, 1928, стр. 82.

⁶ «Смычка», № 228, 18 декабря 1928 г.

до 71,8% в 1928 году¹. Общее развитие, промышленности Урала характеризуется приводимой таблицей².

№ п.п.	Наименование продукции крупной промышленности Урала	1928 г. в % к 1913 г.
1.	Чугун	81,2
2.	Сталь (мартен)	110,8
3.	Прокат	112,5
4.	Железная руда	64,1
5.	Каменный уголь	163,1
6.	Асбест	106,0
7.	Медь черная	83,0
8.	Продукция машиностроения и металлообработки	122,3
9.	Дровазаготовки	60,6
10.	Пиломатериалы	166,5
11.	Сода кальцинированная	95,5
12.	Сода каустическая	97,5

Из приведенных данных видно, что в 1928 году значительно превзошли уровень 1913 года добыча угля, асбеста, производство стали и проката, продукции машиностроения и металлообработки, пиломатериалы. От довоенного уровня продолжали еще отставать добыча железных и медных руд, выплавка чугуна и меди, дровазаготовки и производство соды.

* * *

С развитием социалистической индустрии первостепенное значение приобрела проблема накопления. Важным условием в решении этой задачи было осуществление строжайшей экономии. Режим экономии — постоянный метод социалистического хозяйствования — одна из основных задач хозяйственно-организаторской деятельности Советского государства.

В конце апреля 1926 года ЦК и ЦКК ВКП(б) опубликовали обращение ко всем партийным организациям, контрольным комиссиям, ко всем членам партии «О борьбе за режим экономии»³. В обращении подчеркивалось, что только путем строжайшего режима экономии сверху донизу можно обеспечить социалистическое накопление, необходимое для индустриализации страны. «Максимально сократить расходы на все то, что не абсолютно необходимо и без чего можно обойтись при наших скудных резервах, сберегать каждую копейку и систематически накапливать средства для нашей индустриализации, — вот на чем должно быть сосредоточено внимание всей партии и всего рабочего класса»⁴.

¹ ГАСО, ф. 339, оп. 7, д. 87, л. 21.

² ГАСО, ф. 339, оп. 8, д. 114, л. 25; контрольные цифры хозяйства Урала на 1927—1928 год. Свердловск, 1929, стр. 53.

³ «Правда», № 97, 25 апреля 1926 г.

⁴ «Правда» № 97, 25 апреля 1926 г.

На призыв партии горячо откликнулся рабочий класс и все трудящиеся нашей страны, в том числе и Урала. По инициативе партийных и профсоюзных организаций создавались рабочие бригады, которые при участии специалистов проверяли в учреждениях и предприятиях штаты, расходование средств. В таких бригадах приняли участие свыше 5 тысяч рабочих Урала. По их предложениям штаты местных Советов были сокращены на 14 процентов, а экономия фонда заработной платы от этого составила 764 тыс. рублей в год¹. На 30% был сокращен аппарат хозяйственных органов, что дало 1200 тысяч рублей экономии².

Важным средством создания накоплений для социалистической индустриализации явились рационализация производства, увеличение производительности труда, повышение трудовой дисциплины. На партийных собраниях, а также на общерабочих собраниях и конференциях разъяснялись задачи и методы рационализации, отличие социалистической рационализации от капиталистической, необходимость активного участия рабочих в проведении рационализации.

Пленум Пермского райкома профессионального союза металлургической промышленности, состоявшийся в апреле 1928 года, специально обсудил вопрос об участии союза в рационализации производства³. В принятом постановлении особое внимание обращалось на улучшение организации планирования рационализаторских мероприятий, на более правильное использование рабочей силы, механизмов, оборудования, инструментов, на лучшее снабжение заводов материалами и сырьем⁴. Это постановление нашло горячий отклик на заводах металлургической промышленности. Вопросы о рационализации производства ставились также на заседаниях пленумов завкомов, на совещаниях профактивов, на общезаводских конференциях, на цеховых собраниях, на заседаниях общезаводских производственных комиссий. Всего в такого рода собраниях, совещаниях и конференциях приняло участие около 20 тыс. человек⁵.

Рационализаторская инициатива рабочих проявилась в различных формах. На Лысьвенском металлургическом заводе был организован кружок изобретателей, издавалась газета «Рабочая смекалка», на страницах которой показывались рабочие, техники и инженеры, зарекомендовавшие себя хорошими изобретателями. На заводе также был организован уголок изобретателя, где рабочие могли изготовлять модели своих изобретений, а лучшие из них показывать на периодически организуемых выставках.

Наилучшей формой втягивания широких рабочих масс в индустриализацию явились производственные совещания при фабри-

---

¹ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 36, л. 17.

² Там же, л. 11.

³ ГАПО, ф. 136, оп. 1, д. 34, лл. 37, 39.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ках, заводах и других крупных предприятиях и хозяйствах, возникшие еще в начале восстановительного периода в Москве, Донбассе, Ленинграде и других местах¹.

С переходом к социалистической индустриализации страны деятельность производственных совещаний поднялась на новую ступень, повысилась их роль в социалистическом строительстве, значительно возрос численный состав рабочих, принимавших в них участие.

В январе 1925 года Уралпрофсовет принял специальное постановление о проведении конкурса на лучшее производственное совещание, одобренное областным комитетом партии². Объявив о начале конкурса, газета «Уральский рабочий» в течение 4-х месяцев систематически освещала его ход на своих страницах, разъясняла цели и задачи конкурса. Итоги конкурса были опубликованы в газете «Уральский рабочий». Первую премию (два киноаппарата, радиоприемник, 2 технико-экономических библиотеки, 2 хронометра и набор инструментов для духового оркестра) завоевали коллективы Лысьвенского металлургического завода и Свердловских железнодорожных мастерских³. Второй и третьей премий были удостоены шахтеры Кизеловского угольного бассейна, металлурги Надеждинского и Кыштымского электролитного заводов⁴. Похвальными листами были награждены 11 производственных совещаний⁵.

В июле 1926 года ВЦСПС и ВСНХ обратились ко всем профсоюзным организациям и руководителям промышленных предприятий с призывом улучшить работу производственных совещаний, сделать их мощным средством вовлечения рабочих в активную борьбу за индустриализацию страны.

Уральские рабочие горячо откликнулись на призыв и приняли активное участие в деятельности производственных совещаний. Они добивались того, чтобы эти совещания стали подлинной школой борьбы за совершенствование и развитие промышленного производства, школой сознательного, социалистического отношения к труду.

Охват рабочих производственными совещаниями непрерывно увеличивался. Только на предприятиях металлургической промышленности пяти округов Урала во втором полугодии 1927—1928 года в совещаниях участвовало 55.500 человек, против 19 тысяч человек в первом полугодии 1924—1925 года⁶. На Чусовском металлургическом заводе количество участников производственных совещаний возросло с 4366 человек в конце 1926 года до 8983 че-

¹ КПСС в революциях..., ч. 11, стр. 218, 219.

² Центральный партийный архив (в дальнейшем ЦПА), ф. 17, оп. 26, д. 285/2, л. 11.

³ ЦПА ф. 17, оп. 26, д. 285/2, л. 11.

⁴ ГАПО, ф. 116, оп. 1, д. 25, л. 129.

⁵ «Уральский рабочий», 2 августа 1925 г.

⁶ ЦГАОР, ф. 5469, оп. 13, д. 107, л. 75.

ловек в 1927 году¹. На Березниковском содовом заводе участники производственных совещаний составили в марте 1928 года 24% общего состава рабочих против 15% в 1926 г. На предприятиях Пермского округа число рабочих, участвовавших в производственных совещаниях, за этот же период увеличилось с 17% до 28%.

Усиление работы производственных совещаний в первые годы индустриализации привело к быстрому и значительному росту количества предложений, направленных на улучшение производства. На предприятиях металлопромышленности Урала количество внесенных предложений возросло с 4966 в 1925—1926 году до 9000 в 1927—1928 г.² В Верхне-Камском округе, только за 1927 год на производственных совещаниях рабочие внесли 623 предложения, из которых 497 были приняты полностью и 35 предложений частично³. В Пермском округе лишь за два месяца смотра производственных совещаний в 1928 году рабочие внесли около 7 тысяч различных предложений, что значительно превысило количество предложений, внесенных ими за весь 1927 год⁴. Наибольшее число предложений было связано с использованием наличного оборудования, усовершенствованием производственных процессов и организацией труда и заработной платы⁵.

Творческая смекалка рабочих подчас вела к радикальным изменениям в производстве, дававшим большой экономический эффект. В 1926 году в мастерских Пермской железной дороги по предложению рабочих был сконструирован штамп для изготовления рессорных накладок. Это ценное усовершенствование в 4 раза подняло производительность труда и значительно снизило себестоимость продукции⁶. На Чермозском металлургическом заводе, в результате активного участия рабочих в производственных совещаниях и внедрения в производство новых, более производительных и экономных усовершенствований, месячная сумма экономии составила свыше 80 тыс. рублей⁷. По далеко неполным данным, от предложений рабочих, внесенных на производственных совещаниях в 1928—1929 году, только по тресту «Уралмет» получено 4,6 млн. рублей экономии⁸.

Партийные и профсоюзные организации уделяли большое внимание вопросу о том, как реализуются предложения, принятые производственными совещаниями. В 1928 году по указанию Уральского областного комитета ВКП(б) на крупнейших предприятиях

¹ «Звезда», № 263, 18 ноября 1927 г.

² Там же.

³ ГАСО, ф. 277, оп. 1, д. 1148, л. 87.

⁴ «Смычка», № 263, 18 ноября 1927 г.

⁵ ЦГАОР, ф. 5469, оп. 13, д. 107, л. 75.

⁶ «Звезда», № 263, 18 ноября 1927 г.

⁷ «Уральский рабочий», № 126, 4 июня 1926 г.

⁸ «Звезда», № 264, 17 ноября 1926 г.

⁹ СПА, ф. 4, оп. 7, д. 35, л. 31 об.; ГАСО, ф. 339, оп. 8, л. 18, л. 35.

Лысьвы, Надеждинска, Свердловска и других городов Урала были созданы комиссии по проверке выполнения предложений совещаний¹.

Деятельность рабочих в производственных совещаниях в годы индустриализации оказывала прямое влияние на общее улучшение работы предприятий, способствуя увеличению выпуска продукции, выполнению и перевыполнению плановых заданий, повышению производительности труда, снижению себестоимости и улучшению качества продукции. Производственные совещания явились школой коммунистического воспитания трудящихся, сознательного соблюдения ими трудовой и производственной дисциплины.

В первые годы индустриализации возникли и получили широкое распространение общественно-производственные смотры предприятий, производственные переключки фабрик и заводов, конкурсы-соревнования, инициатором и организатором которых была советская периодическая печать.

Газета «Уральский рабочий» явилась инициатором и организатором производственной переключки между цехами, предприятиями и отраслями уральской промышленности, начавшейся в октябре 1927 года и охватившей 30 заводов и свыше 10 тыс. рабочих².

Первым в производственную переключку включился коллектив Лысьвенского механического завода. Комсомольцы Лысьвы в переключке с комсомольцами Чусовского, Нытвенского, Миасского и Златоустовского предприятий добились улучшения качества сырья, оборудования и спецодежды. Почин лысьвенцев был горячо поддержан молодежью завода «Уралсепаратор», которая в переключке с сельской молодежью обеспечила устранение недостатков на производстве и своими рационализаторскими предложениями способствовала резкому повышению производительности труда и увеличению выпуска сепараторов³. За 1927—1928 год заводом было выпущено 60 тыс. сепараторов, вместо 20 тыс. — в предыдущем году⁴. В результате переключки рабочих Пермских железнодорожных мастерских с рабочими депо станции Пермь II, Кунгур, Верещагино резко сократились потери запасных частей паровозов, а сумма на их приобретение уменьшилась в 5 раз⁵.

За время производственной переключки рабочий класс Урала под руководством партийных организаций провел большую работу, направленную на выполнение производственных планов, улучшение организации труда, снижение себестоимости выпускаемой продукции и улучшение ее качества. Эти и другие аналогичные мероприятия дали весьма положительные результаты. По далеко не-

---

¹ Л. С. Рогачевская. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. М., 1959, стр. 90.

² СПА, ф. 4, оп. 7, д. 53, л. 1.

³ «На смену», № 44, 14 апреля 1928 г.

⁴ СПА, ф. 4, оп. 5, д. 2, л. 146.

⁵ «На смену», № 175, 25 сентября 1928 г.

полным данным, общая экономия по уральским заводам составила свыше 400 тыс. рублей¹.

Уже в ходе уральской переключки среди рабочих возникла инициатива организации более широкой кампании, которая охватила бы не 10 тыс. рабочих, а гораздо больше и не только одного промышленного района, а нескольких. Такой кампанией явилась Урало-Сибирская переключка, которая началась в декабре 1928 года — январе 1929 года². Вначале был установлен контакт двух газет — «Уральский рабочий» и «Советская Сибирь», а затем в переключку включились окружные газеты — Нижне-Тагильского, Златоустовского, Пермского округов и центральная «Торгово-промышленная газета». Общий тираж этих газет составил около 175 тыс. экземпляров, из них уральских газет — свыше 100 тысяч экземпляров³. За время переключки было издано около 500 печатных и рукописных заводских газет, которые назывались именем Урало-Сибирской переключки⁴.

В газетах систематически помещались материалы о ходе социалистического соревнования между Уралом и Сибирью, всемерно поддерживалась инициатива передовых коллективов и новаторов производства, своевременно вскрывались недостатки, имевшиеся на предприятиях, и указывались пути их устранения.

На производственных конференциях, совещаниях, в инженерно-технических секциях Нижне-Тагильского, Нижне-Салдинского, Кушвинского и других заводов, работавших на кузнечном топливе, был выработан «счет» Урала с анкетой о качестве кузнечного угля и кокса, о их недостатках и дефектах⁵. В свою очередь сибиряки предъявили «счет» Уралу и, прежде всего, рабочим Златоустовского, Миасского, Чусовского и Лысьвенского заводов с указанием недостатков качества металлоизделий, выпускаемых этими предприятиями⁶.

Партийные организации Урала организовали широкую популяризацию «счета» Сибири, предъявленного Уралу сибирскими горняками и металлургами. Этот «счет» был напечатан в областной газете «Уральский рабочий», а затем отпечатан на листовках тиражом в 40 тысяч экземпляров т. е. по количеству рабочих тех предприятий, которые были охвачены переключкой⁷. Широкое распространение получили красочный плакат с общим счетом сибиряков, изданный тиражом в 500 экземпляров, и платформа Урало-Сибирского сотрудничества, изданная в количестве 1000 экземпляров⁸. Напечатанные материалы развешивались всюду: в красных уголках, общежитиях, конторах, контрольных будках, на строитель-

¹ СПА, ф. 4, оп. 7, д. 5, л. 1.

² СПА, ф. 4, оп. 7, д. 5, л. 1.

³ ГАСО, ф. 272, оп. 2, д. 736, л. 24.

⁴ «Искра», № 4, 14 февраля 1929 г.

⁵ СПА, ф. 4, оп. 7; д. 5, л. 21.

⁶ СПА, ф. 4, оп. 7, д. 5, л. 21.

⁷ СПА, ф. 4, оп. 7, д. 35, л. 1.

⁸ ГАСО, ф. 272, оп. 2, д. 736, л. 24.

ных площадках и в цехах. Среди рабочих было распространено 10 тысяч экземпляров листовок с уральским «счетом» и анкетой о качестве сибирского топлива¹.

Для более организованного проведения Урало-Сибирской переключки на каждом предприятии были созданы комиссии содействия в составе представителей партийного актива, администрации, инженерно-технических работников, завкома и двух—трех лучших рабочих. На комиссии было возложено руководство массовой работой, проводимой на предприятиях и стройках в связи с переключкой². Вопрос о ходе переключки ставился предварительно на обсуждение бюро партийного комитета, завкома и инженерно-технической секции а затем уже на производственных совещаниях, рабочих собраниях и производственных конференциях. На этих собраниях рабочие принимали «счета» и предъявляли их друг другу с требованиями повысить качество выпускаемой продукции, снизить ее себестоимость, своевременно выполнять заказы и производственную программу.

В газете «Звезда» было опубликовано открытое письмо рабочих Нытвенского завода к рабочим Чусовского металлургического завода с требованиями: «Давать сутунку только по сметной цене, отгружать ее в вагоны по разнарядке Нытвенского завода. Не отгружать металлоизделия с явным браком, не допускать простоев завода из-за несвоевременной доставки сутунки»³.

Этот счет был принят на расширенном собрании рабочих и инженерно-технических работников Чусовского металлургического завода⁴. Вокруг «счета» нытвенцев развернулось широкое движение коллектива Чусовского завода, направленное на устранение недостатков, на повышение качества металла и снижение себестоимости металлоизделий.

Урал и Сибирь в ходе переключки взаимно обменивались своими рабочими делегациями. С Урала в Сибирь выезжали две делегации, из которых одна посетила Кузбасс, а другая — Кузбасс и предприятия Омской области. В свою очередь сибиряки также дважды побывали на предприятиях Уральской области⁵. В городе Лысьве делегация сибирских рабочих ознакомилась с работой предприятий, посетила рабочие собрания, обсуждавшие вопросы о ходе переключки. 5 марта 1929 года посланцы Сибири приняли участие в работе расширенного производственного совещания, созданного общезаводской производственной комиссией, совместно с представителями рабочих и инженерно-технических работников Лысьвенского завода. В своих выступлениях делегаты выразили твердую уверенность в том, что они и впредь будут систематически обмениваться производственным опытом, поддерживать регу-

---

¹ СПА, ф. 4, оп. 7, д. 35, л. 2.

² ГАСО, ф. 275, оп. 2, д. 736, л. 26.

³ «Звезда», 23 февраля 1929 года.

⁴ СПА, ф. 4, оп. 7, д. 53, л. 3.

⁵ СПА, ф. 4, оп. 7, д. 53, л. 3.

лярную связь между Уралом и Сибирью путем обмена рабочими делегациями. Представители заверили Лысьвенских рабочих в том, что сибирский рабочий класс примет все меры к тому, чтобы улучшить качество добываемого угля и другой продукции, вырабатываемой предприятиями этого промышленного района. В свою очередь лысьвенцы пообещали «устранить все недочеты, которые были отмечены в «счете» сибиряков относительно продукции Лысьвенского металлургического завода¹.

Урало-Сибирская переключка способствовала улучшению работы промышленности, росту производительности труда. Она обогатила опыт социалистических форм труда, воплотила в себе такие принципы социалистического соревнования, как трудовое сотрудничество, товарищеская взаимопомощь и деловая критика. Производственная переключка между Уралом и Сибирью явилась предшественницей широкого социалистического соревнования по всей стране. ВЦСПС, характеризуя первый этап соревнования на предприятиях Советского Союза, отмечал, что «... после Урало-Сибирской переключки в социалистическое соревнование вступил Донбасс, а затем крупнейшие предприятия Москвы и Ленинграда»².

* *

*

Уровень развития, достигнутый уральской промышленностью, со всей убедительностью свидетельствовал о том, что курс на социалистическую индустриализацию, взятый Коммунистической партией и Советским правительством на XIV съезде ВКП(б), успешно претворялся в жизнь. Утверждения лидеров «Новой оппозиции» о том, что внутреннее социалистическое накопление не обеспечит успех индустриализации, что Советское государство не обойдется без кабальных займов за границей, полностью провалились. Опыт социалистического строительства в первые годы индустриализации показал, что несмотря на финансовую блокаду, рабочие нашей страны в кабалу к капиталистам не пошли и с успехом разрешили проблему накоплений средств, за счет которых создавалась тяжелая промышленность в нашей стране, в том числе и на Урале.

¹ «Звезда», 9 марта 1929 года.

² ЦГАОР, ф. 5469, оп. 13, д. 302, л. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Ф. С. Г о р о в о й. Развитие негорнозаводской промышленности городов и торгово-экономических связей в дореформенной Пермской губернии.	7
В. В. М у х и н. Складывание уральской горнозаводской вотчины Всеволожских	35
С. М. Т о м с и н с к и й. Новые данные о волнениях приписных крестьян Юговских заводов И. Г. Чернышева в 1762 г . . .	54
Л. А. Т р е ф и л о в а. Из истории дореформенного землевладения посессионных заводов Пермской губернии	62
К. С. М а х а н ё к. К вопросу о земельных наделах рабочих и крестьян Урала по уставным грамотам.	81
П. И. Х и т р о в. Земельный вопрос на Кыштымских заводах после реформы 1861 года.	90
М. И. Ч е р н ы ш. Эволюция землевладения в Пермской губернии в период с 1861 по 1905 годы.	116
Л. П. В а к а т о в а. Столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии.	135
Н. Д. А л е н ч и к о в а. Обзор фондов Государственного архива Пермской области по истории землевладения и землепользования рабочих частных вотчинных заводов Пермской губернии в пореформенный период (1861—1917 гг.) . .	154

Часть вторая

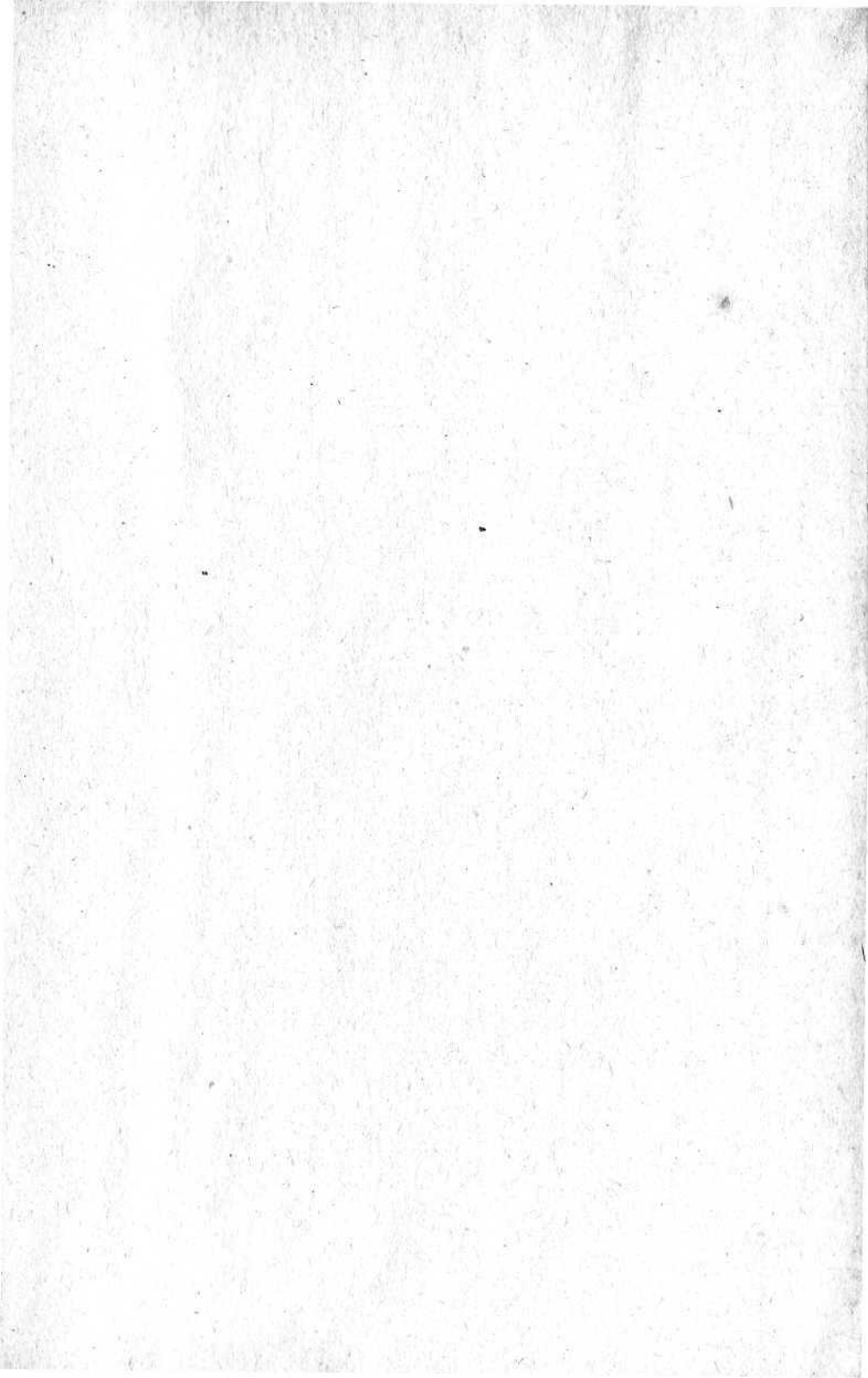
Л. М. Г а н т м а н. Борьба за большевизацию Советов Западного Урала в 1917 году.	169
Е. Н. Л у к ь я н о в а. Из истории советского строительства в Пермской губернии в 1918 году.	184
В. Г. Ч е р е м н ы х. Промышленность Урала в первые годы социалистической индустриализации (1926—1929 гг.) . . .	213

Сдано в набор 10/IX 1963 г. Подписано к печати 3/XII 1963 г. ЛБ02820.
Формат 60 X 90¹/₁₆. Печатных листов 15, Уч.-издат. листов 16,4.
Цена 1 руб. 08 коп. Заказ № 2990. Тираж 700 экз.

Кудымкарская типография Пермского облполиграфиздата.

Цена I р. 08 к.